

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Убийства по алфавиту

ЭКСМО

Annotation

В английском алфавите 26 букв. В подписи преступника, затеявшего с Эркюлем Пуаро игру при помощи писем, всего три буквы, первые, А, В и С. Он планирует совершить убийства в местах, названия которых расположены в алфавитном порядке. Задача Пуаро – разгадать замыслы убийцы и не дать ему совершить задуманные 26 преступлений.

- [Агата Кристи](#)
 - [Предисловие,](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [notes](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Агата Кристи
Убийства по алфавиту

Предисловие, написанное капитаном Артуром Гастингсом, офицером Британской империи

На этот раз я нарушил свое обычное правило – рассказывать только те истории и случаи, свидетелем которых был сам. Поэтому некоторые главы написаны от третьего лица.

Ручаюсь за достоверность описанных мною событий. Я лишь допустил некоторую вольность в описании мыслей и чувств героев. Могу добавить, что все записки были просмотрены моим другом Эркюлем Пуаро.

В заключение скажу, что я так подробно описал некоторые второстепенные отношения между персонажами этой странной серии преступлений потому, что никогда нельзя недооценивать человеческий фактор. Эркюль Пуаро как-то втолковывал мне, что преступление может стать причиной любовной истории.

Что касается убийств по алфавиту, то я считаю, что Пуаро нашел гениальный способ разрешения этой загадки.

Глава 1

Письмо

Это случилось в июне 1935 года, когда я вернулся месяцев на шесть домой со своего ранчо в Южной Америке. То было трудное для нас время. Как и все, мы переживали мировую депрессию. У меня были различные дела в Англии, которые требовали моего непосредственного участия. Моя жена осталась управлять ранчо.

Первое, что я сделал, прибыв в Англию, – это разыскал своего старого друга Эркюля Пуаро в современной квартире в Лондоне. Я высказал свое недовольство геометрическими пропорциями его жилища. Я сказал, что комната слишком квадратная, и, намекая на старую шутку, спросил, не удалось ли в этом суперсовременном доме заставить кур нести квадратные яйца?

Пуаро рассмеялся:

– О, вы помните? Но наука еще не может заставить кур соответствовать современным вкусам. Они откладывают яйца различных размеров и цвета!

Я был рад видеть своего друга. Он выглядел очень хорошо – ну, может быть, на день старше, чем в последний раз.

– Вы в отличной форме, Пуаро, – сказал я. – Если бы это было возможно, я бы сказал, что у вас стало меньше седины...

– Почему же невозможно? – улыбнулся Пуаро.

– Вы хотите сказать, что ваши волосы не седеют, а чернеют?

– Точно.

– Но это же с научной точки зрения невозможно!

– Вы в своем репертуаре, Гастингс, с вашим ясным и неискушенным умом. Вы воспринимаете факт и, не раздумывая, даете ему объяснение.

Я озадаченно посмотрел на Пуаро.

Не говоря ни слова, он прошел в спальню и вернулся с бутылкой.

Ничего не понимая, я взял ее и прочитал следующее: «Оживитель – восстанавливает естественный цвет волос. Оживитель – не краска. Пять оттенков – пепельный, каштановый, тициановый, коричневый, черный».

– Пуаро! – воскликнул я. – Вы покрасили волосы?

– Поняли наконец-то.

– Так вот почему ваши волосы почернели!

– Верно.

– Ну, мой дорогой, – сказал я, приходя в себя, – думаю, в мой следующий приезд вы будете носить фальшивые усы... или, может быть, уже?

Пуаро вздрогнул. Он необыкновенно гордился своими усами. Мои слова задели его за живое.

– Нет, нет, дорогой. Сегодня, слава богу, до этого далеко. Фальшивые усы! Ужас какой!

Он сильно подергал их, чтобы доказать мне, что они настоящие.

– У вас роскошные усы, – сказал я.

– Не правда ли? Обойдите весь Лондон – вторых таких не найдете.

«Хорошенькое занятие», – подумал я, но промолчал, чтобы не обидеть его.

Вместо этого я сказал:

– Я знаю, что вы несколько лет назад ушли в отставку.

– ...И занялся выращиванием кабачков. И сразу же произошло убийство, и я послал кабачки к черту. Я хорошо знаю, что вы на это скажете: я как примадонна, которая дает прощальный спектакль. Дает неопределенное количество раз.

Я рассмеялся.

– Честное слово, примерно так и было. Каждый раз я говорю: все, в последний раз. Но нет, что-нибудь еще происходит! Признаюсь, мне совсем не по душе отставка. Если не тренировать серое вещество, оно покрывается ржавчиной.

– Я вижу, вы проявляете свои способности умеренно.

– Да, я разборчив. Сейчас для Эркюля Пуаро интересны только «сливки».

– Ну и как, много ли сняли сливок?

– О, немало, и недавно я еле спасся.

– От провала?

– Нет, нет. – Пуаро выглядел подавленным. – Но я, я, Эркюль Пуаро, чуть было не поплатился жизнью.

Я присвистнул:

– Предприимчивый убийца?

– Не столько предприимчивый, сколько легкомысленный, именно так – легкомысленный. Но давайте не будем об этом. Знаете, Гастингс, ведь я считаю вас своим талисманом...

– Да? – удивился я. – И часто?

Пуаро не ответил и продолжил:

– Как только я узнал, что вы приезжаете, я сказал себе: опять что-нибудь произойдет. И мы будем рядом. И дело будет необычным. Это должно быть... – он в возбуждении взмахнул руками, – чем-то изящным...

– Слушайте, Пуаро, можно подумать, что вы заказываете ужин в «Ритце»^[11].

– А почему бы и в самом деле не заказать преступление? – Он вздохнул. – Ведь я верю в удачу и в судьбу, если хотите. А ваша судьба – быть рядом со мной и ограждать меня от непростительных ошибок.

– Что вы называете непростительными ошибками?

– Просмотреть очевидное.

Я не вполне уловил суть сказанного.

– Ладно, – сказал я, улыбаясь, – а это суперпреступление уже состоялось или еще нет?

На его лбу образовалась задумчивая складка, а руки принялись машинально расставлять на столе предметы в одну линию.

– Я не уверен, – медленно произнес он.

Что-то странное было в его интонации, я с удивлением посмотрел на него. Внезапно он направился к письменному столу. Достал письмо. Прочитал его про себя, а затем передал мне:

– Скажите, мой друг, что вы можете из этого заключить?

Я взял письмо. Оно было написано на белой бумаге печатными буквами.

«Мистер Эркюль Пуаро, не правда ли, вы воображаете себе, будто разгадываете тайны, слишком сложные для нашей тупорылой британской полиции? Что ж, поглядим, мистер Умник Пуаро, какой вы умный.

Возможно, этот орешек окажется вам не по зубам. 21-го числа этого месяца обратите внимание на Андовер.

Ваш и т.д.

ABC».

Я взглянул на конверт. На нем тоже были печатные буквы.

– Стоит штемпель WCI, – сказал Пуаро, когда я перевел взгляд на штемпель. – Что скажете?

Я пожал плечами:

– Какой-нибудь сумасшедший?

– И это все, что вы можете сказать?

Его голос был мрачен. Я с удивлением посмотрел на него:

– Вы слишком уж всерьез все это воспринимаете, Пуаро.

– Сумасшедших, мой друг, и надо воспринимать всерьез. Сумасшедший – это очень опасно!

– Да, разумеется, но все это похоже на дурацкий розыгрыш какого-нибудь идиота, который перебрал.

– Как? Что?

– Ничего – просто выражение такое. Я имел в виду: парень был навеселе, то есть выпил больше чем надо.

– Мерси, Гастингс, я знаком с выражением «навеселе». Так вы говорите, что ничего тут такого нет, кроме как...

– А вы считаете, что есть? – спросил я, удивленный неудовлетворенностью его тона.

Пуаро неопределенно покачал головой и не ответил.

– Что вы предприняли? – спросил я.

– Показал Джеппу. Он того же мнения, что и вы. Каждый день они получают такие штучки в Скотленд-Ярде. Мне вот тоже досталось. И все же есть нечто в этом письме, Гастингс, что мне не нравится...

Его тон снова удивил меня. Я спросил:

– Если вы действительно воспринимаете это серьезно, то можете ли что-нибудь предпринять?

– В полиции графства тоже видели письмо и тоже не восприняли его серьезно. На нем нет отпечатков пальцев. Нет ключа к поискам возможного автора.

– Да, да, есть только ваша интуиция?

– Не интуиция, Гастингс! Интуиция – это плохое слово. Мои знания, мой опыт говорят мне: что-то с этим письмом не так... – Пуаро начал жестикулировать, так как не мог подобрать слов, затем снова покачал головой: – Может быть, я делаю из мухи слона. Но в любом случае остается лишь ждать.

– Так, 21-е – это пятница. Если в районе Андовера произойдет безумно большое ограбление, тогда...

– О, это будет таким утешением!..

– Утешением?! – Я остолбенел. – Ничего себе: «утешение»...

– Ограбление освободило бы от страха перед кое-чем еще!

– Перед чем же?

– Убийством! – коротко ответил Пуаро.

Глава 2

(написана не от лица капитана Гастингса)

Мистер Александр Бонапарт Каст^{[\[12\]](#)} поднялся и близоруко осмотрел грязную спальню. У него затекла спина от сидения в стесненном положении, и когда он стал распрямляться во весь рост, то наблюдатель мог бы заметить, что на самом деле это довольно высокий мужчина. Сутулость производила обманчивое впечатление.

Подойдя к поношенному пальто, висящему на двери, он достал пачку дешевых сигарет, закурил и вернулся к своему столу, взял железнодорожный справочник и вновь принялся изучать листок бумаги. Это был список имен. Наконец против одного имени он поставил «галочку». Это было в четверг, 20 июня.

Глава 3

Андовер

Дурные предчувствия Пуаро, связанные с пресловутой анонимкой, к 21-му числу совсем вылетели у меня из головы. И первым, что напомнило мне о них, был визит Джеппа – старшего инспектора Скотленд-Ярда – к моему другу. Я многие годы знал этого инспектора отдела по расследованию уголовных преступлений, и он сердечно приветствовал меня:

– О, провалиться мне, если это не капитан Гастингс из диких мест! Как в былые времена, вместе с мсье Пуаро. Вы здорово выглядите! Хотя и поредело на макушке. А? Мы все к этому идем. Я тоже.

Да, дружище Джепп никогда не отличался тактичностью в отношении меня. И я с благодушным лицом согласился, что никто из нас не становится моложе.

– Кроме мсье Пуаро, – хитро добавил Джепп. – Он мог бы служить превосходной рекламой тонику для волос. Да к тому же он всегда в центре внимания.

Пуаро заулыбался:

– Я говорил Гастингсу, что я как примадонна, которая выходит на бис!

– Не удивлюсь, если вы закончите расследованием собственной смерти, – сказал Джепп, добродушно посмеиваясь. – Это идея! Ее надо в книжку записать.

– Именно Гастингсу и придется это сделать, – подмигнул мне Пуаро.

– Ха-ха! Вот будет забава, – рассмеялся Джепп.

Я же не усмотрел ничего забавного в этой идее. Во всяком случае, шутка показалась мне дурной. Эх, старина Пуаро. Шуточки по поводу близящейся смерти вряд ли могут быть уместны по отношению к нему.

Вероятно, мои чувства отразились на лице, и Джепп перевел разговор на другую тему, спросив:

– Вы в курсе относительно анонимки, адресованной Пуаро?

– Разумеется! – воскликнул я. – Просто все это вылетело у меня из головы. Постойте, о каком там числе говорилось?

– О 21-м, – ответил Джепп, – собственно вот почему я и забежал. Вчера было 21-е, и я просто ради любопытства позвонил вечером в Андовер. Это был действительно розыгрыш. Ничего не произошло. Разбита

витрина – пострел швырнул камень – и пара пьяных дебошей. Так что на этот раз наш бельгийский друг, как говорится, лаял не на то дерево.

– Должен признать, я вздохнул с облегчением, – кивнул Пуаро.

– Вы просто зациклились! – мягко сказал Джепп. – Господи, да мы каждый день получаем десятки подобных писем! Люди, которым нечего делать и у которых не в порядке на «чердаке», сидят и пишут... Но ничего не собираются делать! Наверное, их это оживляет.

– Я действительно сглупил, «сунул нос в ослиное гнездо»...

– Вы путаете ослов с осаами, – усмехнулся Джепп. – Пара разных английских поговорок. Ну, мне пора. Есть дело на соседней улице – получить украденные драгоценности. Хотел заглянуть по пути. Жаль, что серое вещество осталось неиспользованным.

Джепп ушел.

– Он не сильно изменился, добряк Джепп, а? – спросил Пуаро.

– А на вид постарел, – ответил я и мстительно добавил: – Поседел, как барсук. Этот Джепп всегда был таким: никакого чувства юмора! Смеется, если из-под кого-нибудь выдвигают стул, когда тот садится.

– Множество людей засмеялись бы на его месте.

– Это безжалостно.

– С точки зрения сидящего...

– Ладно, – сказал я, успокаиваясь. (Я всегда становлюсь ранимым, когда речь заходит о густоте моих волос.) – Просто мне жаль, что дело по письму не состоялось. И раз мне предстоит содействовать вам, то придется поискать другое «сливочное» преступление. Давайте посмотрим меню. Ограбление? Подделка? Слишком по-вегетариански! Должно быть убийство! Кровавое убийство. И с гарниром, конечно.

– Действительно. С закуской.

– Кто будет жертвой – мужчина или женщина? – продолжал я. – Думаю, мужчина. Какая-нибудь «шишка». Американский миллионер. Премьер-министр. Газетный магнат. Сцена преступления. Старая добрая библиотека? Оружие: витой кинжал или какой-нибудь тупой предмет – высеченный из камня идол...

Пуаро вздохнул.

– Или, конечно, – сказал я, – яд... что так узкоспециально. Или выстрел из револьвера, раскатившийся в ночи. Потом там должна быть красивая девушка, или даже две...

– С каштановыми волосами, – проворчал мой друг.

– Одна из красивых девушек, конечно же, должна быть несправедливо подозреваема... и у нее должна быть размолвка с молодым человеком.

Потом, разумеется, должны быть и другие подозреваемые. Старуха таинственного вида... и какой-нибудь друг или враг убитого... и секретарь – темная лошадка... и добродушный мужчина с грубоватыми манерами... и пара уволенных слуг или егерей или что-то в этом роде... и дубина-детектив из таких, как Джепп... и, пожалуй, хватит.

– И все насчет «сливок»?

– А вы не согласны?

Пуаро печально посмотрел на меня:

– Вы прекрасно пересказали детективы, которые когда-либо были.

– Ну хорошо, а что рассказали бы вы?

Пуаро, закрыв глаза, откинулся в кресле. Его голос, мурлыкая, прорывался сквозь губы:

– Очень простое преступление. Преступление без осложнений. Преступление в тихой местности... очень бесстрастное, очень интимное.

– Как это? Преступление разве может быть интимным?

– Предположим, – пробормотал Пуаро, – четверо сели играть в бридж, а один – в кресле у камина. Под конец вечера обнаруживается, что человек у камина мертв. Один из четверки, когда пришла его очередь играть «болвана», подошел и убил его. А остальные трое, погруженные в игру, ничего не заметили. Вот это было бы вам преступление! *Который из четырех?*

– Ну, здесь нет ничего будоражащего, – сказал я.

Пуаро бросил на меня укоризненный взгляд:

– Потому что нет витых кинжалов, нет шантажа, нет изумруда – украденного глаза божества... Вы сентиментальны, Гастингс. Вам подавай не одно убийство, а целую серию.

– Признаюсь, – сказал я, – что в книжках второе убийство оживляет дело. Если убийство происходит в первой главе и вам надо проследить алиби каждого, то скоро это становится несколько утомительно.

Зазвонил телефон, Пуаро поднялся ответить:

– Алло. Да, Пуаро говорит.

Я увидел, как он изменился в лице. А ответы стали короткими и бессвязными:

– Да... Да, конечно... Разумеется, мы подъедем... Действительно... Может, это так, как вы говорите... Да, принесу. До скорого свидания.

Он повесил трубку и подошел ко мне:

– Это Джепп, Гастингс.

– Да?

– Он вернулся в Ярд. Из Андовера пришло сообщение...

– Из Андовера?! – воскликнул я.

Пуаро медленно произнес:

– Пожилая женщина по фамилии Ашер, которая держит небольшую табачно-газетную лавку, обнаружена мертвой.

Я был слегка обескуражен. Я ждал чего-то фантастического. Убийство пожилой женщины, содержащей табачную лавочку, казалось мне убогим и безынтересным.

Пуаро продолжал тем же голосом:

– Полиция верит, что сможет найти виновного...

Я ощутил второй прилив разочарования.

– Похоже, женщина не ладила со своим мужем. Он пьет и бывает буйным. Он не раз грозился лишить ее жизни. И тем не менее, – продолжал Пуаро, – полиция хотела бы еще раз взглянуть на письмо, которое я получил. Я сказал, что мы с вами немедленно отправимся в Андовер.

Я слегка оживился. В конце концов, каким бы убогим это преступление ни было, прошло много времени с тех пор, как я последний раз бывал в переделке.

И я не обратил особого внимания на следующие слова Пуаро.

– Это начало, – сказал он...

Глава 4

Миссис Ашер

В Андовере нас встретил инспектор Глен, высокий блондин с приятной улыбкой.

Краткости ради, мне кажется, стоит дать сжатый обзор голых фактов этого дела.

О преступлении стало известно констеблю Дувру в час ночи 22-го. Во время обхода он решил проверить дверь лавки и обнаружил, что она не заперта. Он вошел и сперва подумал, что там никого нет, но, посветив за прилавок, увидел скрючившееся тело пожилой женщины. Прибыл полицейский хирург и установил, что женщину ударили тяжелым предметом, вероятно когда она нагнулась к полке за пачкой сигарет. Смерть произошла примерно семь-девять часов назад.

– Но нам удалось уточнить это время, – объяснил инспектор, – мы нашли человека, который заходил купить табак в 17.30. А другой человек зашел, как он полагает, в 18.05 и увидел, что в лавке пусто. Из этого следует, что время преступления – между 17.30 и 18.05. До сих пор мне не удалось найти кого-нибудь, кто видел бы этого типа Ашера. Но конечно, еще успеем. Он был в девять часов вечера в «Трех коронах», здорово уже набравшись. Как только мы его отыщем, он будет задержан как подозреваемый.

– Не очень приятная личность, инспектор? – спросил Пуаро.

– Подонок.

– Он не жил с женой?

– Нет, они разошлись несколько лет назад. Ашер – немец. Когда-то служил официантом, но пристрастился к выпивке и со временем стал безработным. Его жена начала работать. Последний раз она была кухаркой и экономкой у одной старой леди, мисс Роуз. Она отдавала мужу большую часть заработка, но он всегда напивался, приходил и закатывал сцены там, где она работала. Вот почему она устроилась у мисс Роуз в Грейндже. Это в трех милях от Андовера, в деревенской глуши. Там Ашеру не просто было добраться до нее. Когда мисс Роуз умерла, миссис Ашер получила небольшое наследство и открыла табачное и газетное дело: совсем крошечную лавку. Только дешевые сигареты и кое-какие газеты. Ей едва удавалось сводить концы с концами. Ашер снова повадился наведываться и

оскорблять ее, а она, чтобы избавиться от него, регулярно выделяла ему немного денег – пятнадцать шиллингов в неделю.

– У них есть дети? – спросил Пуаро.

– Нет. Есть племянница. Работает служанкой в Овертоне. Весьма незаурядная, уравновешенная молодая женщина.

– Так вы говорите, что этот Ашер угрожал жене?

– Совершенно верно. Он становился тираном, когда был пьян: ругался и клялся, что проломит ей голову.

– Какого она была возраста?

– Под шестьдесят – уважаема и трудолюбива!

Пуаро мрачно произнес:

– По-вашему, инспектор, убийство совершил этот тип – Ашер?

Инспектор осторожно кашлянул:

– Рановато говорить об этом, мистер Пуаро, но мне хотелось бы услышать показания самого Франца Ашера. Пусть-ка скажет о том, как провел вчерашний вечер...

Наступившая пауза была многозначительной.

– Из магазина ничего не пропало?

– Ничего. В кассе деньги целы. Никаких признаков ограбления.

– Вы думаете, Ашер ввалился сюда пьяным, принялся оскорблять жену, а потом ее прикончил?

– Вероятно, так! Но должен признаться, сэр, мне хотелось бы еще раз взглянуть на то странное письмо... Я был бы крайне удивлен, если бы оказалось, что его послал Ашер.

Пуаро передал письмо, инспектор, хмурясь, прочитал его.

– Не похоже, что писал Ашер, – сказал он наконец. – Я сомневаюсь, чтобы Ашер, если только он не большой хитрец, додумался до этого. И потом, он такая развалина. У него слишком дрожат руки, чтобы вывести такие буквы. Письмо написано на качественной бумаге и хорошими чернилами. Странно, что в письме упоминается 21-е число. Конечно, это могло быть совпадением.

– Возможно.

– Не нравятся мне такие совпадения, мсье Пуаро. – Инспектор помолчал одну-две минуты, нахмурился: – АВС. Кто же, черт возьми, это может быть? Может, Мэри Дроуэр (это племянница миссис Ашер) нам как-нибудь поможет?

– Вы знаете что-нибудь о прошлом миссис Ашер?

– Она из Гемпшира. Будучи еще незамужней, устроилась на службу в Лондоне. Там встретила Ашера и вышла за него замуж. Во время войны им

пришлось туго. Она бросила его окончательно в 1922 году. Тогда они жили в Лондоне. Она возвратилась сюда, чтобы скрыться от него, но он пронюхал, где она находится, и стал ее преследовать, требуя денег.

Вошел констебль.

– Ну, Бригс, что там?

– Там Ашер, сэр. Мы доставили его.

– Введите его. Где он был?

– Прятался в железнодорожном вагоне.

– Давайте его сюда.

Франц Ашер был действительно опустившимся типом. Он то громко плакал, то ежился, то бушевал. Его мутный взгляд бегал с одного лица на другое.

– Что вам надо? Я сделать ничего! Это стыд и позор – привести меня сюда! Вы, свиньи, как осмелились? – Внезапно его поведение изменилось. – Нет, нет, я не хочу сказать – вы не сделать плохо бедный старик – не будьте жестоки с ним. Все жестокий с бедный старый Франц. Бедный старый Франц...

Мистер Ашер заплакал.

– Довольно, Ашер! – сказал инспектор. – Возьмите себя в руки. Я вас ни в чем не обвиняю... пока. И если не хотите... то вы не обязаны давать показания. Но если вы не замешаны в убийстве жены...

Ашер перебил его, закричав:

– Я не убивал ее! Я не убивал ее! Это неправда! Вы, английские свиньи, вы все против меня! Я никогда не убивал ее! Никогда!

– Вы достаточно часто угрожали ей, Ашер.

– Нет, нет. Вы не понимаете. Это просто была шутка – милая шутка между мной и Алисой. Она понимала.

– Хорошенькая шутка! Потрудитесь сказать, где вы были вчера вечером?

– Да, да, я все скажу. Меня не было рядом с Алисой. Я есть с друзьями, с хорошими друзьями. Мы есть в «Семи звездах», потом в «Рыжем псе»...

Он торопился, запинаясь.

– Дик Виллоуз – он был со мной, – и старина Керди, и Джордж, и Плат, и другие ребята. Я говорю вам, что я не есть рядом с Алисой. О боже, я говорю вам правду!

Его голос сорвался на крик. Инспектор кивнул подчиненному:

– Уведите! Задержан по подозрению.

– Я не знаю, что и подумать, – сказал он, когда вывели этого трясущегося старика со злым оскалом. – Если бы не письмо, я бы сказал:

он убил!

– Но кого он упоминал?

– Дурная компания: некоторые способны прирезать. Я не сомневаюсь, он был с ними. Но многое зависит и от того, видел ли кто-нибудь его около лавки между 17.30 и 18 часами.

Пуаро покачал головой:

– Вы уверены, что из лавки ничего не пропало?

– Как сказать! Одну-две пачки сигарет, может, и взяли, но вряд ли можно совершить убийство ради этого.

– И ничего не было... как бы сказать... внесено в лавку? Не обнаружено ли там что-нибудь странное, неуместное?

– Железнодорожный справочник... – сказал инспектор.

– Железнодорожный справочник?

– Да. Он был открыт и лежал на прилавке обложкой вверх. Вот так...

Похоже, кто-то искал поезд из Андовера.

– Она продавала что-нибудь подобное?

Инспектор покачал головой:

– Такие есть только у Смита или в крупных магазинах.

Глаза Пуаро блеснули. Он подался вперед.

– Вы сказали, железнодорожный справочник. «Брэд шоу» или «ABC»?

Глаза инспектора тоже блеснули.

– Господи, – сказал он. – Это был «ABC».

Глава 5

Мэри Дроуэр

Да, да, тут-то я и заинтересовался этим делом серьезно – после первого упоминания об этом железнодорожном справочнике. Я поначалу был глубоко убежден, что миссис Ашер оказалась жертвой скотины-мужа. Упоминание о железнодорожном справочнике, где все железнодорожные станции перечислялись в алфавитном порядке, привело меня в трепет. Несомненно, это не могло быть вторым совпадением.

Мы пошли в морг осмотреть тело. Странное чувство охватило меня, когда я взгляделся в старое морщинистое лицо с пучком седых волос, туго стянутых на висках. Оно было таким мирным, таким далеким от насилия.

– Непонятно, кто и чем ударил ее, – заметил сержант. – Как сказал доктор Керр, это произошло мгновенно. Бедная старая душа, она была славной женщиной.

– Должно быть, когда-то она была красива, – заметил Пуаро.

– Да? – пробормотал я недоверчиво.

– Ну конечно, посмотрите на черты лица, форму головы.

Он вздохнул, поправил простыню, и мы вышли из морга. Следующее, что мы сделали, – поговорили с полицейским хирургом.

Доктор Керр был знающим человеком. Он говорил оживленно и решительно:

– Орудие преступления не было найдено. Трудно сказать, что это было. Увесистая палка, дубинка, мешок с песком – что-нибудь подобное.

– Много ли надо силы, чтобы нанести такой удар?

Доктор бросил острый взгляд на Пуаро:

– Вы хотите спросить, мог ли семидесятилетний старик сделать это? Да, взяв орудие достаточного веса, совершенно немогущий человек мог достичь такого результата.

– В таком случае убийцей могла быть и женщина?

Это предположение застало доктора врасплох.

– Женщина? Должен признаться, мне не приходило в голову связать женщину с преступлением такого рода. Но конечно, это возможно – совершенно возможно. Однако, с точки зрения психологии, я бы не сказал, что это дело рук женщины.

Пуаро кивнул, соглашаясь:

– Точно, точно. Это неправдоподобно. Но надо принять во внимание все. Как лежало тело?

Доктор подробно описал нам положение жертвы. По его мнению, когда был нанесен удар, миссис Ашер стояла спиной к прилавку (и, следовательно, к убийце). Затем ее тело сползло на кипу газет за прилавком, так что человек, случайно вошедший в лавку, мог не заметить труп.

После того как мы, поблагодарив доктора, ушли, Пуаро тепло сказал:

– Чувствуете, Гастингс, мы уже кое-что имеем в пользу Ашера. Если бы он устроил в лавке скандал, жена стояла бы к нему лицом. Вместо этого она повернулась *спиной*... чтобы взять табак или сигареты для *покупателя*?

Я невольно почувствовал легкую дрожь.

– Какой ужас!

Пуаро мрачно кивнул.

– Бедная женщина, – пробормотал он.

Потом взглянул на часы.

– Я думаю, Овертон не так далеко отсюда. Может, рванем туда и побеседуем с племянницей покойной?

– А лавка, где произошло преступление?

– Я бы предпочел туда зайти позже. Есть причина.

Пуаро не стал объяснять, и спустя несколько минут мы неслись по лондонской дороге к Овертону. Адрес, который нам дал инспектор, привел нас к просторному дому, примерно в миле от деревни в сторону Лондона.

На наш звонок вышла приятная темноволосая девушка с покрасневшими от недавних слез глазами.

Пуаро ласково спросил:

– О! Я думаю, это вы и есть – мисс Мэри Дроуэр, работающая здесь горничной?

– Да, сэр. Я – Мэри, сэр.

– Тогда, возможно, я смог бы с вами поговорить несколько минут, если ваша хозяйка не возражает. Это касается вашей тетушки, миссис Ашер.

– Хозяйки нет дома, сэр. Она бы не возражала, я уверена, если бы вы вошли.

Она провела нас в маленькую столовую. Пуаро сел в кресло у окна и пристально посмотрел на девушку.

– Вы, конечно, слышали о смерти вашей тетушки?

Девушка кивнула, у нее снова на глаза навернулись слезы.

– Этим утром, сэр. Приходила полиция. О! Это ужасно! Бедная тетушка! Так тяжело ей жилось. А вот теперь... Это так ужасно!

– Вам полиция не предлагала вернуться в Андовер?
– Они сказали, что я должна прийти на дознание – это в понедельник, сэр. Но никуда я не поеду. Не могу представить себя у магазина... сейчас... и потом, мне не хочется оставлять госпожу...

– Вы любили свою тетю, Мэри? – мягко спросил Пуаро.

– Конечно, сэр! Она всегда была ко мне очень добра, всегда. Я приехала к ней в Лондон, когда мне было одиннадцать лет, после того как умерла мама. Я начала работать в шестнадцать лет и обычно в выходные заезжала к тетушке. Много горя натерпелась она с этим немцем. Она называла его «старый черт». Он не давал ей покоя, паразит и попрошайка!

Девушка пришла в неистовство.

– Ваша тетя никогда не помышляла об освобождении от его преследований с помощью закона?

– Понимаете, он был ее мужем, сэр, куда от этого денешься?

Девушка говорила просто и убедительно.

– Скажите, Мэри, он угрожал ей или нет?

– О да, сэр, он говорил ужасные вещи. Что перережет горло и тому подобное. Проклинал и ругался по-немецки и по-английски. А еще тетушка вспоминала, что он был очень хорошим, когда она вышла за него. Страшно подумать, сэр, во что превращаются люди.

– Да, действительно. Таким образом, Мэри, мне представляется, что вы, зная об угрозах, не очень-то были поражены, когда услышали о случившемся?

– О нет, сэр. Видите ли, сэр, я никогда не думала, что он угрожал всерьез. Я полагала, что это было просто мерзкой болтовней, и ничем более. И я бы не сказала, что тетушка его боялась. Почему? Я видела, как он поджимал хвост, когда она давала ему отпор. Это он боялся ее...

– И все же она давала ему деньги?

– Да, он был ее мужем, понимаете, сэр?

– Да, это вы уже говорили. – Пуаро помолчал и добавил: – Предположим, он ее не убивал.

– Не убивал?! – Она удивленно посмотрела на него.

– Да. Допустим, это кто-то другой... Кто это мог бы быть?

Она удивилась еще больше.

– В это трудно поверить, сэр. Не правда ли?

– И ваша тетя вообще никого не боялась?

Мэри покачала головой:

– Тетушка не боялась людей. Она была остра на язык и могла за себя постоять.

– Вам не приходилось слышать, что кто-то имеет на нее зуб?

– Нет, сэр!

– Она когда-нибудь получала анонимные письма?

– Какие, вы говорите, письма?

– Письма, которые не были подписаны или подписаны чем-то вроде АВС. – Он пристально посмотрел на нее, но девушка была в недоумении и удивленно качала головой.

– У вашей тети есть родственники, кроме вас?

– Сейчас нет. Она была десятым ребенком в семье, но из них только четверо дожили до взрослого возраста. Дядя Том убит на войне, а дядя Гарри уехал в Южную Америку, и с тех пор о нем никто не слышал. Мама умерла, и осталась одна я.

– У вашей тети были какие-нибудь сбережения?

– У нее был небольшой счет в банке, сэр. Достаточный, чтобы похоронить ее надлежащим образом, как она выражалась. Тетушка едва сводила концы с концами.

Пуаро задумчиво кивнул. И сказал скорее самому себе:

– Сейчас ничего не ясно... если дело прояснится...

Он встал.

– Если вы мне понадобится, Мэри, я напишу вам сюда.

– Вообще говоря, я поселилась здесь, потому что считала, что это будет удобно для тетушки – иметь меня рядом. Но теперь, – слезы снова появились у нее на глазах, – меня здесь ничто не удерживает и я вернусь в Лондон. Там девушке веселее.

– Я бы хотел, чтобы вы оставили мне адрес, когда уедете. Вот моя визитная карточка.

Он передал ей карточку. Она взглянула на нее с недоумением:

– Так вы... не связаны с полицией, сэр?

– Я – частный детектив.

Она помолчала некоторое время и наконец спросила:

– Что-нибудь подозрительное, сэр?

– Да, дитя мое. Во всем этом есть что-то подозрительное. Позже вы, наверное, сможете мне помочь.

– Я... я что-нибудь сделаю, сэр. Это... это было *неправильно*, что тетушку убили.

Ее последняя фраза прозвучала странно, но с глубоким чувством.

Через несколько минут мы отправились обратно в Андовер.

Глава 6

Место преступления

Улица, на которой произошла трагедия, начиналась за поворотом главной улицы города. Магазины миссис Ашер были расположены на полпути вниз по правой стороне улицы.

Когда мы шли туда, Пуаро взглянул на часы, и я понял, почему он повременил с посещением места преступления: было как раз половина шестого... Ему захотелось воспроизвести атмосферу вчерашнего дня.

Но его ждала неудача. Конечно же, к нашему приходу улица имела мало сходства со вчерашней. На ней стояла толпа народа. Не надо было быть слишком проницательным, чтобы догадаться: обыватели с интересом рассматривали место, где им подобный был предан смерти.

Перед маленькой закопченной лавочкой с закрытыми жалюзи стоял встревоженный полицейский, призывавший толпу «проходить и не задерживаться».

Мы остановились. Над дверью была надпись, Пуаро прочел:

– А. Ашер. Да, это, должно быть, здесь... Давайте зайдём внутрь, Гастингс.

Мы пробрались сквозь толпу и обратились к полицейскому. Пуаро предъявил свои рекомендации, которыми снабдил его инспектор. Констебль кивнул и отпер дверь. Мы вошли, обратив на себя внимание всех зевак.

Закрытые жалюзи создавали такую темноту, что констеблю пришлось нащупать выключатель, и маломощная лампочка тускло осветила помещение.

Я огляделся.

Несколько разбросанных дешевых журналов, вчерашних газет. Пыль однодневной давности.

За прилавком – снизу и до самого потолка – ряд полок, забитых табаком и пачками сигарет. Там также стояла пара банок с мятными лепешками и ячменным сахаром. Обычный магазинчик, каких тысячи.

Медлительным гемпширским голосом констебль принялся объяснять:

– Внизу за прилавком, на кипе газет, – там она была. Доктор говорит, и не знала бедняга, кто ударил ее. Должно быть, полезла так вот на одну из полок...

– А у нее ничего не было в руках?

– Нет, сэр, только рядом валялась пачка «Плэйерс».

Пуаро кивнул. Глаза его забежали вокруг маленького пространства, все разглядывая, все замечая.

– А железнодорожный справочник?

– Здесь он был, сэр. – Констебль показал место на прилавке. – Открыт на странице, где Андовер, и перевернут. Как будто он искал поезд на Лондон. Раз так, этот человек вовсе не из Андовера. Конечно же, железнодорожный справочник мог принадлежать кому-то еще, просто забывшему его здесь и не замешанному в убийстве.

– Отпечатки пальцев? – предположил я.

Констебль отрицательно покачал головой:

– Все обследовали, сэр. Ничего нет.

– И на прилавке? – спросил Пуаро.

– Здесь слишком много, сэр! Все перемешалось и запуталось.

– Среди них есть отпечатки Ашера?

– Еще рано говорить, сэр.

Пуаро кивнул и спросил, жила ли женщина здесь же.

– Да, сэр, пройдите в эту дверь. Извините, должен остаться...

Открыв дверь, мы попали в крошечную, аккуратно прибранную прихожую-кухню. Она была обставлена очень скудно и выглядела мрачно. На каминной полке стояло несколько фотографий. Я подошел и взглянул на них. Пуаро присоединился ко мне.

Всего было три фотографии. Первая – дешевый портрет девушки – Мэри Дроуэр. На ней была, безусловно, лучшая одежда, а на лице – деревянная улыбка, которая так часто возникает, когда позируют.

Вторая карточка была подороже. Искусно отретушированное изображение пожилой женщины с седыми волосами. Вокруг ее шеи – высокий меховой воротник. Возможно, это была мисс Роуз, оставившая небольшое наследство, которое позволило миссис Ашер начать свое дело.

Третья фотография была очень старой, затершейся и пожелтевшей. Она воспроизводила державшуюся под руки молодую пару в чем-то старомодном. У мужчины был цветок в петлице, и во всем его виде ощущалось былое веселье.

– Наверное, свадебная карточка, – сказал Пуаро. – Признайтесь, Гастингс, не говорил ли я вам, что она была красивой женщиной?

Пуаро был прав.

От прихожей лестница вела к двум верхним комнатам. Одна из них была необставленной, пустой. Другая, очевидно, являлась спальней покойной и осталась без изменений после осмотра полиции. Пара ветхих

одеял на кровати, стопка перештопанного белья в ящике комода, кулинарные рецепты, роман в мягкой обложке под названием «Зеленый оазис», пара новых чулок, пара декоративных фарфоровых фигурок: сильно побитый дрезденский пастух и собака с желтыми и синими пятнами, черный плащ и висящий на вешалке шерстяной свитер – вот и все состояние покойной Алисы Ашер.

Если и были какие-то личные письма, то полиция взяла их с собой.

– Бедная женщина, – пробормотал Пуаро, – пойдемте, Гастингс, здесь для нас ничего нет.

Когда мы снова оказались на улице, он минуту-две поразмышлял, потом пересек улицу. Почти напротив лавки миссис Ашер находилась лавка зеленщика, спланированная таким образом, что большая часть товара находилась снаружи.

Пуаро приглушенным голосом дал мне соответствующие инструкции, затем вошел в лавку. Через одну-две минуты я последовал за ним. В этот момент он торговался насчет салата. Я же купил фунт клубники.

Пуаро оживленно беседовал с женщиной, которая его обслуживала.

– Это ведь прямо напротив вас? Такая сенсация!

Полная женщина, безусловно, утомленная разговорами об убийстве на протяжении всего дня, заключила:

– Хорошо, если б эти зеваки убрались. На что там смотреть, хотела бы я знать?

– Должно быть, вчерашний вечер сильно отличался от остальных, – сказал Пуаро, – возможно, вы даже видели, как преступник входил в лавку: такой высокий блондин с бородой, не так ли? Русский, как я слышал.

– Что? – Женщина живо взглянула на него. – Вы говорите, это сделал русский?

– Я узнал, что его арестовала полиция.

– Да что вы?! – Женщина была возбуждена. – Иностранец!

– Да. Я думал, что вы заметили его вчера вечером.

– У меня не было такой возможности. Вечером самая работа, все время кто-то проходит мимо, идя с работы домой. Высокий блондин с бородой... нет, не могу сказать, что видела такого...

Настала моя очередь.

– Извините, сэр, – сказал я Пуаро, – мне кажется, вы дезинформированы. Коротышка-брюнет, как мне сказали.

Возникла интересная дискуссия, в которую были вовлечены полная женщина, ее худощавый муж и мальчик-прислуга с хриплым лошадиным голосом. Были замечены по крайней мере четыре брюнета, а мальчик-

лошадь видел высокого блондина.

– Но тот был без бороды, – с сожалением добавил он.

Наконец наши покупки были сделаны, мы вышли от зеленщика, оставляя наш обман нераскрытым.

– И в чем смысл всего этого, Пуаро? – спросил я укоризненно.

– Черт возьми! Я хотел оценить шансы незнакомца быть незамеченным при входе в лавку напротив.

– Не могли бы вы просто спросить, без таких хитросплетений?

– Нет, мой друг, если бы я «просто спросил», как вы предлагаете, то я бы никаких ответов на все свои вопросы не получил бы. Вы сам – англичанин, а до сих пор не знаете, как англичане реагируют на прямые вопросы. Но моим заявлением и вашим, противоречащим ему, удалось развязать им языки. Мы также узнали, что в то время была самая работа, когда каждый занят своими делами. Да, наш убийца выбрал хорошее время, Гастингс.

Пуаро помолчал и потом добавил с упреком:

– Не кажется ли вам, Гастингс, что у вас отсутствует здравый смысл? Говорю вам: делайте покупки попроще, а вы словно нарочно выбираете клубнику! Она уже подвергает опасности ваш прекрасный костюм. Смотрите, вот-вот протечет.

С некоторым замешательством я осознал, что так оно и было. Я машинально отдал клубнику маленькому мальчику, что показалось тому необычным и подозрительным, а Пуаро добавил к ней салат, окончательно повергнув ребенка в недоумение.

Он продолжал морализировать:

– У дешевого зеленщика не бывает клубники. Клубника, не считая свежеснятой, перерабатывается в соки. Банан, немного яблок, ну хотя бы капуста... но клубника!..

– Это первое, о чем я подумал, – извинялся я.

– Сказывается недостаток вашего воображения, – сурово заметил Пуаро.

Он приостановился.

Дом и магазин справа от дома Ашер был пуст. В окне виднелась табличка: «Сдается». По другую сторону располагался дом с неопрятными муслиновыми занавесками.

К этому дому и направился Пуаро и, так как у входа не было звонка, размашисто постучал дверным кольцом.

Дверь открыли не сразу. На пороге стоял очень чумазый мальчик с весьма примечательным носом.

– Добрый вечер, – сказал Пуаро, – твоя мама дома?

– А? – сказал ребенок.

Он уставился на нас недоброжелательно и очень подозрительно.

– Твоя мама, – повторил Пуаро.

Потребовалось секунд десять, чтобы до мальчика дошло, после чего он повернулся и, крикнув наверх: «Мам, тебя!», исчез в темноте.

Остролицая женщина выглянула через балюстраду и начала спускаться.

– Зря теряете время... – начала она, но Пуаро перебил ее.

Он снял шляпу и отвесил изысканный поклон:

– Добрый вечер, мадам. Я корреспондент «Ивнинг Фликер». Прошу вас принять гонорар в пять фунтов и позволить нам напечатать статью о вашей соседке – миссис Ашер.

Гневные слова замерли у женщины на губах, она сошла по лестнице, разглаживая волосы и поправляя юбку.

– Проходите, пожалуйста. Сюда, налево. Присаживайтесь, сэр.

Крошечная комнатка была переполнена громоздким псевдоякобинским убранством, но нам удалось протиснуться и сесть на жесткую софу.

– Вы уж извините меня, – повторяла женщина, – извините, что так резко говорила, но вы не представляете себе моих беспокойств. Люди приходят и предлагают то одно, то другое: пылесосы, чулки, шкатулки с лавандой и прочее. Узнают ваше имя – и, пожалуйста, миссис Фаулер, то да се!

Удачно ухватившись за имя, Пуаро сказал:

– Да, миссис Фаулер, я надеюсь, вы согласитесь с моим предложением.

– Я не знаю... да... – Пять фунтов соблазнительно повисли перед глазами миссис Фаулер. – Я *знала* миссис Ашер, конечно, но чтобы что-то *писать*...

Пуаро поспешно стал ее убеждать: никакой работы не требуется. Он узнает факты, а интервью напишет потом.

Приободренная миссис Фаулер погрузилась в воспоминания, догадки и слухи.

Миссис Ашер жила уединенно. Переносила много невзгод, бедная душа. Не то чтобы миссис Ашер боялась его. Она ведь сама могла превращаться в фурию! И так день за днем. Говорила ей миссис Фаулер: «Однажды он тебя доконает». И он доконал ее, не так ли? А миссис Фаулер находилась по соседству и не слышала ни звука...

Воспользовавшись паузой, Пуаро задал вопрос:

– Получала ли миссис Ашер какие-нибудь необычные письма: письма

без конкретной подписи – что-нибудь вроде ABC?

Миссис Фаулер ответила отрицательно.

– Я знаю, что вы имеете в виду: анонимные письма – так их называют. Подобные письма полны слов, которые не осмелишься произнести вслух. Не знаю, занимался ли Франц Ашер этим. Железнодорожный справочник? «ABC»? Нет, ничего подобного не видела. Уверена, что если бы миссис Ашер такой получала, то я бы знала. Говорю вам, провалиться мне на месте, – знала бы. Моя девочка Эдди пришла и говорит: «Мам, там столько полицейских. Меня ошеломило». – «Да, – сказала я, когда услышала об этом, – вот что значит оставаться одной в доме: эта ее племянница должна была быть с ней». Выпивший мужчина – он же как разъяренный волк. Предупреждала ее, говорила тысячу раз, и вот мои слова подтвердились. Он тебя доконает, говорила ей, и вот – доконал. Вы не можете себе представить, на что способен мужчина, когда выпьет, – и вот вам доказательство.

Миссис Фаулер закончила вздохом.

– Сдается мне, никто не видел, как этот Ашер входил в лавку? – спросил Пуаро.

Миссис Фаулер презрительно фыркнула:

– Естественно, он не собирался себя обнаруживать!

Как мистер Ашер смог проникнуть в лавку незамеченным, она затрудняется объяснить.

Она признала, что в доме не было черного хода и что Ашера в округе хорошо знали.

– Но он не хотел мелькать и замаскировался.

Пуаро позволил потоку слов течь еще немного, но, когда миссис Фаулер уже в который раз принялась повторять все, что знает, он остановил интервью, предварительно заплатив обещанную сумму.

– Это не стоило пяти фунтов, Пуаро, – позволил заметить я, когда мы оказались на улице.

– Пока – да.

– Вы думаете, она знает больше?

– Мой друг, мы с вами находимся в необычном положении: *не знаем, какие вопросы задавать*. Мы, как дети, играем в жмурки. Вытягиваем руки, идем ощупью. Миссис Фаулер сказала нам все и для убедительности бросила несколько догадок! В дальнейшем ее показания могут оказаться полезными. Эти фунты я ассигновал ей на будущее.

Я не вполне понял его, но мы уже были у инспектора Глена...

Глава 7

Мистер Партридж и мистер Ридделл

Инспектор Глен был весьма мрачен. По-видимому, он провел день, пытаясь составить полный перечень людей, которых заметили входящими в табачную лавку.

– Видели еще кого-нибудь? – спросил Пуаро.

– Да, видели. Трех высоких мужчин с вороватой внешностью, четырех коротышек с черными усами... двух бородачей... трех толстяков – все незнакомцы и все, если верить свидетелям, со свирепым выражением лица. Я удивляюсь, почему никто не видел шайку переодетых бандитов с пистолетами!

Пуаро сочувственно улыбнулся:

– Никто не утверждал, что видел Ашера?

– Никто. Еще одно очко в его пользу. Я уже говорил главному констеблю, что эта работа для Скотленд-Ярда. Не думаю, что это преступление местного масштаба.

– Я согласен с вами, – хмуро сказал Пуаро.

– Знаете ли, мсье Пуаро, – это мерзкое дело... мерзкое дело... Не нравится оно мне...

Прежде чем вернуться в Лондон, мы имели еще две беседы.

Первую – с мистером Джеймсом Партриджем, который был последним, кто видел миссис Ашер живой.

Мистер Партридж был невысоким человеком, по профессии – банковский служащий. Он носил пенсне, был очень сухой, чрезвычайно педантичный во всех своих высказываниях. Он жил в маленьком доме, таком же опрятном и аккуратном, как и он сам.

– Мсье Пуаро, – прочитал он на визитной карточке моего друга, которую тот ему подал. – От инспектора Глена? Чем могу служить, мсье Пуаро?

– Я знаю, мистер Партридж, что вы были последним, кто видел миссис Ашер до ее смерти.

Мистер Партридж сложил кончики пальцев и посмотрел на Пуаро как на фальшивый чек.

– Это спорное предположение, мсье Пуаро, – сказал он. – Многие могли делать покупки у миссис Ашер после меня.

– Если это и так, то они не пришли и не сказали об этом.

Мистер Партридж закашлялся.

– У некоторых, мсье Пуаро, отсутствует чувство долга. – Он посмотрел на нас как-то по-совиному сквозь свои очки.

– Совершеннейшая правда, – пробормотал Пуаро, – вы, я думаю, пришли в полицию по собственной инициативе?

– Конечно. Как только я услышал об этом потрясающем происшествии, я решил, что мое заявление будет полезным, и немедленно явился.

– Очень правильная позиция, – торжественно заявил Пуаро. – Не будете ли вы так любезны повторить ваш рассказ.

– Разумеется. Я возвращался домой, и ровно в 17.30...

– Простите, почему вы так точно запомнили время?

Мистер Партридж был несколько раздражен, что его прервали.

– Пробили часы на церкви. Я посмотрел на свои часы, они на минуту отставали. Это было как раз перед тем, как я вошел в лавку миссис Ашер.

– Вы всегда делали там покупки?

– Достаточно часто. Мне это было по пути. Раз или два в неделю я всегда покупал две унции табака «Джон Коттон Майлд».

– Вы хорошо знали миссис Ашер? Какие-нибудь обстоятельства ее жизни, ее судьбы?

– Я никогда не разговаривал с ней, не считая моих покупок и случайных замечаний о погоде.

– Вы знали о ее пьянице-муже, который угрожал ей?

– Нет, я о ней ничего не знал!

– Тем не менее вы знали ее в лицо. Не было ли в ней вчера вечером чего-нибудь такого, что показалось вам необычным? Может быть, она была возбуждена или по крайней мере раздражена?

Мистер Партридж задумался.

– Насколько я мог заметить, она выглядела как обычно, – сказал он.

Пуаро встал:

– Благодарю вас, мистер Партридж, за ваши ответы. Кстати, нет ли у вас справочника «АВС»? Я хочу выбрать обратный поезд в Лондон.

– На полке за вами, – ответил мистер Партридж.

На полке были «АВС», «Брэдшоу», ежегодник фондовой биржи, адресная книга Келли, «Кто есть кто» и местная адресная книга.

Пуаро взял «АВС», делая вид, что выбирает поезд, затем поблагодарил мистера Партриджа и вышел.

Наша следующая встреча была с мистером Альбертом Ридделлом и

носила совершенно другой характер.

Альберт Ридделл был дорожным рабочим, и наш разговор проходил под аккомпанемент звона тарелок, производимого миссис Ридделл – чрезвычайно нервной особой, рычания собаки Ридделла и откровенной враждебности самого мистера Ридделла.

Это был неуклюжий громила с темным лицом и маленькими подозрительными глазками. Он ел пирог с мясом, запивая очень крепким чаем.

Ридделл сердито уставился на нас поверх своей чашки.

– Я уже все сказал, не так ли? – прорычал он. – Что еще вам от меня надо? Плевал я и на вашу полицию, и на ваших иностранцев.

Пуаро бросил на меня насмешливый взгляд, потом сказал:

– Честно говоря, я вам сочувствую, но о чем вы? Это убийство, не так ли? Надо быть очень щепетильным в этом деле.

– Лучше скажи джентльмену, что хочет, Берт, – нервно сказала женщина.

– Заткнись, – прорычал громила.

– Я думаю, вы не пришли бы сами в полицию, – вскользь заметил Пуаро.

– Какого черта! Это не мое дело!

– Спорный вопрос, – ответил Пуаро. – Произошло убийство – полиция хочет знать, кто был в магазине. Я считаю, что было бы естественно, если бы вы пришли сами.

– Я должен работать. И не говорите мне, что я мог прийти в свое свободное время...

– Но полиции стало известно, что вас видели входящим к миссис Ашер, и поэтому им пришлось вас побеспокоить. Они были удовлетворены вашими ответами?

– Почему бы и нет? – свирепо прорычал Ридделл.

Пуаро пожал плечами.

– Что вы имеете в виду, мистер? Никто против меня ничего не имеет. Все знают, что доконал старуху ее муж...

– Но его не было в тот вечер на этой улице, а вы были...

– Хотите мне это приписать? Не получится! Зачем мне это надо? Думаете, я хотел стащить ее проклятый табак? Или, может, я маньяк-убийца? Или, может... – Он угрожающе поднялся.

Его жена залепетала:

– Берт, Берт, не говори так. Берт, они подумают...

– Успокойтесь, мсье, – сказал Пуаро. – Я только хочу, чтобы вы

объяснили ваш визит. Мне показалось, что вы отказываетесь...

– Кто сказал, что я отказываюсь? – Мистер Ридделл опять уселся. – Вовсе нет.

– Вы вошли в лавку в 18 часов?

– Да, минуточку-две спустя. Хотел купить пачку «Голд Флэйк». Открыл дверь...

– Она была закрыта?

– Да. Я подумал, что лавка закрыта. Но нет. Я вошел, внутри никого не было. Я постучал по прилавку и немного подождал. Никого не было, и я вышел. Это все.

– Вы не видели тела за прилавком?

– Нет, нет, не было видно, я же его не искал.

– Лежал ли там железнодорожный справочник?

– Да, он был перевернут. У меня мелькнула мысль, что эта женщина, должно быть, торопилась на поезд и забыла запереть лавку.

– Может быть, вы приподнимали справочник или двигали с места?

– Не трогал я эту... Я сделал только то, что сделал.

– Не видели ли вы кого-нибудь выходящим из лавки, прежде чем вы сами вошли в нее?

– Ничего такого не видел. Было, как я сказал. Что еще от меня надо?

Пуаро поднялся:

– Никто к вам больше не пристаёт. До свидания, мсье.

Он вышел, оставив Ридделла с открытым ртом. Я вышел за ним.

На улице Пуаро посмотрел на часы:

– Если мы поспешим, мой друг, то, может, нам удастся успеть на 19.20. Давайте поспешим.

Глава 8

Второе письмо

– Ну? – спросил я нетерпеливо.

Мы сидели в вагоне первого класса. Поезд-экспресс вышел из Андовера.

– Преступление, – сказал Пуаро, – совершил человек среднего роста, рыжеволосый и косящий на левый глаз. Он немного хромает на правую ногу, и у него под лопаткой родинка.

– Пуаро?! – вскрикнул я.

На мгновение я ему полностью поверил. Но насмешливые искорки в глазах моего друга вывели меня из заблуждения.

– Пуаро! – повторил я уже с упреком.

– Мой дорогой, что с вами? Вы устремили на меня взор, полный собачьей преданности, как будто я – Шерлок Холмс. По правде говоря, *я не знаю, ни как выглядит убийца, ни где он живет, ни как на него выйти.*

– Если б только он оставил какой-нибудь след, – пробормотал я.

– Да, след – вас всегда привлекали следы! Увы, он не курил сигарет и не оставил пепла или следов обуви с гвоздями какой-нибудь необыкновенной формы. Нет, он не был так любезен. Но по крайней мере, мой друг, у вас есть железнодорожный справочник, «АВС» – вот его след для вас!

– Вы думаете, он оставил его по ошибке?

– Конечно нет. Он оставил его с умыслом. Об этом говорят отпечатки пальцев.

– Но на справочнике их не было!

– Вот и я об этом. Что было вчера? Теплый июньский вечер. Будет ли в такой вечер человек гулять в перчатках? Он, безусловно, привлёк бы к себе внимание. Тем не менее никаких отпечатков на «АВС» не было, они были тщательно стерты. Невинный человек оставил бы отпечатки, виновный – нет. Некто купил «АВС», потом принес его...

– Вы считаете, мы сможем что-нибудь узнать таким образом?

– Дружище Гастингс! Я не самый большой оптимист. Этот человек, некто Х, необычайно горд своими способностями. Не похоже, что он наметил путь, который легко сразу проследить.

– Тогда «АВС» не сможет нам помочь.

– В этом смысле – нет.

– Но в каком-то смысле может?

Пуаро ответил не сразу. Потом тихо сказал:

– Да. Мы столкнулись с неизвестным типом. Он в темноте и постарается остаться там. С одной стороны, мы ничего о нем не знаем. С другой стороны, мы уже знаем достаточно. Я себе смутно представляю его – человека, который красиво пишет, который покупает качественную бумагу, которому очень нужно проявить себя. Я вижу его – ребенка, оставленного без внимания; я вижу его растущим с внутренним чувством приниженности, обеспокоенным чувством несправедливости. Я вижу его внутреннее желание... отстоять свои права... привлечь внимание к себе, что оборачивается еще большим унижением. Он внутри себя готов в любую минуту взорваться...

– Но все это чистая выдумка, – заключил я, – и не имеет практического применения.

– Вы, конечно, предпочитаете горелую спичку, сигаретный пепел и обувь с гвоздями. Но по крайней мере, мы можем задать себе ряд практических вопросов. Почему именно «АВС»? Почему миссис Ашер? Почему Андовер?

– Прошлое этой женщины выглядит достаточно просто, – произнес я задумчиво, – беседы с теми двумя нас разочаровали. Они ничего не смогли добавить к тому, что мы уже знали.

– По правде говоря, я ничего особого и не ожидал. Но мы не могли сбросить со счетов две возможные кандидатуры убийцы.

– Так вы не полагаете...

– Во всяком случае, существует вероятность того, что убийца живет либо в Андовере, либо неподалеку от него. Вот и возможный ответ на наш вопрос: «Почему именно Андовер?» Так, нам известны двое мужчин, бывшие в лавке в требуемое время. И пока ничего не доказывает, что тот или другой не является убийцей.

– Скорее всего этот увалень Ридделл, – заметил я.

– О, я склоняюсь к тому, чтобы отбросить Ридделла. Он выглядел нервным пустобрехом, слишком беспокойным...

– Так ведь это и говорит как раз о том, что он...

– Натура, диаметрально противоположная написавшему письмо АВС. Тщеславие и самомнение – вот черты, которые нам надо искать.

– Того, кому некуда девать силу?

– Возможно. Но в некоторых нервных тугодумах скрывается великое тщеславие и самодовольство.

– Вам не кажется, что маленький мистер Партридж...

– Он просто больше подходит. Его поведение похоже на поведение автора письма: сразу же идет в полицию, выдвигает себя на передний план, наслаждается своим положением.

– Вы и впрямь думаете?..

– Нет, Гастингс, большего о нем сказать нельзя. Лично я считаю, что убийца не из Андовера, но мы не должны размыкать цепочку анализа. И хотя я все время говорю «он», мы не должны исключать возможности того, что это дело рук женщины.

– Конечно нет!

– Способ нанесения удара, согласен, – мужской. Но анонимное письмо писала скорее женщина, чем мужчина. Это мы должны усвоить.

Я несколько минут помолчал, а потом спросил:

– Что мы предпримем дальше?

– Ничего!

– Ничего?! – Мое разочарование так и прозвенело в воздухе.

– Я что, волшебник? Колдун? Что вы от меня хотите?!

Прокручивая в голове события, я не нашел, что ответить. Тем не менее я был убежден, что надо как-то действовать, что нельзя останавливаться и, как говорится, позволять траве расти под нашими стопами.

Я сказал:

– Есть «АВС», бумага, конверт...

– В этом направлении все, что надо, делается. Полиция располагает всеми средствами для такого расследования. Если что-то в этом направлении можно выяснить, будьте уверены – они выяснят.

Это меня немного успокоило.

В течение нескольких дней Пуаро странным образом уклонялся от обсуждения этого дела.

Неужели в расследовании убийства миссис Ашер он потерпел поражение? АВС бросил ему вызов – и АВС выиграл! Мой друг оказался чувствительным настолько, что не мог вынести даже обсуждения этого дела. Что ж, даже наиболее рассудительному из нас былые успехи могут вскружить голову.

Я отнесся с пониманием к слабостям своего друга и более не упоминал о случившемся. Преступление привлекло совсем незначительное внимание прессы. Убийство пожилой женщины на отдаленной улице вскоре сошло со страниц газет, уступив место более волнующим сообщениям.

По правде говоря, это дело выветрилось и из моей головы. Это произошло, наверное, еще и потому, что мне не хотелось связывать имя

Пуаро с какими-то неудачами.

Дня два я не видел Пуаро, так как проводил уик-энд в Йоркшире. В понедельник днем я вернулся, а письмо пришло с шестичасовой вечерней почтой. Мне запомнился внезапный вздох, который издал Пуаро, разрезав конверт.

– Пришло, – сказал он.

Я уставился на него, не понимая.

– Что пришло?

– Второе письмо ABC.

С минуту я в недоумении глядел на него. Я действительно забыл об этом деле.

– Читайте, – сказал Пуаро и передал мне письмо.

Как и в первый раз, оно было написано печатными буквами на отличной бумаге.

«Мистер Пуаро, ну как? Первый тайм за мной! Дело в Андовере прошло в полном порядке, не так ли? Но забава только начинается. Разрешите обратить ваше внимание на Бексхилл-на-море. Дата: 25 т.м.

Как весело мы живем!

Ваш и т.д.

ABC».

– Черт возьми, Пуаро, – воскликнул я, – не значит ли, что этот фанатик собирается совершить еще одно преступление?

– Так оно и есть, Гастингс. А что вы ожидали? Вы что, думали, дело в Андовере – это отдельный случай? Помните, я сказал: это только начало.

– Но это ужасно!

– Да, это ужасно!

– Против нас – маньяк-убийца!

– Да.

Спокойствие Пуаро поражало меня больше, чем иная патетика. Я с содроганием вернул ему письмо.

На следующее утро мы были на совещании. Главный констебль графства Суссекс, помощник комиссара из отдела по расследованию уголовных преступлений, инспектор Глен из Андовера, старший инспектор Картер из суссекской полиции, Джепп с младшим инспектором Кроумом и доктор Томпсон, известный психиатр, – все собрались вместе. Штемпель на

письме был гемпстедский, но, по мнению Пуаро, это было не столь важно.

Тщательно все обсудили. Доктор Томпсон оказался приятным человеком средних лет, который, несмотря на образование, сохранил бытовую речь и избегал специальных терминов, присущих его профессии.

– Вне всякого сомнения, – сказал помощник комиссара, – что эти два письма одних рук дело. Оба написаны одним лицом.

– И у нас есть все основания полагать, что это лицо причастно к андоверскому убийству.

– Точно. Теперь у нас есть конкретное предупреждение о втором преступлении, намеченном на 25-е, на послезавтра, в Бексхилле. Какие шаги можно предпринять?

Главный констебль Суссекса взглянул на своего старшего инспектора:

– Ну, Картер, что скажете?

Старший инспектор мрачно покачал головой:

– Нет нити, которая привела бы к возможной жертве. Говоря прямо, какие же шаги мы можем предпринять?

– Есть предположение, – проворчал Пуаро.

Все повернулись к нему.

– Мне кажется, что фамилия предполагаемой жертвы будет начинаться с буквы В.

– Ну и что? – высказал сомнение старший инспектор.

– Алфавитный комплекс, – задумчиво произнес доктор Томпсон.

– Я говорю об этом как о возможности – не более. Это пришло мне в голову, когда я увидел фамилию Ашер, четко написанную над дверью лавки несчастной женщины, убитой в прошлом месяце. Когда я получил письмо, называющее Бексхилл, мне представилось, что, возможно, как жертва, так и место выбираются по алфавитному принципу.

– Возможно, – сказал доктор. – С другой стороны, может статься, что фамилия Ашер была совпадением, что на этот раз жертвой, невзирая на фамилию, снова окажется пожилая женщина, содержащая лавку. Помните, что мы имеем дело с сумасшедшим. До сих пор он не предоставил нам ни ключа к разгадке, ни мотивов преступления.

– Разве сумасшедший руководствуется мотивами? – скептически спросил старший инспектор.

– Конечно. Навязчивая идея является одной из особых черт острой мании. Человек может уверовать в свое небесное предназначение, убить священника, или доктора, или старуху из табачной лавки – и во всех случаях за этим кроются связные объяснения. Нам нельзя замыкаться на алфавите. Бексхилл, идущий за Андовером, *может* быть просто

совпадением.

– Мы, в конце концов, можем принять определенные меры предосторожности, Картер, выявив всех на букву В, особенно владельцев небольших лавок, и установить наблюдение за всеми продавцами табака и газет, кто работает в одиночку. Не думаю, что мы можем сделать что-нибудь, кроме этого. Определенно – следить, насколько возможно, за всеми незнакомцами.

Старший инспектор издал тяжелый вздох:

– И это когда закрылись школы и начались каникулы? Люди просто заполонили то место на этой неделе.

– Мы должны сделать все, что можем, – отрезал главный констебль.

Очередь дошла до инспектора Глена.

– Я установлю наблюдение за каждым, кто связан с делом Ашер. Это те два свидетеля – Партридж и Ридделл – и, конечно, сам Ашер. При малейшем сигнале о том, что они покидают Андовер, за ними будут следить.

После еще нескольких предложений и небольшого отвлеченного разговора совещание было закончено.

– Пуаро, – сказал я, когда мы прогуливались вдоль реки, – вы верите, что это преступление можно предотвратить?

Он повернул ко мне измученное лицо:

– Здравомыслие многолюдного города против умопомешательства единицы? Боюсь, Гастингс, очень боюсь. Вспомните о продолжительном успехе Джека Потрошителя.

– Ужасно, – сказал я.

– Сумасшествие, Гастингс, – ужасная вещь... *Я беспокоюсь... Я очень беспокоюсь.*

Глава 9

Убийство в Бексхилле-на-море

До сих пор помню, как я проснулся утром 25 июля.

Было около половины восьмого.

Пуаро наклонился над моей кроватью и мягко тряс меня за плечо. Один только взгляд на него вывел меня из полусонного состояния.

– Что такое? – спросил я, вскакивая на постели.

Его ответ был прост, но в эти три слова было вложено все обилие чувств:

– *Это уже произошло!*

– Что?! – вскрикнул я. – Вы хотите сказать... но *сегодня только 25-е?!*

– Это случилось ночью или под утро!

Я спрыгнул с кровати. Пока я быстро совершал свой туалет, Пуаро коротко рассказал, что в Бексхилле на пляже найдено тело девушки. В ней опознали Элизабет Барнард, официантку небольшого кафе. Она проживала с родителями в недавно отстроенном бунгало. Медицинское заключение позволило сделать вывод, что смерть наступила между 23.30 и часом ночи.

– Они вполне уверены, что это преступление? – спросил я, покрываясь испариной.

– *Прямо под трупом был найден железнодорожный справочник «АВС», открытый на расписании поездов до Бексхилла.*

Я вздрогнул:

– Это ужасно!

– Осторожно, Гастингс! Мне не нужна вторая трагедия в моих апартаментах!

Я уныло вытер кровь с бритвы и подбородка.

– Каков наш план действий? – спросил я.

– Машина сейчас заедет за нами. Я принесу вам чашку кофе сюда, и мы трогаемся без задержки.

Двадцать минут спустя мы пересекали Темзу, уезжая из Лондона на полицейском автомобиле. С нами был инспектор Кроум, который на днях присутствовал на совещании и официально отвечал за это дело. Он был прямой противоположностью Джеппу. Моложе, спокойнее, солиднее. Образован и начитан. Недавно он снискал славу раскрытием серии убийств малолетних детей, терпеливо выследив преступника, который находился

теперь в Бродмуре^[13].

Кроум, безусловно, как нельзя лучше подходил для ведения этого дела, но мне показалось, что он себя несколько переоценивает. В его отношении к Пуаро проскальзывала снисходительность. Он уступал Пуаро, как уступает молодой пожилому, в духе «школьного воспитания».

– У нас с доктором Томпсоном состоялась длинная беседа, – сказал Кроум, – он очень интересуется «цепочками» убийств как продуктом умственного расстройства. Конечно, не будучи специалистом, нельзя сказать, что это, с медицинской точки зрения. – Он кашлянул. – Собственно говоря, мое последнее дело – не знаю, читали ли вы о нем, – дело о Мейбл Хоумер, школьнице из Масуэлл-Хилл... Знаете, тот человек, Каппер, был необычаен. Удивительно трудно было приписать ему дело – это было уже его третье, вот как! На вид такой же нормальный, как вы или я. Но существуют разные тесты – словесные ловушки, знаете, вполне современные. Ничего подобного в ваше время не было. Человек сам себя выдает. Он знает это и нервничает. Начинает бросаться туда-сюда...

– Даже в мои годы такое порой случалось, – заметил Пуаро.

Инспектор Кроум взглянул на него и произнес:

– О, неужели?

На некоторое время воцарилось молчание.

Когда мы проехали вокзал Нью-Кросс, Кроум сказал:

– Если вы хотите спросить меня о чем-либо, связанном с делом, то, пожалуйста, спрашивайте.

– У нас, я полагаю, нет описания мертвой девушки?

– Ей было двадцать три, работала официанткой в кафе «Рыжая кошка»...

– Да не об этом речь. Она была хорошенькой?

– На этот счет я не располагаю информацией, – ответил инспектор Кроум. Его вид говорил: «Ох уж эти иностранцы! Все одинаковы!»

В глазах Пуаро появилось удивление:

– А вам что, это не кажется важным? Ох, бедные девушки, это же крайне важно. Зачастую это определяет их судьбу!

Инспектор Кроум решил продолжить.

– Неужели? – вежливо спросил он.

Снова наступило молчание.

Пуаро возобновил разговор лишь тогда, когда автомобиль подъехал к «Семи дубам».

– Вы, случайно, не знаете, как и чем была задушена девушка?

– Задушена своим же поясом, широким, вязаным, – коротко ответил

инспектор.

Глаза Пуаро широко раскрылись.

– Ага, – сказал он, – наконец у нас есть кусочек вполне определенной информации. Это уже о чем-то говорит, не так ли?

– Пока не вижу, – холодно ответил инспектор.

Я почувствовал раздражение.

– Это дает нам характерную особенность преступника, – сказал я, – это говорит о его жестокости.

Пуаро пристально взглянул на меня. Я решил, что это предостережение от излишней откровенности с инспектором, и замолчал.

В Бексхилле нас встретил старший инспектор Картер. С ним был инспектор Келси, интеллигентный молодой человек с приятной внешностью.

– Вы хотите сами провести дознание, Кроум? – спросил старший инспектор. – Тогда я сообщу вам основные сведения, и вы сможете сразу заняться этим.

– Благодарю вас, – сказал Кроум.

– Мы известили ее родителей, – сказал Картер, – ужасное потрясение для них, конечно. Я дал им возможность прийти в себя, прежде чем мы начнем задавать вопросы. Поэтому вы можете начинать с самого начала.

– Есть ли другие члены семьи? – спросил Кроум.

– Есть сестра в Лондоне – машинистка. С ней связались. И есть молодой человек. Я полагаю, что девушка была с ним в ту ночь.

– Что-нибудь дал справочник «АВС»?

– Он здесь. – Старший инспектор кивнул в сторону стола. – Отпечатков пальцев нет. Открыт на странице, где Бексхилл. Следует заметить – совсем новенький. Видно, что его редко открывали. Куплен не в этих местах. Я обошел все лавки.

– Кто обнаружил тело?

– Один из этих бодрячков-полковников, которым не спится. Полковник Джером. Он прогуливался со своей собакой около шести утра. Шел по берегу в направлении Кудена. Собака отбежала, что-то почуяв. Полковник позвал ее, но она не послушалась. Полковник издали поглядел и почувствовал что-то неладное. Подошел ближе... Он повел себя совершенно правильно. Не стал ее трогать, а сразу позвонил нам.

– И смерть произошла около полуночи?

– Между полуночью и часом ночи – совершенно определенно. Наш шутник-убийца – человек слова. Если он сказал 25-го – значит, 25-го. Хотя

это произошло в самом начале суток.

Кроум кивнул:

– Да, это стиль. Что-нибудь еще? Никто не заметил еще чего-нибудь?

– Еще рано. Люди, которые прошлой ночью видели девушку в белом, прогуливающуюся с молодым человеком, скоро придут сказать нам об этом. Насколько я понимаю, прошлой ночью не менее четырех сотен девушек прогуливались с молодыми людьми. Должно быть, это было приятным занятием!

– Ну, сэр, это не для меня, – сказал Кроум. – Есть еще кафе и дом девушки. Я лучше займусь этим. Келси может пойти со мной.

– А мистер Пуаро? – спросил старший инспектор.

– Я составлю вам компанию, – сказал Пуаро Кроуму с легким поклоном.

Мне показалось, что Кроум был слегка раздосадован. Келси, который раньше не видел Пуаро, широко улыбнулся. Было просто обидно, что люди, которые видели моего друга впервые, принимали его за шутника чистой воды.

– А что с поясом, которым была задушена девушка? – спросил Кроум. – Мсье Пуаро склонен думать, что это ценный ключ к разгадке. Я думаю, он хочет посмотреть на него.

– Отнюдь нет, – сказал Пуаро, – вы меня неправильно поняли.

– Это вам ничего не даст, – сказал Картер, – это был не кожаный пояс, на котором могли остаться отпечатки пальцев, а пояс из плотного трикотажного шелка – идеальное средство для этих целей.

Я вздрогнул.

– Хорошо, – сказал Кроум, – давайте пройдемся.

Мы вышли.

Наш первый визит был к хозяйке «Рыжей кошки». Это было типичное маленькое кафе, расположенное у самого моря: небольшие столики, покрытые оранжевой клетчатой тканью, и очень неудобные плетеные стулья с оранжевыми подушечками. Там подавали утренний кофе, пять сортов чая (девонширский, фермерский, фруктовый, карлтонский и обыкновенный) и несколько закусовых блюд для женщин: яичница, креветки и макароны, обжаренные в сухарях.

Утренний кофе был в самом разгаре. Хозяйка торопливо провела нас в грязное темное жилище.

– Мисс... э-э-э... Мэрион? – спросил Кроум.

Мисс Мэрион ответила тонким и измученным голосом:

– Да, это я. Какое несчастье. Такая беда. Я даже не могу представить,

как это скажется на нашем деле!

Мисс Мэрион, очень худая женщина лет сорока, с пучком рыжих волос, была удивительно похожа на рыжую кошку. Она нервно перебирала руками рюшки и оборки на платье.

– Это будет сенсация, – ободряюще сказал инспектор Келси. – Вот увидите! Вы не будете успевать подавать чай.

– Отвратительно, – сказала мисс Мэрион. – Как отвратительно! Так можно совсем разувериться в людях.

Тем не менее глаза ее заблестели.

– Что вы можете сказать о погибшей девушке, мисс?

– Ничего, – категорически заявила мисс Мэрион, – абсолютно ничего.

– Как давно она здесь работала?

– Второе лето.

– Она вас устраивала?

– Она была хорошей официанткой – быстрой и любезной.

– Она была хорошенькая, да? – спросил Пуаро.

Мисс Мэрион в свою очередь посмотрела на него. «Ох уж эти иностранцы!» – говорил ее взгляд.

– Она была красива и хорошо сложена, – ответила она безразличным тоном.

– Во сколько она вчера закончила работу? – спросил Кроум.

– В восемь вечера. Мы закрываемся в восемь вечера. Мы не готовим ужинов. Нет спроса. Съесть яичницу и выпить чай (Пуаро поморщился) люди приходят и в семь часов или чуть позже, но к половине седьмого наплыв посетителей кончается.

– Не упоминала ли она при вас, как собирается провести свой вечер?

– Конечно нет, – подчеркнуто сказала мисс Мэрион, – мы такие темы не обсуждали.

– Никто не заходил за ней? Или что-нибудь в этом роде?

– Нет.

– Она выглядела как обычно? Может быть, была возбуждена или подавлена?

– Ничего не могу сказать, – ответила мисс Мэрион равнодушно.

– Сколько у вас официанток?

– Две постоянные, а с 20 июля по конец августа – еще две дополнительно.

– Элизабет Барнард не была из числа дополнительных?

– Мисс Барнард была одной из постоянных официанток.

– А что собой представляет другая?

– Мисс Хигли? Хорошая девушка!
– Она с мисс Барнард дружила?
– Не могу сказать.
– Может, нам лучше поговорить с ней?
– Сейчас?
– Если можно.
– Я пришлю ее к вам, – сказала мисс Мэрион, вставая. – Пожалуйста, по возможности не задерживайте ее долго. Сейчас время утреннего кофе.

Мисс Мэрион вышла из комнаты.

– Очень манерна, – заметил инспектор Келси и передразнил ее жеманным голосом: *«Не могу сказать»*.

В комнату влетела, запыхавшись, полная темноволосая девушка, румяная, с темными, вытаращенными от возбуждения глазами.

– Меня прислала мисс Мэрион, – выпалила она не переводя дыхания.
– Мисс Хигли?
– Да, это я.
– Вы знали Элизабет Барнард?
– О да, я знала Бетти, это ужасно. Это так ужасно! Не могу в это поверить. Мы все утро с девушками об этом говорили, в это невозможно поверить! «Вы знаете, – говорила я им, – это трудно представить. Бетти! Бетти Барнард, которая все время была здесь, убита! Я не могу в это поверить», – говорила я. Я несколько раз ущипнула себя, думала, что я сплю. Бетти убита... Это... вы понимаете меня... этого не может быть!

– Вы хорошо знали убитую? – спросил Кроум.
– Вообще-то она работала здесь дольше меня. Я пришла сюда только в марте, а она работала с прошлого года. Она была не из тех, кто много смеется и шутит. Я не хочу сказать, что она была совершенная тихоня, в ней скрывалось веселье и все такое, но она не веселилась. Словом, она была тихая и не тихая, понимаете, что я имею в виду?

Я бы сказал, что инспектор Кроум проявил ангельское терпение. Как свидетель толстушка мисс Хигли действовала на нервы. Все, что она говорила, она повторяла полдюжины раз, но результат был мизерный.

Она не была в близких отношениях с убитой. Элизабет Барнард, как можно было догадаться, считала себя гораздо выше мисс Хигли. В рабочее время она держала себя дружелюбно, но девушки мало о ней знали. У Элизабет Барнард был «друг», который работал в агентстве по торговле недвижимостью «Корт и Бранскилл» недалеко от станции. Нет, он не был ни мистером Кортом, ни мистером Бранскиллом. Он служил клерком. Она не знала его имени, но хорошо знала его в лицо. Симпатичный – о, очень

симпатичный! – и всегда прекрасно одет. Очевидно, в глубине души мисс Хигли завидовала Элизабет Барнард.

В конце концов показания мисс Хигли свелись к следующему: Элизабет Барнард не делилась с кем-либо в кафе своими планами на вечер. Но, по мнению мисс Хигли, она собиралась встретиться со своим «другом». Она надела новое белое платье, «которое очень освежал новый воротничок»...

Мы побеседовали с двумя другими девушками без особой пользы. Бетти Барнард ничего не говорила о своих планах, и никто не видел ее в Бексхилле на протяжении всего вечера.

Глава 10

Семья Барнард

Родители Элизабет Барнард жили в небольшом бунгало, одном из тех, что были недавно построены предприимчивым строителем в черте города. Оно называлось Лландудно.

Мистер Барнард, выглядевший растерянным, был тучным человеком лет пятидесяти пяти. Он заметил нас и в ожидании замер на пороге.

– Проходите, господа, – сказал он.

Инспектор Келси взял инициативу в свои руки:

– Это инспектор Кроум из Скотленд-Ярда, сэр, он прибыл, чтобы помочь нам раскрыть это дело.

– Скотленд-Ярд? – переспросил мистер Барнард с надеждой. – Это хорошо. Этот злодей-убийца должен быть задержан. Моя бедная девочка...

Его лицо горестно сморщилось.

– А это мистер Эркюль Пуаро, тоже из Лондона, а это...

– Капитан Гастингс, – подсказал Пуаро.

– Рад приветствовать вас, господа, – автоматически произнес мистер Барнард, – проходите в дом. Не знаю, встанет ли моя жена, чтобы увидеть вас. Она совсем разбита.

Однако пока мы рассаживались в комнате, появилась миссис Барнард.

Было заметно, что она недавно плакала: у нее были покрасневшие глаза. Походка была неуверенной, как у человека, который перенес сильное потрясение.

– Ну, матушка, как ты? – спросил ее муж. – Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

Она пожала плечами и опустилась на стул.

– Старший инспектор был очень добр, – сказал мистер Барнард. – После того как он принес нам это страшное известие, он сказал, что задаст свои вопросы позже, когда мы оправимся от первого шока.

– Это жестоко. О, как это жестоко! – произнесла миссис Барнард со слезами в голосе. – Это самое жестокое, что может произойти.

Она немного растягивала слова, и я сначала подумал, что она иностранка, но потом вспомнил название на воротах и понял, что ее речь выдает уроженку Уэльса.

– Я понимаю, мадам, это очень тяжело, – сказал инспектор Кроум. –

Мы очень сочувствуем вам, но хотели бы узнать все подробности, чтобы приняться за работу как можно скорее.

– Да, да, это разумно, – проговорил, утвердительно кивая, мистер Барнард.

– Вашей дочери, насколько мне известно, было двадцать три года. Она жила здесь с вами и работала в кафе «Рыжая кошка». Не так ли?

– Да.

– Вы здесь недавно, не правда ли? Где вы жили раньше?

– Я торговал скобяными изделиями в Кеннингтоне. Два года назад отошел от этого, всегда хотел жить у моря.

– У вас две дочери?

– Да, старшая работает в офисе в Лондоне.

– Вы забеспокоились, когда ваша дочь не пришла прошлой ночью домой?

– Мы не знали, что она не пришла, – проговорила миссис Барнард со слезами. – Отец и я всегда ложимся спать рано. Обычно в девять часов. Мы не знали, что Бетти не вернулась домой, пока не пришел полицейский и не сказал... и сказал...

Она потеряла самообладание.

– Ваша дочь обычно возвращалась домой поздно?

– Вы знаете, какие сейчас девушки, инспектор, – ответил Барнард. – Слишком самостоятельные. В такие летние вечера они домой не торопятся. Тем не менее Бетти обычно была дома в одиннадцать.

– Как она входила? Дверь бывала открыта?

– Мы обычно оставляли ключ под ковриком.

– Я слышал, что ваша дочь была помолвлена и собиралась замуж?

– Сейчас все не так официально, как было в наше время, – ответил мистер Барнард.

– Его зовут Дональд Фрэзер, и мне он очень нравился. Он мне очень нравился, – сказала миссис Барнард. – Бедный парень, эта новость будет ужасна для него. Интересно, он уже знает?

– Он работает у Корта и Бранскилла, не так ли?

– Да, они агенты по недвижимости.

– Он обычно встречал вашу дочь вечером после работы?

– Не каждый вечер. Раз или два в неделю.

– Не знаете ли вы, она не собиралась с ним вчера встречаться?

– Она не говорила. Бетти никогда не говорила много о том, что она делает, куда идет. Но она была хорошей девушкой, была... О, я не могу поверить!...

Миссис Барнард опять разрыдалась.

– Держи себя в руках, милая. Мужайся, – успокаивал ее муж. – Нам придется испить эту чашу до дна.

– Я уверена, что Дональд бы никогда... никогда... – рыдала миссис Барнард.

– Ну возьми себя в руки, – повторил мистер Барнард.

– Видит бог, я хочу вам помочь, но я ничего не знаю, ничего, что помогло бы найти подлого мерзавца, который сделал это. Бетти была такой веселой, счастливой девушкой, у нее был порядочный парень, она гуляла с ним, как говорили в молодости. Я не могу понять, зачем кому-то понадобилось ее убивать... это бессмысленно.

– Вы недалеки от истины, мистер Барнард, – сказал Кроум. – Мне хотелось бы взглянуть на комнату мисс Барнард. Там может оказаться что-нибудь... письма или дневник.

– Пожалуйста, смотрите, – сказал мистер Барнард, поднимаясь.

Он повел нас. За ним шел Кроум, потом Пуаро, Келси, я замыкал шествие.

Я немного отстал, чтобы завязать шнурок. В это время на улице остановилось такси, из него выпорхнула девушка. Она заплатила водителю и заторопилась по тропинке к дому, в руках у нее был небольшой чемодан. Когда она вошла в дом, то увидела меня и замерла у входа.

В ее позе было что-то необычное, что заинтриговало меня.

– Кто вы? – спросила она.

Я спустился на несколько ступенек. Я был в замешательстве, не зная, как ответить. Должен ли я назвать свое имя? Или сказать, что я пришел сюда с полицией?

Девушка, однако, не дала мне времени для принятия решения.

– А, я догадываюсь, – сказала она.

Она сняла легкую белую шерстяную шапочку и бросила ее на стул. Теперь я мог рассмотреть ее получше, так как она повернулась к свету.

С первого взгляда она напомнила мне голландских кукол, с которыми играли в детстве мои сестры.

У нее были темные, коротко подстриженные волосы, широкие скулы, и вся ее фигура была по-современному угловатой, но это не делало ее непривлекательной. Она не была красавицей, скорее самой обыкновенной, но от нее исходил какой-то импульс, сила, она не могла не обратить на себя внимание.

– Вы мисс Барнард? – спросил я.

– Я – Меган Барнард. А вы, наверное, из полиции?

– Ну, не совсем... – пробормотал я.

Она прервала меня:

– Я думаю, что мне нечего вам сказать. Моя сестра была привлекательная и веселая, и у нее не было молодых людей. Доброе утро.

Она усмехнулась и вызывающе посмотрела на меня.

– Это правильная фраза, я надеюсь? – спросила она.

– Я не репортер, если вы меня за него приняли.

– Ну а кто же вы? – Она оглянулась. – Где мама и папа?

– Ваш отец показывает полицейским спальню вашей сестры. Ваша мать в доме. Она очень расстроена.

Казалось, девушка приняла какое-то решение.

– Входите, – сказала она, толкнула дверь и прошла. Я последовал за ней и оказался в маленькой опрятной кухне.

Я собрался закрыть за собой дверь, но почувствовал неожиданное сопротивление. В следующее мгновение Пуаро тихо проскользнул в комнату.

– Мадемуазель Барнард? – спросил он с быстрым поклоном.

– Это мсье Эркюль Пуаро, – сказал я.

Меган Барнард бросила на него резкий оценивающий взгляд.

– Я слышала о вас, – сказала она. – Вы – модная частная ищейка, не так ли?

– Не слишком приятное, но подходящее название, – ответил Пуаро.

Девушка присела на краешек кухонного стола. Она порылась в своей сумочке, достала сигарету, закурила и произнесла между двумя затяжками:

– Что-то я не вижу, что забыл мсье Пуаро в нашем скромном преступлении.

– Мадемуазель, – ответил Пуаро, – то, что вы не видите, и то, что я не вижу, возможно, вскоре появится. Но не это важно. Важно то, что нелегко будет найти.

– Что же это?

– Смерть, мадемуазель, к сожалению, порождает *предубеждение*. Предубеждение к покойному. Я слышал, что вы только что сказали моему другу Гастингсу – «привлекательная и веселая, и у нее не было молодых людей». Вы сказали так в насмешку над газетами. И это естественно так говорить, когда умирает молодая девушка. Она была прекрасна. Она была счастлива. Она была доброжелательна. Она была беззаботна. У нее не было сомнительных знакомых. О мертвых плохо не говорят. Знаете, что я сейчас хочу? Найти кого-нибудь, кто знает Элизабет Барнард и кто *не знает, что она мертва!* И тогда, возможно, я услышал бы что-то похожее на правду.

Меган Барнард несколько минут молча смотрела на Пуаро и курила. Затем, наконец, она заговорила. Ее слова заставили меня подскочить на месте.

Она сказала:

– Бетти была маленьким упрямым ослом!

Глава 11

Меган Барнард

Как я уже сказал, слова Меган Барнард и особенно четкий деловой тон, каким они были произнесены, заставили меня подскочить на месте.

Пуаро, однако, в замешательстве кивнул.

– Вы умны, мадемуазель, – заметил он, – в добрый час.

Меган Барнард продолжала тем же беспристрастным тоном:

– Я очень любила Бетти. Но моя любовь не закрывала мне глаза на то, что она была маленькой глупой дурочкой, я даже при случае говорила ей об этом. Как сестра.

– А она обращала внимание на ваши замечания?

– Вероятно, нет, – цинично ответила Меган.

– Поясните, пожалуйста, мадемуазель.

Девушка одну-две минуты колебалась.

Пуаро произнес с легкой улыбкой:

– Я помогу вам. Я слышал, как вы сказали Гастингсу, что ваша сестра была привлекательной и счастливой и у нее не было молодых людей. Это неправда, не так ли?

Меган медленно проговорила:

– В Бетти не было никакого зла, я хочу, чтобы вы это поняли. Она всегда шла напрямик. Она не относилась к тому сорту девиц, которые любят развлечения. Ничего подобного. Но она любила, когда ее выводили в свет, любила дешевую лесть и комплименты и тому подобное.

– Она была хорошенькая, да?

Этот вопрос – я в третий раз слышал его – наконец получил положительный ответ.

Меган соскользнула со стола, подошла к своему чемодану, раскрыла его, достала что-то и протянула Пуаро.

Из кожаной рамки смотрела белокурая улыбающаяся девушка. Она недавно сделала перманент, и на голове у нее была копна вьющихся волос. Ее улыбка была лукавой и неестественной. Это было лицо, которое, конечно, нельзя было назвать прекрасным – оно было просто привлекательным.

Пуаро вернул карточку со словами:

– Вы не похожи друг на друга, мадемуазель.

– О, я одна откровенна в нашей семье. Я всегда это знала.

Казалось, она отмела от себя этот факт как незначительный.

– Скажите конкретно, почему вы считали поведение вашей сестры глупым? Возможно, вы имеете в виду ее отношение к Дональду Фрэзеру?

– Вот именно. Дон относится к типу тихих людей, но его возмущали некоторые вещи, и потом...

– И потом что, мадемуазель? – Пуаро пристально следил за ней.

Мне показалось, что девушка секунду колебалась, прежде чем ответить.

– Я боялась, что он *подавит* ее. Было бы жаль. Он очень надежный и трудолюбивый человек и был бы ей хорошим мужем.

Пуаро продолжал пристально смотреть на нее. Она не смутилась под его взглядом, а ответила ему таким же, и было в ее взгляде еще нечто такое, что напомнило мне ее вызывающее, надменное поведение при ее появлении.

– Да, похоже, – сказал наконец Пуаро, – что мы больше не говорим правду.

Она пожала плечами и повернулась к двери.

– Ну, что я могла – то сделала, чтобы помочь вам, – сказала она.

Пуаро остановил ее:

– Подождите, мадемуазель. Мне кое-что надо вам сказать. Вернитесь.

Как мне показалось, весьма неохотно она подчинилась.

К моему удивлению, Пуаро пустился в подробный рассказ о письмах АВС, убийстве в Андовере и железнодорожном справочнике, найденном около убитых. У него не было причин жаловаться на недостаток внимания со стороны девушки. Рот у нее открылся, глаза засветились, она внимательно слушала его.

– Это все правда, мсье Пуаро?

– Да, правда.

– Вы действительно думаете, что моя сестра была убита ужасным маньяком-убийцей?

– Да.

Она глубоко вздохнула:

– О, Бетти, Бетти, как скверно!

– Теперь вы видите, мадемуазель, что интересующие меня сведения вы можете дать свободно, так или иначе они пригодятся.

– Да, теперь я понимаю.

– Тогда давайте продолжим наш разговор. У меня сложилось впечатление, что у Дональда Фрэзера, возможно, ревнивый и

насильственный характер, это так?

Меган Барнард тихо ответила:

– Я теперь доверяю вам, мсье Пуаро. Я скажу вам всю правду. Дон, как я уже сказала, тихий, «закупоренный» человек, вы понимаете, что я имею в виду. Он никогда не высказывал вслух то, что думает. Но при этом он думал об ужасных вещах. Он ревнив. Он всегда ревновал Бетти. Он увлекся ею, и, конечно, она была им очень увлечена, но не в ее характере было увлекаться кем-то одним и никого больше не замечать. Она не такая. Она обращала внимание на привлекательных мужчин, которые ей встречались. И конечно, работая в «Рыжей кошке», она часто сталкивалась с мужчинами, особенно в сезон летних отпусков. У нее всегда был острый язычок, и, если ее задевали, она отвечала. И потом, возможно, она встречалась с ними, ходила в кино или еще куда-нибудь. Ничего серьезного, ничего такого, но она любила веселье. Она обычно говорила, что так как она когда-нибудь выйдет за Дона, то сейчас надо веселиться, пока можно.

Меган замолчала, и Пуаро проговорил:

– Я понимаю. Продолжайте.

– У нее был такой склад ума, который Дон не мог понять. Он не мог понять, почему ей хочется встречаться с другими людьми, если она действительно увлечена им. Раз или два они крупно ссорились из-за этого.

– Мистер Фрэзер уже не оставался спокойным?

– Как все эти спокойные люди. Если выходят из себя, то уж вовсю. Дон бывал таким свирепым, что Бетти пугалась.

– Когда это было?

– Одна ссора была год назад, а другая, гораздо хуже, около месяца назад. Я была дома в выходные, и мне пришлось их мирить. Тогда я пыталась немного вразумить Бетти, говорила ей, что она глупышка. Она сказала, что не видит в этом вреда. Но она вела себя безрассудно. Видите ли, после прошлогоднего скандала у нее вошло в привычку несколько привирать, исходя из принципа – что ум не знает, то сердце не огорчает. Последняя ссора произошла потому, что Бетти говорила Дону, что собирается в Гастингс к подружке, а он узнал, что на самом деле она отправилась в Истборн с каким-то мужчиной. Тот был женат, как оказалось, и поэтому осторожничал, что было еще хуже. У Бетти с Доном произошла ужасная сцена. Бетти говорила, что пока не вышла за него и имеет право гулять с кем хочет. Дон побелел, затрясся и сказал, что когда-нибудь... когда-нибудь...

– Что?

– Совершит убийство, – закончила Меган упавшим голосом.

Она замолчала и взглянула на Пуаро.

Он мрачно покачал головой:

– И поэтому, естественно, вы боялись...

– Я ни на минуту не могу представить, что Дон действительно сделал это! Но я боюсь, что так могут подумать. Эта ссора и все, что он тогда говорил, – некоторые знают об этом.

Пуаро снова мрачно покачал головой:

– Да. И вот что я могу сказать вам, мадемуазель: все это произошло из-за эгоистического тщеславия убийцы. Если Дональд Фрэзер и избежит подозрения, то благодаря маниакальному хвастовству АВС.

Он помолчал, потом спросил:

– Вы не знаете, встречалась ли ваша сестра с тем женатым мужчиной или каким-нибудь другим после того?

Меган покачала головой:

– Я не знаю. Я ведь уехала.

– Но как вы думаете?

– Вряд ли она встречалась снова, особенно с тем мужчиной. Он исчез, как только понял, что возможен скандал, но меня не удивило бы, если бы Бетти снова несколько раз солгала Дону. Видите ли, она очень любила танцевать и ходить в кино, а Дон, конечно, не мог позволить себе проводить с ней все время.

– Но если так, то она, вероятно, доверяла свои секреты кому-нибудь? Девушке в кафе, например?

– Не думаю. Она терпеть не могла Хигли. Она считала ее вульгарной. А другие были новенькие. Бетти вообще была недоверчивой.

Над головой девушки резко прозвенел электрический звонок. Она подошла к окну, выглянула и тут же резко откинула голову:

– Это Дон...

– Пригласите его сюда, – быстро сказал Пуаро. – Мне хотелось бы поговорить с ним прежде, чем наш доблестный инспектор завладеет им.

Меган Барнард вылетела из кухни и вернулась через несколько секунд, ведя за руку Дональда Фрэзера.

Глава 12

Дональд Фрэзер

Я сразу почувствовал жалость к молодому человеку. По его бледному, измученному лицу и туманному взгляду можно было понять, что он в шоке.

Это был хорошо сложенный молодой парень ростом почти в шесть футов, не особенно красивый, но с приятным веснушчатым лицом, скуластый и рыжеволосый.

– Что это, Меган? – проговорил он. – Почему? Бога ради, скажи мне... Я только что услышал... Бетти...

Голос его прервался.

Пуаро пододвинул стул, и тот опустился на него.

Тем временем мой друг извлек из кармана флакончик, отлил из него в чашку, которая стояла на буфете, и сказал:

– Выпейте это, мистер Фрэзер. Вам станет лучше.

Молодой человек подчинился. После бренди его лицо порозовело. Он выпрямился и опять повернулся к девушке. Его поведение было спокойным и контролируемым.

– Это правда? – спросил он. – Бетти мертва... убита?

– Правда, Дон.

Он спросил механически:

– Ты только что приехала из Лондона?

– Да. Папа позвонил мне.

– Наверное, поездом в 9.30? – проговорил Дональд Фрэзер. Его ум, пытаясь уйти от действительности, находил спасение в этих незначительных деталях.

– Да!

Минуто-две царило молчание, потом Фрэзер спросил:

– Полиция? Они что-нибудь сделали?

– Они сейчас наверху. Я думаю, осматривают вещи Бетти.

– Они не знают кто?.. Они не подозревают?

Фрэзер замолчал. Как все чувствительные, застенчивые люди, он не любил произносить слова о насилии.

Пуаро немного продвинулся вперед и задал вопрос. Он говорил деловым, бесстрастным голосом, словно то, о чем он спрашивал, являлось незначительными подробностями.

– Мисс Барнард не говорила вам, куда она собиралась прошлым вечером?

Фрэзер ответил на вопрос. Казалось, он говорит механически:

– Она сказала мне, что собирается со своей подругой к Святому Леонарду.

– Вы поверили ей?

– Я... – Он вдруг пришел в себя. – Какого черта! Что вы хотите этим сказать?

Глядя на его лицо, угрожающе искажившееся вспышкой гнева, я понял, что девушка действительно могла опасаться его возможной ярости.

Пуаро четко произнес:

– Бетти Барнард была убита злодеем-убийцей. Только сказав всю правду, вы можете помочь нам напасть на его след.

Его взгляд на минуту обратился к Меган.

– Да, Дон, – сказала она. – Нет времени считаться с нашими или еще чьими-то чувствами. Выкладывай все начистоту.

Дональд Фрэзер подозрительно посмотрел на Пуаро:

– Кто вы? Вы не из полиции?

– Я лучше, чем полиция, – ответил Пуаро. Он сказал это без высокомерия. Для него это было простой констатацией факта.

– Расскажи ему, – проговорила Меган.

Дональд Фрэзер сдался.

– Я не был уверен, – сказал он. – Я поверил ей, когда она это сказала. Ни о чем другом не думал. Потом, возможно, это было что-то в ее стиле. Я... я начал интересоваться.

– Да? – спросил Пуаро.

Он сидел напротив Дональда Фрэзера. Его глаза, остановившиеся на парне, казалось, гипнотизировали.

– Я стыдился своей подозрительности. Но... но я такой... Я собирался пойти и проследить, когда она выйдет из кафе. Я действительно пошел туда. Но потом я почувствовал, что не могу этого сделать. Бетти могла увидеть меня, и она бы рассердилась. Однажды она догадалась, что я следил за ней.

– Что вы сделали?

– Я поехал к Святому Леонарду. Добрался туда к восьми часам. Потом я осмотрел автобусы, пытаюсь найти ее... Но следов ее там не было...

– А потом?

– Я... я совсем потерял голову. Я был убежден, что она с каким-нибудь мужчиной. Я подумал, что, возможно, он увез ее на машине в Гастингс. Я

поехал туда, осмотрел гостиницы, рестораны, обошел кинотеатры, вышел на пирс. Все проклятая глупость! Даже если бы она была там, вряд ли я смог бы ее найти, и, кроме того, было множество других мест, кроме Гастингса, куда он мог увезти ее. – Он замолчал. Его голос оставался ровным, но я уловил интонацию ослепляющего, невыносимого страдания и ярости, которые овладевали им во время рассказа. – В конце концов я махнул на это рукой и вернулся.

– В котором часу?

– Не знаю. Я возвращался пешком. Должно быть, была полночь или позже, когда я пришел домой.

– Потом...

Дверь в кухню открылась.

– А, вот вы где, – сказал инспектор Келси.

Инспектор Кроум вошел за ним, бросив взгляд на Пуаро и на двух незнакомцев.

– Мисс Меган Барнард и мистер Дональд Фрэзер, – представил их Пуаро.

– Это инспектор Кроум из Лондона, – сказал он, обращаясь к молодым людям. Затем, повернувшись к инспектору, он продолжал: – Пока вы проводили ваше расследование наверху, я беседовал с мисс Барнард и мистером Фрэзером, стараясь найти что-нибудь, что прольет свет на это дело.

– Неужели? – произнес инспектор Кроум, он думал не о Пуаро, а о двух новых людях.

Пуаро направился в холл. Когда он проходил мимо, инспектор Келси любезно спросил:

– Есть что-нибудь?

Но его внимание отвлек коллега, и он не дождался ответа.

Я вышел вслед за Пуаро в холл.

– Для вас что-нибудь прояснилось, Пуаро? – поинтересовался я.

– Только изумительное великодушие убийцы, Гастингс.

Я не осмелился сказать, что не понял, что он имел в виду.

Глава 13

Совещание

Совещания!

Значительная часть моих воспоминаний, связанных с делом АВС, относится к совещаниям.

Совещания в Скотленд-Ярде. В апартаментах Пуаро. Официальные совещания. Неофициальные совещания.

А на это совещание мы собрались, чтобы решить, стоит или нет оглашать в печати факты, касающиеся анонимных писем.

Бексхиллское убийство, по сравнению с андоверским, намного сильнее привлекло к себе внимание. Жертвой стала привлекательная девушка. Убийство произошло на популярном прибрежном курорте. Все подробности преступления были обнародованы и ежедневно пережевывались до неузнаваемости.

Свое место занял и железнодорожный справочник «АВС». Он наводил на мысль, что убийца приехал на поезде и собирался удрать в Лондон. По предпочитаемой версии, справочник был куплен где-то неподалеку и являлся ценной зацепкой для выяснения личности убийцы. Но в скупых сообщениях об андоверском убийстве железнодорожный справочник вообще не фигурировал, поэтому в глазах общественности к тому времени эти два преступления имели мало общего.

– Нам необходимо определить линию поведения, – сказал помощник комиссара. – Проблема в том, каким путем мы добьемся наилучших результатов? Предать гласности факты, заручиться поддержкой общественности, в конце концов, – это было бы сотрудничество нескольких миллионов людей, отслеживающих сумасшедшего...

– Он не сумасшедший, – вставил доктор Томпсон.

– ...контролирующих продажу «АВС»... и так далее. С другой стороны, я полагаю, есть выгода и от работы «втемную», не позволяющей данному человеку знать о наших намерениях. Но, в этом-то все дело, *он и так прекрасно знает, что нам известно*. Он своими письмами преднамеренно обращает на себя внимание. А как вы считаете, Кроум?

– Я склоняюсь к тому же, сэр. Если вы предадите это огласке, *то вы затягиваетесь в игру АВС*. Это то, что ему нужно, – огласка, дурная слава. Это то, к чему он стремится. Я прав, не так ли, доктор? Он желает броских

заголовков.

Томпсон кивнул.

Помощник комиссара задумчиво произнес:

– Значит, следует отказать ему в славе, о которой он мечтает. А каково ваше мнение, мсье Пуаро?

С минуту Пуаро молчал. А заговорив, тщательно подбирал слова:

– Трудно сказать, мистер Лайонел. Я, как вы можете заметить, заинтересованная сторона. Вызов брошен мне. Если я скажу: «Придержите факты, не предавайте их гласности», – не будет ли это воспринято как говорящее во мне тщеславие? Что я боюсь за свою репутацию? Трудно сказать.

Раскрыться, все рассказать – в этом есть свои преимущества. По крайней мере, это уже предостережение... С другой стороны, я, как и инспектор Кроум, убежден – *это то, что от нас хочет убийца*.

– Гм-м! – произнес помощник комиссара, потирая подбородок. Он перевел взгляд на доктора Томпсона. – Допустим, мы откажем нашему лунатику в огласке, которой он жаждет. Что он может предпринять?

– Совершит другое преступление, – выпалил доктор, – как пить дать!

– А если мы размалюем заголовки? Тогда какая реакция?

– Такая же. Идя первым путем, вы *стимулируете* его мегаломанию, вторым – *игнорируете* ее. Результат один и тот же – следующее преступление.

– Что скажете, мсье Пуаро?

– Я согласен с доктором Томпсоном.

– Палка о двух концах, а? Как вы думаете, сколько преступлений задумал этот лунатик?

Доктор Томпсон взглянул на Пуаро.

– Похоже, что от А до Z, – сказал он весело. – Конечно, ему не достичь этого. Даже близко. Вы наступите ему на пятки намного раньше. Интересно, как бы он обошелся с буквой X. – Тут он перешел на серьезный тон. – Но вы возьмете его намного раньше. Скажем, на G или H.

Помощник комиссара ударил кулаком по столу.

– Черт возьми! Вы что, хотите сказать, что нас ждут еще пять убийств?!

– Столько не окажется, сэр, – сказал инспектор Кроум, – поверьте мне. Тон его был уверенным.

– На какой букве вы останавливаетесь, инспектор? – спросил Пуаро.

В его голосе сквозила легкая ирония. Кроум, как мне показалось, посмотрел на него с тенью пренебрежения.

– Может быть, на следующей, мсье Пуаро. В любом случае, сумеем взять его до того, как он дойдет до F, гарантирую.

Он повернулся к помощнику комиссара:

– Думаю, мне достаточно ясна психология случая. Доктор Томпсон поправит меня, если что не так. Я представляю, что каждый раз, когда АВС совершает преступление, его самодовольство возрастает процентов на сто. Каждый раз он думает: «Я умен, и им меня не поймать!» Он становится победно-самоуверенным и беспечным. Он преувеличивает свой ум и тупость остальных. Он очень скоро перестанет заботиться о мерах предосторожности. Не так ли, доктор?

Томпсон кивнул:

– Обычный случай. Не употребляя медицинской терминологии, лучше изложить нельзя. Вам что-нибудь известно о подобных вещах, мсье Пуаро? Вы не согласны?

Не думаю, чтобы Кроуму пришлось по душе обращение Томпсона к Пуаро. Он считал себя единственным специалистом в этой области.

– Все, как сказал инспектор Кроум, – согласился Пуаро.

– Паранойя, – пробурчал доктор.

Пуаро повернулся к Кроуму:

– Есть ли какие-нибудь существенные сведения по делу в Бексхилле?

– Ничего определенного. Официант Силендайда в Истборне узнал на фотографии убитой молодую женщину, которая ужинала там вечером 24-го в компании мужчины средних лет в очках. То же самое в закусочной «Алый гонец» на полпути из Бексхилла в Лондон. Говорят, она была там около девяти часов вечера 24-го с человеком, похожим на военно-морского офицера. И те и другие не могут быть правы одновременно, но кто-то из них, возможно, и прав. Полно, конечно, и других опознаний, но они большей частью не годятся. Мы не смогли напасть на след АВС.

– Ладно. Похоже, вы сделали все, что смогли, Кроум, – сказал помощник комиссара.

– Что скажете, мсье Пуаро? Какое-нибудь из направлений расследования вас удовлетворяет?

Пуаро медленно ответил:

– Мне кажется, есть один очень важный ключ – раскрыть мотив.

– Разве он не очевиден? Алфавитный комплекс. Разве не так, доктор?

– М-да, – сказал Пуаро, – это алфавитный комплекс. Но почему алфавитный комплекс? У сумасшедшего всегда есть веская причина для совершения преступления.

– Ну полно вам, мсье Пуаро, – сказал Кроум, – вспомните Стоунмена в

1929 году. Он кончил тем, что пытался покончить с любим, кто его хоть как-то раздражал.

Пуаро повернулся к нему:

– Правильно. Если вы достаточно великая и важная личность, нужно, чтобы вы были изолированы от малейших раздражителей. Если муха садится вам на лоб снова и снова, выводя вас из себя своим щекотанием, – что вы делаете? Вы *намереваетесь* убить ее. Тут у вас нет сомнений. Вы важны... муха – нет. Вы убиваете муху, и раздражение проходит. Ваши действия представляются вам святыми и справедливыми.

Другой причиной убить муху является ваша сильная страсть к гигиене. Муха – потенциальный источник опасности для общества, ее надо убрать. Так работает мозг помешанного преступника. Но разберем наш случай: *если жертвы выбраны по алфавитному принципу, тогда они убираются не из-за того, что являются источником раздражения убийцы.* Для объединения обоих случаев должно быть чересчур много совпадений.

– Вот именно, – сказал доктор Томпсон. – Помню случай, когда муж одной женщины был предан смерти. Она начала убивать членов суда присяжных одного за другим. Непосредственно перед тем, как преступления были связаны воедино, они казались совершенно случайными. Но, как сказал мсье Пуаро, не бывает убийц, которые совершают преступления «наобум». Или они устраняют людей, которые стоят (пусть незначительно) у них на пути, или они убивают по *убеждению*. Они уничтожают полицейских или проституток, потому что уверены, что те *должны* быть уничтожены. Мне кажется, в нашем случае все это не подходит. Миссис Ашер и Бетти Барнард нельзя объединить как представителей одного класса. Конечно, возможно, что это сексуальный комплекс. Обе жертвы были женщинами. Нам об этом легче, конечно, будет судить после следующего преступления...

– Ради бога, Томпсон, не говорите так бойко о следующем преступлении! – раздраженно воскликнул сэр Лайонел. – Мы должны сделать все возможное, чтобы предотвратить его.

Доктор Томпсон промолчал и несколько вызывающе высморкался.

– Предложите свой вариант. Если вы не хотите замечать фактов...

Помощник комиссара обратился к Пуаро:

– Я вижу, к чему вы клоните, но мне еще не все ясно.

– Я спрашиваю себя, – заговорил Пуаро, – как именно рассуждал убийца? Он убивает, это видно из его писем, из «спортивного интереса» – чтобы развлечь себя. Может ли это действительно быть так? Но даже если это так, по какому принципу он выбирает свои жертвы, *кроме как по*

алфавиту? Если он убивает, только чтобы позабавить себя, он бы не стал это рекламировать, хотя бы для того, чтобы убивать безнаказанно. Но нет, он старается, как мы все заметили, произвести сенсацию, утвердить себя в глазах общественности. Каким образом его индивидуальность была подавлена и как это можно связать с двумя жертвами, которые он выбрал? И последнее предположение: а что, если его действиями руководит личная ненависть ко мне, Эркюлю Пуаро? А вдруг он публично бросает мне вызов, поскольку я (незаметно для себя) победил его когда-то в своей работе? Или, может быть, его злоба безлична – направлена против *иностранца*? И если это так, то что, опять же, привело к этому? Какую обиду нанесли ему иностранцы?

– Весьма спорные вопросы, – заметил Томпсон.

– Да... Они немного трудноваты для ответа сейчас, – поддержал его инспектор Кроум.

– Тем не менее, мой друг, – заявил Пуаро, глядя прямо на него, – *именно в них, в этих вопросах, кроется отгадка*. Если бы мы знали точный мотив – фантастический, возможно, для нас, но логичный для него: из того, *почему* наш сумасшедший совершает эти преступления, мы могли бы узнать вероятную следующую жертву.

Кроум покачал головой:

– Он выбирает их случайно – вот мое мнение.

– Великодушный убийца, – пробурчал Пуаро.

– Что вы сказали?

– Я говорю – великодушный убийца! Франц Ашер мог бы быть арестован за убийство своей жены, Дональд Фрэзер мог бы быть арестован за убийство Бетти Барнард, если бы не предупреждающее письмо от АВС. Или он такой мягкосердечный, что не мог заставить других страдать?

– Я слышал и о более странных происшествиях, – заметил Томпсон. – Я знаю людей, которые убили полдюжины человек, растерзав их только потому, что одна из их жертв не умерла сразу же, а долго мучилась. Все же я не думаю, что это присуще и нашему убийце. Он хочет умножить свою собственную славу. Такое объяснение лучше всего подходит.

– Мы так и не пришли к решению насчет огласки преступлений, – заметил помощник комиссара.

– Если бы я мог предложить, сэр, – проговорил Кроум. – Почему бы не подождать следующего письма? А потом опубликовать его экстренным выпуском. Это вызовет в указанном городе небольшую панику, но зато заставит каждого, чья фамилия начинается на С, быть начеку, и это испытает мужество АВС. Это заставит его действовать. И тогда мы его

настигнем.

Как мало мы знали, что нам готовит будущее.

Глава 14

Третье письмо

Я хорошо помню, как пришло третье письмо от АВС.

Могу сказать, что были приняты все меры предосторожности с тем, чтобы, когда АВС возобновит свою деятельность, не было излишних проволочек. К дому прикрепили молодого сержанта из Скотленд-Ярда, и если Пуаро и я отсутствовали, он должен был вскрывать почту.

День шел за днем, и нетерпение росло.

Отчуждение и высокомерие инспектора Кроума становились все более явными по мере того, как его «многообещающие» нити, ведущие к раскрытию преступления, обрывались одна за другой. Описания людей, с которыми видели Бетти Барнард, оказались ненужными. Различные машины, замеченные в окрестностях Бексхилла и Кудена, уже были проверены... Исследование продажи железнодорожного справочника «АВС» вызвало беспокойство среди невинных людей.

Что касается нас с Пуаро, то всякий раз, когда мы слышали знакомый громкий стук почтальона в дверь, наши сердца начинали колотиться: по крайней мере, это испытывал я; не могу поручиться, но мне кажется, что Пуаро чувствовал то же.

Он, я полагаю, был расстроен ходом этого дела и отказался уезжать из Лондона, предпочитая быть на месте в случае внезапного поворота событий. В те накаленные до предела денечки у него даже усы поникли, неожиданно утратив внимание хозяина.

Когда пришло третье письмо от АВС, была пятница. Вечернюю почту принесли около десяти часов...

Когда мы услышали знакомые шаги и проворный стук, я поднялся и прошел к почтовому ящику. Там, помнится, было четыре или пять писем. На последнем из них адрес был написан печатными буквами.

– Пуаро! – вскрикнул я... Мой голос замер.

– Оно пришло? Вскройте его, Гастингс. Быстрее. Каждое мгновение на счету. Надо составить план!

Я разорвал конверт (Пуаро на этот раз не упрекнул меня за неаккуратность) и вытащил лист с печатными буквами.

– Читайте, – сказал Пуаро.

Я прочел вслух:

– «Бедный мистер Пуаро, или вы не столь искусны в этих маленьких преступлениях? Ваш расцвет позади, что ли? Посмотрим, удастся ли вам улучшить результат на этот раз. На этот раз полегче. Черстон^[14], 30-го. Очень постарайтесь предпринять что-нибудь! Скучновато все делать по-своему, понимаете!

Счастливой охоты.

Всегда ваш АВС».

– Черстон, – произнес я, подсакивая к нашему экземпляру «АВС». – Поглядим, где это.

– Гастингс. – Пронзительный голос прервал меня. – Когда написано это письмо?

Я взглянул на письмо:

– Написано 27-го.

– Я не ослышался, Гастингс? Он назначил день убийства на 30-е?

– Да, так. Минутку, это будет...

– Боже мой, Гастингс, – вы не понимаете? 30-е – сегодня!!

Его рука указала на календарь на стене. Я схватил свежую газету, чтобы убедиться.

– Но почему... как... – От волнения я запнулся.

Пуаро поднял с пола разорванный конверт.

В моем мозгу смутно отложилось что-то необычное в адресе, но я был слишком озабочен содержанием письма, чтобы обратить внимание на адрес.

В то время Пуаро жил в Уайтхэйвн-Мэншенс. Адрес гласил: *М. Эркюль Пуаро, Уайтхорс-Мэншенс*. В углу поперек было каракулями написано: *«Не известен в Уайтхорс-Мэншенс и в Уайтхорс-Корт – проверьте в Уайтхэйвн-Мэншенс»*.

– Боже мой! – простонал Пуаро. – Неужели даже случай помогает этому сумасшедшему?! Живей, живей, мы должны поставить в известность Скотленд-Ярд.

Спустя минуту-две мы уже говорили по телефону с Кроумом. На этот раз сдержанный инспектор не ответил: «Неужели?» С его губ слетели сдержанные проклятия. Он выслушал все, что мы хотели ему сказать, позвонил и заказал срочный междугородный разговор с Черстоном.

– Слишком поздно, – произнес Пуаро.

– Напрасно вы в этом уверены, – возразил я, впрочем, безо всякой

надежды.

Он посмотрел на часы:

– Двадцать минут одиннадцатого? Час и сорок минут осталось. Станет ли АВС выжидать так долго?

Я раскрыл справочник, который перед этим достал с полки.

– Черстон, графство Девоншир, – прочитал я. – От вокзала Паддингтон – 204 1/4 мили. Население – 656. Похоже, совсем крохотное местечко. Несомненно, нашего приятеля там заметят.

– Даже если так, то все равно ценой еще одной жизни, – сказал Пуаро. – Какие есть поезда? Мне кажется, что поездом будет быстрее.

– Есть ночной поезд – спальный вагон до Ньютон-Эббот – прибывает в 6.08 утра, а в Черстон – в 7.15.

– Отходит с Паддингтона?

– Да, с Паддингтона.

– Поедем этим, Гастингс.

– У вас вряд ли будет время для сбора новостей перед выездом.

– Какая разница, когда мы получим печальные известия: ночью или завтра утром?

– Вообще-то да.

Я кое-что сложил в чемодан, пока Пуаро еще раз звонил в Скотленд-Ярд.

Через несколько минут он зашел в спальню и спросил:

– Позвольте, что вы здесь делаете?

– Я за вас собрал ваши вещи. Думал, это сэкономит время.

– Поменьше эмоций, Гастингс. Это действует на ваши руки и здравый рассудок. Разве так складывают пальто? И посмотрите, что вы сделали с моей пижамой. Если разольется шампунь, что будет?

– Черт возьми, Пуаро! – заорал я. – Вопрос жизни и смерти. Какая разница, что будет с нашей одеждой?

– У вас нет чувства меры, Гастингс. Вы не сядете в поезд раньше, чем он придет, а порча одежды ни в коей мере не предотвратит убийства.

Силой вырвав у меня чемодан, Пуаро принялся упаковывать его сам.

Он пояснил, что нам надо взять письмо и конверт с собой. У Паддингтона нас встретит кто-нибудь из Скотленд-Ярда.

Когда мы прибыли на перрон, первым, кого мы увидели, был инспектор Кроум.

Он ответил на вопросительный взгляд Пуаро:

– Новостей еще нет. Все, кто есть, подняты на ноги. Все лица, чье имя начинается на С, по возможности предупреждаются по телефону. Шансов

мало. Где письмо?

Пуаро передал его.

Тот рассмотрел конверт, тихо чертыхаясь.

– Надо же, какое невезение, звезды со своим дурацким расположением на стороне этого субъекта.

– А вам не кажется, – предположил я, – что это сделано преднамеренно?

Кроум покачал головой:

– Нет, у него свои правила – идиотские правила, – и он их придерживается. Четкое предупреждение. Это пункт. Вот где проявляется его хвастовство. Я почти уверен, что этот малый пьет виски «Белая лошадь».

– О, это гениально! – воскликнул Пуаро. – Он пишет письмо печатными буквами, а напротив стоит бутылка.

– Вот именно, – сказал Кроум. – Любой из нас время от времени делает то же самое, подсознательно копируя то, что стоит перед глазами. Он начал писать «Уайт» и продолжил «хорс» вместо «хэйвн»...

Как выяснилось, инспектор тоже едет на поезде.

– Даже если по какой-то счастливой случайности ничего не произошло, надо быть в Черстоне. Наш убийца там или был там сегодня. Один из моих людей сидит на телефоне до отхода поезда на случай, если что-то поступит.

В тот момент, когда поезд тронулся, мы увидели человека, бегущего к перрону. Он поравнялся с окном инспектора и что-то выкрикнул.

Мы с Пуаро поспешили по коридору и постучали в купе инспектора.

– Что, есть новости? – спросил Пуаро.

Кроум спокойно ответил:

– Плохие. Сэр Кармайл Кларк^[15] найден с пробитой головой.

Сэр Кармайл Кларк, хотя и не имел громкого имени, был человеком довольно высокого положения, а в свое время – очень известным ларингологом. Уйдя на пенсию, он посвятил себя одной из самых больших страстей своей жизни – коллекционированию китайской керамики и фарфора. Спустя несколько лет, унаследовав значительное состояние от дядюшки, он смог предаться своему увлечению полностью. Он стал обладателем одной из самых известных коллекций китайского фарфора. Сэр Кларк был женат, но не имел детей и жил в доме, который построил сам для себя недалеко от девонширского побережья. В Лондон он ездил очень редко, в основном когда устраивался аукцион.

Не требовалось особой сообразительности, чтобы представить, какой

шум вызовет в прессе его смерть, последовавшая за смертью молодой и симпатичной Бетти Барнард. Дело усугублял тот факт, что это случилось в августе, когда газеты испытывают недостаток в интересных материалах.

– Хорошо, – сказал Пуаро, – возможно, огласка сделает то, что не удалось сделать частными усилиями. Теперь вся страна будет выслеживать АВС!

– К сожалению, – заметил я, – это то, что он хочет.

– Верно. Но это погубит его. Окрыленный успехом, он станет неосторожен... На что я надеюсь, так это на то, что он может быть опьянен своею ловкостью.

– Пуаро, это так необычно! – воскликнул я, внезапно пораженный одной мыслью. – Вам не кажется, что это первое преступление такого сорта, которое нам с вами приходится расследовать?

– Вы совершенно правы, мой друг. До сих пор судьба преподносила нам работу *изнутри*. То была история *жертвы* широко известной. Важными моментами являлись: кому выгодна смерть? Какие благоприятные возможности были у тех, кто находился рядом, для совершения преступления? Это всегда было «интимное преступление». А здесь впервые в нашей с вами практике имеет место хладнокровное, беспристрастное убийство. Убийство *извне*.

Я содрогнулся:

– Это довольно ужасно.

– Да. С самого начала я, когда прочитал то письмо, почувствовал, что здесь есть что-то уродливое... – Он раздраженно стал жестикулировать. – Нельзя давать свободу нервам... Это – *ничуть не хуже, чем самое обычное преступление...*

– Это... это...

– Разве хуже, когда лишают жизни незнакомца, а не кого-то из близких и дорогих – того, кто доверяет вам?

– Это хуже, потому что это *безумно...*

– Нет, Гастингс. Это не *хуже*. Это всего лишь *труднее*.

– Нет, нет же! Я не согласен с вами. Это бесконечно страшнее!

Эркюль Пуаро задумчиво произнес:

– Тогда его будет легче раскрыть, потому что оно *безумно*. Преступление, совершенное хитрым и здравомыслящим человеком, было бы намного запутаннее. Если бы кто-то смог хотя бы найти истинный мотив... Это алфавитное дело... в нем столько противоречий... Если бы я смог увидеть мотив, все стало бы просто и ясно... – Он вздохнул и покачал головой. – Эти преступления не должны иметь продолжения. Скоро, скоро

я должен докопаться до истины... Пойдемте, Гастингс. Поспим немножко.
Завтра нам предстоит многое сделать.

Глава 15

Сэр Кармайкл Кларк

Черстон, окруженный с одной стороны Бриксгэмом и с другой Пейнтоном и Торки, охватывает примерно половину излучины реки Торбей. Еще десять лет назад на этом месте было только поле для игры в гольф, а ниже поля – простирающийся до моря зеленый простор. Но с недавних пор развернулось широкое строительство, и теперь береговая линия была усеяна домами, бунгало, дорогами.

Сэр Кармайкл Кларк приобрел участок в два акра с видом на море. Дом был сооружен по современному проекту: неназойливый белый прямоугольник. Если не считать двух галерей, в которых располагалась коллекция, дом нельзя было назвать большим.

Мы прибыли в Черстон примерно в восемь утра. Офицер местной полиции встретил нас на станции и пояснил:

– Сэр Кармайкл Кларк, похоже, имел обыкновение прогуливаться после ужина. Когда позвонила полиция – после одиннадцати, – было установлено, что он не вернулся! Поскольку его прогулка обычно имела один маршрут, не потребовалось много времени для того, чтобы обнаружить тело. Смерть наступила в результате удара тяжелым предметом по затылку. *На теле убитого лежал раскрытый железнодорожный справочник «АВС» лицевой стороной вниз.*

Мы прибыли в Комбесайд (так назывался дом) около половины девятого. Дверь открыл пожилой дворецкий, трясущиеся руки и искаженное лицо которого говорили о том, насколько его поразила трагедия.

– Доброе утро, Деверил, – сказал наш спутник.

– Доброе утро, мистер Уэллс.

– Эти джентльмены из Лондона, Деверил.

– Прошу вас, джентльмены, проходите.

Дворецкий проводил нас в длинную столовую, где был накрыт завтрак.

– Я схожу за мистером Франклином.

Через одну-две минуты в комнату вошел крупный блондин с загорелым лицом. Это был Франклин Кларк, единственный брат покойного. Решительный и, похоже, привыкший к неожиданностям.

– Доброе утро, джентльмены.

Инспектор Уэллс представил всех друг другу:

– Это инспектор Кроум из отдела по расследованию преступлений, мистер Эркюль Пуаро и... э-э... капитан Гайтер.

– Гастингс, – холодно поправил я.

Франклин Кларк пожал по очереди каждому из нас руку, и всякий раз рукопожатие сопровождалось пронизывающим взглядом.

– Разрешите предложить вам позавтракать, – произнес он, – мы можем обсудить положение за едой.

Никто не возражал, и мы отдали должное превосходной яичнице с беконом и кофе.

– Теперь к делу, – сказал Кларк. – Я бы сказал – дичайшая история из всех, что я слышал. Значит ли все это, инспектор Кроум, что мой брат стал жертвой маньяка, что это было третье убийство и что всякий раз возле тела был оставлен справочник «АВС»?

– Таковы, собственно, факты, мистер Кларк.

– Но *почему*? Какую реальную выгоду можно извлечь из подобного преступления, даже при самом больном воображении?

Пуаро одобрительно кивнул.

– Вы попали прямо в точку, мистер Кларк, – сказал он.

– Нецелесообразно доискиваться до мотивов на этом этапе, мистер Кларк, – сказал инспектор Кроум. – Это дело психиатров, хотя, должен сказать, я имею некоторый опыт в криминальных помешательствах, их мотивы обычно сильно неадекватны. Налицо желание заявить о себе, в общем – стать кем-то, а не пустым местом.

– Это правда, мсье Пуаро?

Голос мистера Кларка выражал недоверие. Его обращение к такому авторитету не очень-то спокойно было воспринято инспектором Кроумом.

– Совершенно верно, – ответил мой друг.

– В любом случае, он не сможет долго увильнуть от преследований, – задумчиво произнес Кларк.

– Вы так думаете? Но они такие изворотливые. И вы должны помнить, что *этот тип внешне выглядит весьма незначительным* – он принадлежит к тем, кого обходят, игнорируют или даже смеются над ними!

– Вы не позволите, мистер Кларк, уточнить несколько деталей? – спросил Кроум, вмешиваясь в разговор.

– Разумеется.

– Ваш брат был вчера в обычном своем расположении духа и здоров? Не получал никаких неожиданных писем? Ничто его не расстраивало?

– Он был таким же, как всегда.

– Значит, ничем не расстроен и не огорчен?
– Извините, инспектор. Я этого не говорил. Быть расстроенным и огорченным – это нормальное состояние моего бедного брата.

– Почему так?
– Вы, возможно, не в курсе, что его жена, леди Кларк, очень больна. Если честно, между нами, у нее рак и ей недолго осталось жить. Ее болезнь ужасно терзала сознание моего брата. Я сам недавно вернулся с Востока и был поражен тем, как он изменился.

Пуаро вставил вопрос:

– Предположим, мистер Кларк, что ваш брат был бы найден у подножия обрыва... или убитым из револьвера, который лежал бы рядом. О чем бы вы подумали в первую очередь?

– Честно говоря, я бы сразу подумал, что это самоубийство, – ответил Кларк.

– Вот! – сказал Пуаро.

– Что?

– Факт говорит сам за себя. Это не имеет значения.

– Так или иначе, это *не было* самоубийством, – грубовато-отрывисто сказал Кроум. – Как я понимаю, мистер Кларк, ежевечерняя прогулка входила в привычки вашего брата?

– Совершенно верно. Он всегда это делал.

– Каждый вечер?

– Да, если только, разумеется, не лил дождь.

– И каждый в доме знал его привычку?

– Конечно.

– А другие?

– Я не знаю, кого вы имеете в виду под «другими». Садовник, возможно, знал, а может, и нет. Не уверен.

– А в деревне?

– Строго говоря, у нас не деревня. Здесь только почтовое отделение и коттеджи в Черстон-Феррерс, но нет деревни и магазинов.

– Я полагаю, что незнакомца, маячившего вокруг, было бы очень легко заметить?

– Наоборот. В августе этот уголок земли кишит посторонними. Каждый день они приезжают на машинах, автобусах, приходят пешком из Бриксгэма, Торки и Пейнтон. Обширные пляжи, вон там, ниже, – он показал, – очень популярны, так же как и Элбери-Коув – известное красивое место. Все это притягивает людей сюда на пикники. Не люблю я этого. Вы не представляете, насколько прекрасен и тих этот уголок в июне

и начале июля.

– Так вы не думаете, что незнакомца могли бы заметить?

– Нет, если только он не выглядел чокнутым.

– Этот человек не выглядит чокнутым, – уверенно произнес Кроум. – Вы понимаете, к чему я веду, мистер Кларк? Этот человек должен был разведать местность заранее и обнаружить привычку вашего брата прогуливаться каждый вечер. Кстати, вчера никто не заходил в этот дом и не спрашивал сэра Кармайкла?

– Нет, насколько мне известно, но можно спросить Деверила.

Он позвонил в колокольчик и задал этот вопрос дворецкому.

– Нет, сэр, никто не спрашивал сэра Кармайкла. И я никого шатающегося вокруг дома не заметил. Горничные тоже ничего не видели, – я их уже спрашивал.

Дворецкий подождал секунду и затем спросил:

– Это все, сэр?

– Да, Деверил, вы можете идти.

Дворецкий удалился, пропустив в дверях молодую женщину.

Франклин Кларк поднялся, когда она вошла.

– Это мисс Грей, джентльмены. Секретарь моего брата.

Мое внимание привлекли необычайные, по-скандинавски светлые волосы девушки. Они были пепельные, почти бесцветные. Такие светло-серые глаза и прозрачно-светящуюся бледность можно встретить у норвежек и шведок. На вид ей было около двадцати семи, и она была не только эффектной внешне, но и компетентной в делах.

– Могу я быть чем-нибудь полезна? – спросила мисс Грей, присаживаясь.

Кларк предложил ей кофе, но она отказалась от него.

– Вы вели корреспонденцию сэра Кармайкла? – спросил Кроум.

– Да, всю.

– Не получал ли он письма или писем, подписанных АВС?

– АВС? – Она покачала головой. – Уверена, не получал.

– Не упоминал ли он о том, что видел кого-нибудь во время вечерней прогулки?

– Нет. Он ничего подобного не говорил.

– А вы сами не замечали незнакомых людей?

– В это время года полно людей, как вы говорите, «шляющихся». Часто можно встретить людей, бесцельно вперивших взгляд в лужайку для гольфа или бредущих вдоль аллеи, ведущей к морю. К тому же практически каждый встречный в это время года – незнакомец.

Пуаро задумчиво кивнул.

Инспектор Кроум попросил показать маршрут вечерней прогулки сэра Кармайкла. Франклин Кларк провел нас через французское окно (доходящее до пола), мисс Грей сопровождала нас.

Мы с ней оказались несколько позади остальных.

– Должно быть, это для всех вас ужасное потрясение, – заметил я.

– Это невероятно. В ту ночь я уже легла, когда позвонила полиция. Я услышала голоса внизу и спустилась узнать, в чем дело. Деверил и мистер Кларк как раз собирались выйти с газовыми фонарями.

– В котором часу обычно сэр Кармайкл возвращался с прогулки?

– Около четверти десятого. Обычно он заходил в дом через боковую дверь и иногда сразу же шел спать, а иногда шел в галерею к своей коллекции. Вот почему, несмотря на звонок из полиции, его исчезновение не было замечено до тех пор, пока его не нашли утром.

– Должно быть, для его жены это ужасное потрясение?

– Леди Кларк находится под большой дозой морфия. Полагаю, она в таком состоянии, что не осознает, что происходит вокруг.

Через калитку мы вышли на лужайку для гольфа. Срезав угол, через уступ прошли на крутую петляющую тропу.

– Она ведет вниз к Элбери-Коув, – пояснил Франклин Кларк. – Но два года назад проложили новую дорогу, ведущую от главной дороги на Бродсэндз к Элбери, так что теперь эта тропа практически опустела.

Мы продолжили свой путь вниз по тропе. У ее основания путь лежал через заросли куманики и папоротника к морю. Внезапно мы вышли на покрытый травой и смотрящий в море гребень и сверкающий белыми камнями пляж. Вокруг темно-зеленые деревья сбегали к морю. Это было очаровательное место – белое, темно-зеленое и сапфирно-синее.

– Как прекрасно! – не удержался я.

Кларк стремительно повернулся ко мне:

– Не правда ли? Почему люди стремятся уехать за границу на Ривьеру, когда у них есть это?! В свое время я обошел весь свет и, ей-богу, никогда не видел столь прекрасного места.

Потом, как бы устыдившись своей пылкости, он сказал более подходящим для данной ситуации тоном:

– Это была вечерняя прогулка моего брата. Потом обратно вверх, поворачивая не налево, а направо мимо фермы и через поле, где и было найдено тело.

Кроум кивнул:

– Достаточно просто. Человек стоял здесь, в тени. Ваш брат ничего бы

не заметил до нанесения удара.

Девушка возле меня содрогнулась.

Франклин Кларк сказал:

– Крепись, Тора. Это чудовищно, но неразумно уклоняться от подробностей.

Тора Грей – это имя шло ей.

Мы пошли обратно к дому, откуда уже забрали тело, после того как его сфотографировали.

Когда мы поднимались по широкой лестнице, из комнаты вышел доктор, держа в руке черную сумку.

– Есть что-нибудь для нас, доктор? – спросил Кларк.

Доктор покачал головой:

– Элементарнейший случай. Я подготовлю заключение для следствия. В общем, он не испытал мучений. Смерть наступила мгновенно. – Доктор проследовал мимо. – Пойду проведу леди Кларк.

Все прошли в комнату, откуда вышел доктор, а я замешкался на лестнице.

Тора Грей все стояла у начала лестницы. На ее лице застыло испуганное выражение.

– Мисс Грей... – Я запнулся.

– Что такое? – Она посмотрела на меня. – Я думала о D.

– О D? – Я с недоумением посмотрел на нее.

– Да. О следующем убийстве. Надо что-то делать. Это надо остановить.

В дверях комнаты за моей спиной показался Кларк и спросил:

– Что надо остановить, Тора?

– Эти ужасные убийства.

– Да. – Его челюсти агрессивно сжались. – Я хочу поговорить с мсье Пуаро... А что, Кроум – стоящий человек? – неожиданно вырвалось у него.

Я ответил, что Кроум очень умный офицер. Но возможно, мой голос звучал не так бодро, как мог бы звучать.

– У него грубые манеры, – сказал Кларк. – Прикидывается, что ему все известно, – а что ему известно? Ровным счетом ничего, насколько я могу заключить.

Минуту-две он молчал, потом добавил:

– Мсье Пуаро мне подходит. У меня есть план. Но о нем мы поговорим позже.

Он прошел по коридору и постучал в комнату, куда вошел доктор.

Мгновение я колебался. Девушка отрешенно глядела перед собой.

– О чем вы задумались, мисс Грей?

Она перевела взгляд на меня:

– Интересно, *где он сейчас...* убийца то есть. Не прошло и двенадцати часов с того момента, как это случилось... О! Есть ли такой ясновидящий, кто может указать, где он сейчас и что делает?..

– Полиция ищет... – начал я.

Мои простые слова прервали оцепенение. Тора Грей взяла себя в руки.

– Да. Конечно, – промолвила она.

Она спустилась по лестнице. Я еще постоял немного, переваривая ее слова.

АВС...

Где он сейчас?

Глава 16

(написана не от лица капитана Гастингса)

Мистер Александр Бонапарт Каст вышел вместе с остальными зрителями из «Торки Палладиум», где посмотрел душераздирающий фильм «Ни воробья...».

Он слегка прищурился от дневного света и огляделся вокруг, как бродячий пес, что было ему свойственно. И пробормотал сам себе:

– Это идея...

Мальчишки, разносчики газет, пробегали мимо, выкрикивая:

– Последние новости!.. Маньяк-убийца в Черстоне!..

Они несли листовки с надписью:

«УБИЙСТВО В ЧЕРСТОНЕ. ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ».

Мистер Каст порылся в кармане, нашел монету и купил газету, но не стал раскрывать ее сразу же. Войдя в Принцесс-Гарденс, он медленно направился под навес, выходящий на Торкийскую гавань. Он сел на лавочку и раскрыл газету.

Большой заголовок:

«УБИТ СЭР КАРМАЙКЛ КЛАРК.

УЖАСНАЯ ТРАГЕДИЯ В ЧЕРСТОНЕ.

РАБОТА МАНЬЯКА-УБИЙЦЫ».

И ниже:

«Всего месяц назад Англия была поражена и потрясена убийством молодой девушки Элизабет Барнард в Бексхилле. В деле, как известно, фигурировал железнодорожный справочник „АВС“. У тела сэра Кармайкла Кларка также был найден „АВС“.

Полиция склоняется к тому, что оба убийства были совершены одним лицом. Не исключено, что маньяк-убийца собирается пройтись по нашим морским курортам...»

Молодой человек во фланелевых брюках и светло-голубой рубашке из эртекса, что сидел возле, заметил:

– Грязное дельце, а?

Мистер Каст встрепенулся:

– О, весьма... весьма...

Его руки, как заметил молодой человек, дрожали так, что он едва удерживал газету.

– Лунатиков невозможно определить, – принялся болтать молодой человек, – они не всегда «того», знаете ли. Часто они выглядят так же, как вы или я...

– Думаю, что да, – сказал мистер Каст.

– Точно. Некоторых война сделала совершенно неизлечимыми.

– Я... я полагаю, вы правы.

– Я не одобряю войну, – продолжал молодой человек.

Его сосед повернулся к нему:

– Я не одобряю чуму, муху цеце, голод и рак... но это все равно случается!

– Войну можно предотвратить, – уверенно выпалил молодой человек.

Мистер Каст расхохотался и какое-то время не мог остановиться.

Молодой человек немного встревожился.

«Этот сам немного чокнутый», – подумал он, а вслух произнес:

– Извините, сэр, мне кажется, вы были на войне?

– Был, – ответил Каст, – и она надломил меня. С тех пор голова уж не та. Болит, знаете ли. Ужасно болит.

– О! Извините за это, – неуклюже проронил молодой человек.

– Иногда я с трудом сознаю то, что делаю...

– Правда? Ну, мне пора, – сказал молодой человек и торопливо ушел. Он знал, что это за люди, которые начинают рассказывать о своем здоровье.

Мистер Каст остался со своей газетой. Он перечитал ее еще раза два.

Мимо него проходили люди. Большинство говорило об убийстве...

– Ужасно... Ты не знаешь, это не связано с китайцами? Та официантка не из китайского кафе?..

– Прямо на лужайке для гольфа...

– Я слышал, это случилось на пляже...

– ...но, дорогой, мы привезли чай в Элбери только вчера...

- ...полиция уверена, что поймает...
- ...его могут арестовать, и с минуты на минуту...
- ...наиболее вероятно, что он в Торки...
- То была женщина, а не...

Мистер Каст аккуратно сложил газету и положил на сиденье. Затем встал и спокойно пошел по направлению к городу.

Мимо прошли девушки в белом, в розовом, в голубом, в летних платьях, халатах и шортах. Они разговаривали и смеялись. Их глаза оценивали проходящих мужчин.

Их взгляды не задерживались на мистере Касте...

Мистер Каст сел за небольшой столик и заказал чай с девонширскими сливками.

Глава 17

Примечательное время

После убийства сэра Кармайкла Кларка дело о загадке АВС достигло наивысшей популярности.

В газетах только и говорилось об этом. Сообщалось о раскрытии различного сорта «тайн». Было объявлено о скорых арестах. Были фотографии каждого человека или места, хоть как-то связанных с убийством. Были интервью с каждым, кто мог дать его. Были запросы в парламент.

Андоверское убийство было приобщено к двум другим.

В Скотленд-Ярде были убеждены, что полнейшая гласность является лучшей возможностью поймать преступника. Население Великобритании превратилось в армию сыщиков-любителей.

«Дейли фликер» вдохновенно выдала заголовок:

«ОН МОЖЕТ БЫТЬ В ВАШЕМ ГОРОДЕ».

Пуаро, конечно, был в гуще событий. Письма, которые он получил, были опубликованы и воспроизведены факсимильно. Его обвиняли в том, что он не предотвратил преступлений, и защищали, говоря, что он вот-вот назовет убийцу.

Репортеры беспрестанно изводили его интервью.

«Что мсье Пуаро говорит сегодня?»

Далее обычно следовало полколонки глупостей:

«Мсье Пуаро пессимистически оценивает ситуацию».

«Мсье Пуаро на пороге удачи».

«Капитан Гастингс, старый друг мсье Пуаро, рассказал нашему специальному корреспонденту...»

– Пуаро, – я готов был зарыдать, – умоляю, верьте мне, я ничего подобного не говорил!

Мой друг мягко отвечал:

– Я знаю, Гастингс, я знаю. Произнесенное слово и напечатанное – какая пропасть между ними. Вот вам способ переименования, который полностью меняет смысл.

– Не хотелось бы мне, чтобы вы подумали, что я сказал...
– Вы сами-то не волнуйтесь. Это не важно. Эти глупости могут даже оказать нам услугу.

– Каким образом?
– Хорошо! – сказал Пуаро. – Если наш сумасшедший прочитает сегодняшние газеты, он потеряет всякое уважение ко мне как к противнику. А это уже кое-что!

С другой стороны, Скотленд-Ярд и местная полиция без устали выдвигали различные догадки. Вокруг места преступления были опрошены люди, сдающие квартиры, меблированные комнаты. Внимательно были изучены сотни рассказов людей, которые «видели очень подозрительного человека с бегающими глазами» или с «лицом грешника». Ни одна информация, даже самого неопределенного характера, не была игнорирована. Множество людей были задержаны и опрошены об их действиях в ту злополучную ночь.

Если Кроум и его коллеги работали не покладая рук, то Пуаро казался мне ленивым...

Мы все время спорили.

– А что вы от меня хотите, мой друг? Рабочее расследование – полиция справится с этим лучше меня. Вы хотите, чтобы я бегал взад-вперед, как собака?

– Вместо того, чтобы сидеть дома, как... как...

– Как здравомыслящий человек! Моя сила, Гастингс, *в голове, а не в ногах!* Всякий раз, когда вам кажется, что я бездействую, я размышляю.

– Размышляете?! – вскричал я. – Разве сейчас время для размышлений?!

– Да, тысячу раз – да!

– Но вы уже наизусть знаете факты трех преступлений.

– Я размышляю не над фактами, а над психологией, над умом убийцы.

– Умом убийцы?

– Точно. *Когда я узнаю, на что похож убийца, я узнаю, кто он.* Что мы знали об убийце после андоверского преступления? Почти ничего. После убийства в Черстоне? Немного больше. Я начинаю видеть не *очертания лица и формы, а очертания ума.* Ума, который движется и работает. После следующего преступления...

– Пуаро!

Мой друг бесстрастно посмотрел на меня:

– Да, Гастингс, думаю, наверняка последует еще одно. Многое зависит от случая. Интересно, насколько незнакомец окажется удачлив. Удача

может отвернуться от него. Но в любом случае после следующего преступления мы будем знать больше. Преступление сильно обнажает преступника. Изменяйте методы, привычки, а ваша душа обнажится поступками. Существуют беспорядочные приметы, – иногда кажется, будто бы не один – два ума работали, но его очертания прояснятся, я узнаю.

– Кто это?

– Нет, Гастингс, я не узнаю его имени и адреса! Я узнаю, что он за человек...

– А потом?

– А потом я отправлюсь... «на рыбалку». – Пока я глядел, сбитый с толку, Пуаро продолжал: – Понимаете, Гастингс, опытный рыбак точно знает, какого червячка какой рыбе предложить. Я предложу верного червячка.

– А потом?

– А потом? А потом? Вы так же несносны, как и прагматик Кроум с его вечным «неужели?». Ладно, а потом он клюнет. Ну, и мы вытащим его на крючке.

– А тем временем люди гибнут и гибнут...

– Три человека. А ведь около... ста двадцати человек гибнет каждую неделю на дорогах, не так ли?

– Это совсем другое.

– Наверное, это то же самое для тех, кто гибнет. Для остальных – родственников, друзей – да, есть разница; но по крайней мере одно меня радует в этом деле.

– Да, все-таки скажите мне что-нибудь радостное.

– Напрасно вы столь саркастичны. Радует то, что нет и тени вины, брошенной на невинного. Жить в атмосфере подозрения – видеть глаза, смотрящие на тебя, сменяющие выражение любви на ненависть... Это отравы, зловоние. Нет, отравление жизни невинного – этого, по крайней мере, мы не можем приписать АВС.

– Вы скоро начнете оправдывать его, – съязвил я.

– Почему бы и нет? Мы и закончим на сочувствии его точке зрения...

– Браво, Пуаро!

– Боже, я поразил вас! Сначала моя инертность, а потом мои взгляды.

Я покачал головой вместо ответа.

– Все равно, – сказал Пуаро, – у меня есть план, который порадует вас, – он активный, а не пассивный. А также он повлечет много разговоров и практически ни одной мысли.

– Какой план? – осторожно спросил я.

- Выжимка из друзей, родственников и слуг всего, что они знают.
- Вы подозреваете, что они утаивают что-то?
- Не преднамеренно. Но рассказ обо всем, что знаешь, всегда подразумевает *отбор*. Если бы я попросил вас рассказать о вчерашнем дне, вы, возможно, ответили бы: «Я встал в девять, позавтракал в половине десятого, ел яичницу с беконом и кофе, потом я пошел в клуб» – и так далее. Вы бы не включили: «Я сломал ноготь, и его пришлось обрезать. Я позвонил, чтобы принесли воды для бритья. Я пролил немного кофе на скатерть...» Никто не может рассказать всего. Следовательно, они *выбирают*. Люди выбирают то, что, по их мнению, *важно*. Но очень часто они думают неправильно!
- И как же нам быть? Как заполучить нужные факты?
- Путем разговоров! Надо обсуждать какое-то событие, или какого-то человека, или какой-то день снова и снова, дополнительные детали всплывут.
- Что за детали?
- Детали, которые я и хочу выяснить. Прошло достаточно времени, чтобы переосмыслить ценности, – то, что в трех случаях убийства нет ни одного факта, за который можно зацепиться, противоречит всем математическим законам. Какое-нибудь тривиальное событие, тривиальное высказывание *должно* отыскаться, чтобы указать путь! Это все равно что искать иголку в стогу, признаю, *но в стогу есть иголка* – вот в чем я убежден!
- Его слова показались мне туманными.
- Вы не видите? Вы не так находчивы, как простая служанка.
- Пуаро передал мне письмо. Оно было написано аккуратным круглым ученическим почерком.

«Уважаемый сэръ, надеюсь, вы простите мою смелость написать вам. Я много думала после тех ужасных двух убийств, подобных убийству тетушки. Мы словно находимся в одной лодке. Я видела в газете фотографию молодой леди, то есть я хочу сказать, что это сестра молодой леди, той, что была убита в Бексхилле. Я набралась смелости и написала ей, и сказала, что я поеду в Лондон искать работу, и спросила, могу ли я приехать к ней или к ее матери, так как я сказала, что две головы лучше одной и мне не потребуется большое жалованье, только бы узнать, кто тот дьявол...

Молодая леди очень любезно ответила мне, что поскольку

она живет в общежитии, то хорошо бы написать еще и вам. Вот я и пишу, сэр, сказать, что я еду в Лондон, и вот мой адрес.

Надеюсь, что не побеспокоила вас.

С уважением,

Мэри Дроуэр».

– Мэри Дроуэр, – произнес Пуаро, – очень умная девушка.

Он взял еще одно письмо.

– Прочитайте это.

Это была строчка от Франклина Кларка, сообщавшего о том, что он едет в Лондон и позвонит на следующий день, если это удобно.

– Не отчаивайтесь, мой друг, – сказал Пуаро, – действие вот-вот начнется.

Глава 18

Пуаро произносит речь

Франклин Кларк приехал к нам в три часа дня.

– Мсье Пуаро, – сказал он, – я не удовлетворен.

– Да, мистер Кларк?

– Кроум очень способный офицер, но если честно... Я как-то дал понять вашему другу, что у меня на уме... Я считаю, что нам не следует позволять траве расти у нас под ногами...

– Вы повторяете слова Гастингса!

– Мы должны быть готовы к следующему преступлению.

– Так вы полагаете, что будет еще преступление?

– А вы – нет?

– Конечно!

– Ну хорошо. Я хочу покончить с этим.

– Расскажите о вашем плане подробнее.

– Я предлагаю, мсье Пуаро, создать что-то вроде специального легиона, работающего под вашим началом и состоящего из друзей и родственников убитых...

– Прекрасная мысль.

– Рад, что вы одобряете. Соединив усилия, думаю, мы чего-нибудь добьемся. И когда поступит следующее предупреждение, кто-нибудь из нас, будучи на месте, может узнать кого-то, кто был вблизи места одного из предыдущих преступлений.

– Я понял вашу идею и одобряю ее, но мы должны учитывать, что родственники и друзья других жертв совсем из другого, нежели вы, круга. Они ведь на службе, и хотя им могут дать небольшой отпуск...

Франклин Кларк перебил:

– Вот именно. Я единственный, кто в состоянии понести расходы. Сам-то я не очень богат, но мой брат был состоятельным человеком, и, таким образом, это отразилось на мне. Я предлагаю, как уже говорил, создать специальный легион, членам которого будут выплачиваться деньги в соответствии с их заработком и дополнительными, разумеется, расходами.

– Из кого вы предполагаете создать легион?

– Я думал об этом. Я уже написал мисс Меган Барнард – собственно,

это частично ее идея. Я предлагаю себя, мисс Барнард, мистера Дональда Фрэзера, который был помолвлен с покойной девушкой. Потом есть племянница женщины из Андовера, мисс Барнард знает ее адрес. Я не думаю, что нам как-то пригодится муж: я слышал, он все время пьян. Я также не имею в виду родителей Барнард – они слишком стары для активных действий.

– Больше никого?

– Да... э-э... мисс Грей.

Он слегка покраснел, произнося ее имя.

– О! Мисс Грей?

Никому в мире не дано вложить столь мягкую иронию в пару слов лучше, чем Пуаро. Франклин Кларк сбросил лет тридцать пять и стал похож на застенчивого школьника.

– Да. Знаете, мисс Грей работала у моего брата более двух лет. Она знает окрестности, и их обитателей, и все остальное. Я ведь полтора года отсутствовал.

Пуаро сжалился над ним и перевел разговор:

– Вы были на Востоке? В Китае?

– Да. Я проводил что-то вроде экспедиции по покупке вещей для брата.

– Должно быть, это очень интересно. Ладно, мистер Кларк, я весьма одобряю вашу идею. Я только вчера говорил Гастингсу, что требуется объединение заинтересованных людей. Необходимо слить воедино воспоминания, обменяться взглядами, необходимо, в конце концов, все сказать об этом деле, говорить, говорить и еще раз говорить. Самая незначительная фраза может пролить свет.

Спустя несколько дней «Специальный легион» встретился у Пуаро.

Все расселись, преданно глядя на Пуаро, который занял свое место во главе стола. Все три девушки обращали на себя внимание – необычайная красота белокурой Торы Грей, темперамент смуглой Меган Барнард с ее странной, как у индейцев, неподвижностью лица, Мэри Дроуэр с ее милым интеллигентным лицом, опрятно одетая в темную блузку и юбку. Двое мужчин – Франклин Кларк, крупный, загорелый и разговорчивый, и Дональд Фрэзер, замкнутый и спокойный, – представляли забавный контраст друг другу.

Пуаро, конечно, не мог не произнести маленькую речь.

– Дамы и господа, вы знаете, для чего мы здесь собрались. Полиция делает все возможное, чтобы выследить преступника. Я тоже занимаюсь этим. Но мне кажется, что встреча тех, кто лично заинтересован и кто

лично знал жертвы, может дать результаты, которые не в состоянии получить любое расследование.

Мы имеем три убийства – старой женщины, молодой девушки и пожилого мужчины. Их всех объединяет только одно – *то, что убил их один и тот же человек*. Это означает, что убийца *присутствовал в трех различных местах* и наверняка его видело множество людей. То, что он сумасшедший в прогрессирующей стадии, – это безусловно. Но также очевидно, что его поведение не выдает в нем сумасшедшего. Этот человек может быть как мужчиной, так и женщиной, – обладает дьявольской хитростью помешанного. Ему удалось совершенно запутать следы. Полиция имеет довольно смутные приметы, по которым не может ничего предпринять. Тем не менее должны существовать не смутные, а определенные приметы. Взять хотя бы один факт – не мог же этот убийца прибыть в Бексхилл в полночь и прямо на побережье найти молодую леди, имя которой начиналось с В...

– Нужно ли вдаваться в это? – промолвил Дональд Фрээр. Казалось, он с трудом выдавливая из себя слова.

– Необходимо вдаваться во все, мсье, – ответил Пуаро, обращаясь к нему. – Мы здесь не для того, чтобы оберегать свои чувства, а для того, чтобы, если потребуется, терзать их, досконально разбираясь во всем. Как я уже сказал, Бетти Барнард не случайно оказалась жертвой АВС. С его стороны это был обдуманный выбор и поэтому преднамеренный. Он должен был прощупать почву *заранее*. Есть такие вещи, о которых он разузнавал заблаговременно: удобное время для преступления в Андовере, мизансцену в Бексхилле, привычки сэра Кармайкла Кларка в Черстоне. Я лично отказываюсь верить, что улики нет, что нет ни малейшего намека, который мог бы установить его личность.

Я допускаю, что кто-то из вас, а может быть и каждый, *знает то, о чем он даже не догадывается, что он это знает*.

Рано или поздно при общении друг с другом что-нибудь прояснится, приобретет значимость, о которой ранее и не помышляли. Это как мозаика. Каждый из вас может иметь кусок, который отдельно ничего не значит, но который, соединившись с другими, может составить определенную часть целой картины.

– Слова! – заметила Меган Барнард.

– А? – Пуаро вопросительно посмотрел на нее.

– То, что вы говорите. Это только слова. Они ничего не значат.

Она говорила с такой отчаянной силой, что я отнес это к особенностям ее характера.

– Слова, мадемуазель, представляют собой внешнюю оболочку идей!

– Да, я думаю, в этом есть смысл, – сказала Мэри Дроуэр. – На самом деле, мисс. Так часто бывает, когда вы говорите о вещах, которые кажутся вам абсолютно ясными. Вы представляете их, не зная на самом деле, как было. Разговор приведет к чему-то, так или иначе.

– Если вспомнить поговорку «меньше слов, больше дела», то мы сейчас собираемся делать как раз обратное, – заметил Франклин Кларк.

– Что вы скажете, мистер Фрэзер?

– Я, пожалуй, сомневаюсь в практическом применении того, о чем вы говорите, мсье Пуаро.

– Что вы думаете, Тора? – спросил Кларк.

– Я думаю, что принцип пересказа разумен.

– Предположим, – предложил Пуаро, – что вы все постараетесь вспомнить все, что относится ко времени, предшествующему убийству. Пожалуй, начнем с вас, мистер Кларк.

– Помнится, утром того дня, когда убили Кара, я ушел в плавание. Поймал восемь скумбрий, прямо там, в бухте. Пообедал дома. Я помню, ел жаркое по-ирландски. Поспал в гамаке. Выпил чаю. Написал несколько писем, просмотрел почту, затем поехал в Пейнтон отправить письма. Потом поужинал и – я не стыжусь этого – перечитал книгу Э. Несбита, которую я люблю с детства. Потом зазвонил телефон...

– Достаточно. Теперь подумайте, мистер Кларк, не встретили ли вы кого-нибудь, когда утром спускались к морю?

– Я много кого видел.

– Можете что-нибудь вспомнить об этих людях?

– Нет, ничего ужасного.

– Вы уверены?

– Ну... давайте посмотрим... Я помню примечательно толстую женщину, она была в коротком шелковом платье, я еще удивился почему... двое ребятишек с ней... два молодых человека с фокстерьером на берегу моря бросали камни... а, да, девушка со светлыми волосами, которая купалась и визжала... Интересно, как много вещей вспоминается, как фотографию проявляешь.

– У вас хорошая память. Теперь дальше, что было потом, в саду и по дороге на почту...

– Садовник поливал сад... По дороге на почту? Неподалеку остановился велосипедист... Бестолковая женщина, шатающаяся и вопящая на своего приятеля. Я боюсь, что это все...

Пуаро повернулся к Торе Грей.

– Мисс Грей?

Тора ответила своим четким, уверенным голосом:

– В то утро я разбирала корреспонденцию с сэром Кармайклом, искала экономку. Я написала письмо и во второй половине дня занималась рукоделием, кажется. Трудно вспомнить. Это был совершенно обычный день. Я рано легла спать.

К моему удивлению, Пуаро не стал ее больше расспрашивать. Он сказал:

– Мисс Барнард, можете вы вспомнить, когда в последний раз видели свою сестру?

– Это было где-то за две недели до ее смерти. Я приезжала на выходные. Была прекрасная погода. Мы отправились в Гастингс в плавательный бассейн.

– О чем вы в основном говорили?

– Я делилась с ней воспоминаниями, – ответила Меган.

– А что еще? О чем она говорила?

Девушка нахмурилась, пытаясь вспомнить.

– Она говорила о том, что у нее нет денег, так как она только что купила шляпку и пару летних перчаток. И немного о Доне... Потом она говорила, что не любит Милли Хигли – это девушка из кафе, – и мы смеялись над Мэрион – женщиной, которая содержит это кафе... Я больше ничего не помню...

– Она не упоминала какого-нибудь мужчину – простите меня, мистер Фрэзер, – которого могла встретить?

– По-моему, нет, – сухо ответила Меган.

Пуаро повернулся к молодому рыжеволосому мужчине с квадратной челюстью.

– Мистер Фрэзер, я хочу, чтобы вы перенеслись в прошлое. Вы сказали, что пришли в кафе в тот роковой вечер. Прежде всего вы собирались дожидаться, когда выйдет Бетти Барнард. Не могли бы вы вспомнить кого-нибудь, кого вы заметили, пока ждали там?

– Там было множество людей. Я не могу вспомнить каждого.

– Простите, но, может, вы попытаетесь? Как бы ни были вы поглощены своими мыслями, возможно, вы механически заметили что-нибудь неосознанно, но с точностью...

Молодой человек упрямо повторил:

– Я никого не запомнил.

Пуаро кивнул и повернулся к Мэри Дроуэр:

– Я полагаю, вы получали письма от вашей тетушки?

– О да, сэр.

– Когда было последнее?

Мэри задумалась на минуту.

– За два дня до убийства, сэр.

– Что в нем было написано?

– Она писала, что старый черт крутится около и что она отшила его, простите за выражение. Она писала, что ждет меня в среду. Это мой выходной, сэр, и она сказала, что мы пойдем в кино. Это был мой день рождения, сэр.

Что-то, возможно мысль о маленьком веселье, внезапно вызвало у девушки слезы. Она сдерживала рыдания. Потом начала оправдываться:

– Вы должны простить меня, сэр. Я не хочу быть глупой. Слезами горю не поможешь. Это была ее мысль... и моя... – загадывать вперед наши развлечения. Это меня как-то расстроило, сэр.

– Я понимаю ваши чувства, – сказал Франклин Кларк, – всегда какие-нибудь мелочи наводят на них, особенно такие, как развлечения или подарки, что-то веселое и естественное. Я помню, как увидел однажды женщину, сбитую автомобилем. Она только что купила что-то из обуви. Я видел ее лежащей и разорванную коробку, из которой торчали маленькие нелепые туфли на высоком каблуке. Все перевернулось во мне – они выглядели так душераздирающе.

Меган произнесла с неожиданной теплотой:

– Правда, ужасная правда. То же самое случилось, когда Бетти... умерла. Мама купила ей чулки в подарок... купила в тот самый день, когда это случилось. Бедная мама, она была совсем разбита. Я видела, как она рыдала над ними. Она причитала: «Я купила их для Бетти... Я купила их для Бетти... а она их так и не увидела».

Голос девушки дрогнул. Она подалась вперед к Франклину Кларку. Между ними внезапно возникло чувство взаимного понимания, основанное на общем.

– Я знаю, – сказал он, – я точно знаю. Это те самые вещи, о которых невыносимо вспоминать.

Дональд Фрэзер заерзал.

Тора Грей перевела разговор на другую тему.

– А мы собираемся составить план на будущее? – спросила она.

– Конечно, – сказал Франклин Кларк уже в своей обычной деловой манере. – Я полагаю, что когда наступит момент, то есть когда придет четвертое письмо, мы должны соединить усилия. А до этого, наверное, каждый из нас может попытаться удачу поодиночке. Я не знаю, есть ли, по

мнению мсье Пуаро, какие-нибудь отправные точки для нового расследования?

– Я мог бы кое-что предложить, – сказал Пуаро.

– Хорошо. Я это запишу. – Кларк вытащил записную книжку. – Говорите, мсье Пуаро. Итак?

– Я считаю вполне возможным, что официантка Милли Хигли может знать что-то полезное.

«А. – Милли Хигли», – записал Франклин Кларк.

– Я предлагаю два подхода. Вы, мисс Барнард, можете попробовать, как я его называю, наступательный подход.

– Полагаю, вы считаете, что это соответствует моему стилю? – сухо произнесла Меган.

– Затейте ссору с девушкой. Скажите, что вам известно, что она никогда не любила вашу сестру и что ваша сестра все вам о *ней* рассказала. Если я не ошибаюсь, это спровоцирует поток встречных обвинений. Она скажет вам все, что думала о вашей сестре! Может всплыть полезный факт.

– А второй метод?

– Могу я попросить вас, мистер Фрэзер, проявить интерес к этой девушке?

– Это так обязательно?

– Нет, это необязательно. Это просто возможный путь поиска.

– Можно, я попытаюсь? – спросил Франклин Кларк. – У меня... э-э... большой опыт, мсье Пуаро. Разрешите подумать, что я могу предпринять по поводу молодой дамы.

– У вас есть своя роль, которой нужно придерживаться, – достаточно резко вставила Тора Грей.

Лицо Франклина слегка потускнело.

– Да, – сказал он, – у меня есть.

– Я не думаю, что вы во многом преуспеете там в настоящее время, – сказал Пуаро. – Мадемуазель Грей сейчас намного больше соответствует...

Тора Грей перебила его:

– Видите ли, мсье Пуаро, я уехала из Девоншира навсегда.

– Простите? Я не понял.

– Мисс Грей любезно согласилась помочь мне уладить дела, – сказал Франклин, – но вообще она предпочитает иметь работу в Лондоне.

Пуаро перевел острый взгляд с одного на другого.

– Как дела у леди Кларк? – спросил он.

Я засмотрелся на побледневшую Тору Грей и чуть не пропустил ответ Кларка.

– Весьма плохо. Между прочим, мсье Пуаро, мне хотелось бы знать, собираетесь ли вы съездить в Девоншир и нанести ей визит? Она выразила желание повидаться с вами, когда я еще был там. Разумеется, она зачастую по два дня подряд не в состоянии принимать гостей, но если бы вы попытались... за мой счет, разумеется.

– Конечно, мистер Кларк. Скажем, послезавтра?

– Хорошо. Я извещу сиделку, и она организует прием необходимых наркотических средств.

– Что касается вас, дитя мое, – сказал Пуаро, поворачиваясь к Мэри, – я думаю, вы могли бы выполнить полезную работу в Андовере. Порасспрашивайте детей.

– Детей?

– Да. Дети неохотно болтают с приезжими, а вас хорошо знают на той улице, где жила ваша тетя. Там вокруг полно играющих детей. Они могли заметить тех, кто выходил из лавки вашей тетушки.

– А как насчет мисс Грей и меня? – спросил Кларк. – Если мне не надо ехать в Бексхилл...

– Мсье Пуаро, – спросила Тора Грей, – что за штемпель был на третьем письме?

– Путни, мадемуазель.

Она задумчиво произнесла:

– «S.W. 15, Путни» – так, не правда ли?

– Газеты, как ни странно, напечатали правильно.

– Похоже, это указывает на то, что ABC – лондонец.

– С этой точки зрения – да.

– Необходимо выследить его, – сказал Кларк. – Мсье Пуаро, как повашему, если я помещу объявление... примерно такого содержания: *ABC. Срочно. Э.П. у вас на хвосте. Сотню за мое молчание. XYZ.* Не так грубо, конечно, но вы понимаете мою идею. Так можно выследить его.

– Возможность есть... да.

– Можно навести его на попытку стрелять в меня.

– Мне кажется, это очень опасно и глупо, – резко произнесла Тора Грей.

– Как вы думаете, мсье Пуаро?

– Попытка вреда не принесет. Но я думаю, что ABC схитрит. – Пуаро слегка улыбнулся. – Мне кажется, мистер Кларк, что вы, если так можно выразиться, – все еще ребенок в душе.

Франклин Кларк немного сконфузился.

– Ладно, – сказал он, заглядывая в записную книжку, – мы начинаем.

«А. – Мисс Барнард и Милли Хигли.

В. – Мистер Фрэзер и мисс Хигли.

С. – Дети в Андовере.

Д. – Объявление».

Я не думаю, что от этого будет много пользы, но это хоть что-то, что уже можно сделать, пока мы в ожидании.

Он поднялся, и через несколько минут собравшиеся разошлись.

Глава 19

Проездом через Швецию

Пуаро вернулся на свое место, мурлыча под нос какой-то мотивчик.

– Жаль, что она столь умна, – проворчал он.

– Кто?

– Меган Барнард. Мадемуазель Меган. «Слова» – она мгновенно уловила, что все, о чем я говорю, ничего не значит.

– Так вы не вкладывали смысл в свои слова?

– Все, что я сказал, можно было бы сконцентрировать в одном коротком предложении. А я повторялся, но никто, кроме мадемуазель Меган, не отдавал себе в этом отчета.

– Но зачем?

– Чтобы сдвинуть все с места! Чтобы наполнить каждого пониманием предстоящей работы! Чтобы начать, назовем это так, беседы!

– Вы думаете, что какое-то из этих направлений к чему-нибудь приведет?

– О, это возможно. – Он усмехнулся. – В разгар трагедии мы начинаем комедию. Не так ли?

– Что вы имеете в виду?

– Человеческую драму, Гастингс! Поразмышляйте немного. Три группы человеческих душ, объединенные общей трагедией. Сразу же начинается вторая драма – совершенно независимо от первой. Вы помните мое первое дело в Англии? О, уже столько лет прошло с тех пор. Я соединил двух людей, которые любили друг друга, простым путем, арестовав одного из них за убийство! На меньшее нечего было рассчитывать! Находясь рядом со смертью, мы все же живем, Гастингс... Убийство, как я однажды заметил, – это замечательная сводня.

– В самом деле, Пуаро, – гневно воскликнул я, – я уверен, что никто из этих людей не думает ни о чем, кроме...

– О, мой милый друг! А как же быть с вами?

– Со мной?

– Ну конечно, как только они ушли, не напевали ли вы мелодию, возвращаясь в комнату?

– Вообще-то напевают, когда что-то есть на душе.

– Разумеется, но эта мелодия рассказала мне о ваших мыслях.

– Неужели?

– Да. Напевать мелодию – это чрезвычайно опасно. Это выдает подсознательные мысли. Мелодия, которую вы напевали, относится, полагаю, к военным временам. Так. – Пуаро пропел отвратительным фальцетом:

Порой мне нравится брюнетка,
Порой – блондинка,
Та, что приехала из Идена
Проездом через Швецию...

Что может быть более откровенным? Но я думаю, что блондинка затмит брюнетку!

– В самом деле, Пуаро! – воскликнул я, слегка покраснев.

– Это вполне естественно. Вы заметили, как Франклин Кларк внезапно нашел взаимопонимание у мадемуазель Меган? И заметили ли вы также, как мадемуазель Тора Грей реагировала на это? А мистер Дональд Фрэзер, он...

– Пуаро, – сказал я, – ваш ум неисправимо сентиментален.

– Это относится к моему уму в последнюю очередь. Это вы сентиментальны, Гастингс.

Я собрался было горячо поспорить, но в этот момент открылась дверь.

К моему изумлению, это была Тора Грей.

– Извините меня за возвращение, – спокойно сказала она, – но, мне кажется, у меня есть что вам сказать, мсье Пуаро.

– Конечно, мадемуазель. Присаживайтесь, будьте добры.

Она села и на минуту заколебалась, будто подбирая слова.

– Дело вот в чем, мсье Пуаро. Мистер Кларк только что очень определенно дал вам понять, что я уехала из Комбесайда по собственному желанию. Он очень внимательный и лояльный человек. Но, собственно говоря, это не совсем так. Я уже свыклась с мыслью, что остаюсь. Это леди Кларк пожелала, чтобы я уехала! Она очень больная женщина, и ее мозг замутнен наркотическими средствами, которые ей дают. Она беспричинно невзлюбила меня и настояла на том, что я должна покинуть дом.

Мне оставалось только удивляться ее выдержке. Она не старалась представить факты в худшем виде, как многие наверняка попытались бы сделать, а с удивительной прямоотой перешла к делу. Я восхищался ею, мои симпатии были на ее стороне.

– Хорошо, что вы сообщили об этом, – сказал я.

– Всегда лучше иметь дело с правдой, – сказала она, слегка улыбнувшись. – Я не хочу прятаться за мистера Кларка. Хотя он очень благородный мужчина.

В ее словах сквозила теплота. Было очевидно, что она восхищена Франклином Кларком.

– Вы поступили честно, мадемуазель, – сказал Пуаро.

– Это был для меня удар, – призналась Тора Грей, – я не подозревала, что леди Кларк так меня не любит. – Она поднялась. – Это все, что я хотела рассказать. До свидания.

Я проводил ее вниз.

– Скажу, что она поступила по-спортивному, – сказал я, вернувшись в комнату, – у нее достаточно смелости.

– И расчета.

– Что вы подразумеваете?

– Я хочу сказать, что она может заглядывать вперед.

Я с сомнением посмотрел на Пуаро.

– Она просто прелесть, – сказал я.

– И носит прелестную одежду. Это платье из крепа и воротник из серебристой лисы – последний крик моды!

– Вы прямо как модистка, Пуаро. Я никогда не замечая, что надето на людях.

– Вам тогда следует примкнуть к колонии нудистов. – Только я собирался возмутиться в ответ, как Пуаро внезапно переменял тему: – Вы знаете, Гастингс, я не могу отделаться от мысли, что в наших разговорах днем уже было сказано что-то значительное. Но я не могу понять что. У меня было такое впечатление, что... что-то *напоминает мне о том, что я уже слышал, или видел, или отмечал...*

– Что-то в Черстоне?

– Нет, не в Черстоне... До того... ладно, вскоре это придет ко мне... – Пуаро взглянул на меня, рассмеялся и снова стал напевать: – Она ангел, не так ли? Из Идена, проездом через Швецию...

– Пуаро, – сказал я, – идите к черту!

Глава 20

Леди Кларк

Когда мы вновь увидели Комбесайд, он был погружен в состояние глубокой и устойчивой меланхолии. Возможно, частично из-за погоды – стоял сырой сентябрьский день, в воздухе уже улавливались признаки осени – и отчасти, безусловно, из-за полуопустевшего дома. Комнаты на нижнем этаже были заперты, ставни закрыты. В маленькой комнате, куда нас провели, пахло сыростью и затхлостью.

Сноровистая больничная сиделка пришла к нам туда, подтягивая накрахмаленные манжеты.

– Мсье Пуаро? – живо спросила она. – Я – сестра Кэпстик. Я получила письмо от мистера Кларка с уведомлением о вашем приезде.

Пуаро осведомился о состоянии здоровья леди Кларк.

– Вообще, не столь плохо, как предполагалось. Нельзя надеяться на сильное улучшение, разумеется, но некоторые новые методы лечения немного помогли ей. Доктор Логан вполне доволен ее состоянием.

– Но ведь это правда, что ей не поправиться, не так ли?

– О, мы никогда так не говорим, – ответила сестра Кэпстик, слегка шокированная такой прямоотой.

– Полагаю, смерть мужа явилась для нее сильным потрясением?

– Видите ли, мсье Пуаро, для нее потрясение было не столь сильным, каким могло бы оказаться для человека, находящегося в полном здравии и рассудке. Леди Кларк сейчас воспринимает все туманно.

– Извините за такой вопрос: не были ли они с мужем сильно привязаны друг к другу?

– О да, они были счастливой парой. Он очень беспокоился за нее, бедняга. Это всегда трудно для доктора, знаете, поддерживать ложными надеждами. Боюсь, это мучило его поначалу.

– Поначалу? А потом в меньшей степени?

– Привыкаешь ко всему, не так ли? И потом, у сэра Кармайкла была его коллекция. Хобби – это большое утешение для мужчин. Иногда он отправлялся на распродажу, после чего они с мисс Грей занимались пересоставлением каталога и переустройством музея.

– О да, мисс Грей. Она уехала?

– Да. Мне жаль, что так вышло, но женщины склонны к разным

фантазиям, когда они больны. И бесполезно спорить с ними. Лучше смириться. Мисс Грей это очень задело.

– Всегда ли леди Кларк чувствовала неприязнь к ней?

– Нет, пожалуй, она не чувствовала неприязни. Собственно, я думаю, что она ей поначалу даже нравилась. Но не стоит сплетничать. Моя пациентка еще поинтересуется, о чем я говорила с вами.

Она провела нас в комнату на втором этаже. Леди Кларк сидела в большом кресле у окна. Она была болезненно худощава, а лицо было серым, изможденным, как у тех, кто мучается сильными болями. Взгляд ее был слегка отвлеченным, мечтающим, а зрачки были размером с булавочную головку.

– Это мсье Пуаро, которого вы желали видеть, – произнесла сестра Кэпстик бодрым голосом.

– О да, мсье Пуаро, – отрешенно повторила леди Кларк.

Она протянула руку.

– Мой друг капитан Гастингс, леди Кларк.

– Здравствуйте. Так мило, что вы оба тут.

Мы сели, повинаясь ее неясному жесту. Наступила тишина. Казалось, леди Кларк впала в дремоту.

Наконец с небольшим усилием она поднялась.

– Это по поводу Кара, не так ли? По поводу смерти Кара. Да-да. – Она вздохнула, но все еще отрешенно покачивала головой. – Мы никогда не думали, что так обернется... Я была уверена, что уйду первой... – Она на одну-две минуты задумалась. – Кар был очень крепок, удивительно для своих лет. Он никогда не болел. Ему было почти шестьдесят, но выглядел скорее на пятьдесят... Да, очень крепок...

Она снова впала в дремотное состояние. Пуаро, будучи знаком с действием определенных лекарств и тем, как они создают впечатление бесконечности времени, ничего не говорил.

Внезапно леди Кларк произнесла:

– Да, это хорошо с вашей стороны, что вы приехали. Я просила Франклина. Он сказал, что не забудет вам сообщить. Я надеюсь, что Франклин не собирается сглупить... Он так доверчив, несмотря на то что довольно повидал мир. Мужчины таковы... Они остаются детьми... Франклин, в частности...

– У него импульсивный характер, – заметил Пуаро.

– Да-да... и очень рыцарский. Мужчины помешаны на этом. Даже Кар...

Ее голос сорвался.

Леди Кларк лихорадочно покачала головой:

– Все так туманно... От тела одни неприятности, мсье Пуаро. Я озабочена только тем, утихнет боль или нет, – ничто больше не имеет значения.

– Я знаю, леди Кларк. Это одна из трагедий жизни.

– Я от этого так глупа. Я даже не могу вспомнить, что хотела сказать вам.

– Что-то связанное со смертью вашего мужа?

– Со смертью Кара? Да, возможно... Сумасшедшее, несчастное создание – я имею в виду убийцу. В наши дни сплошного шума и суматохи люди не выдерживают. Мне всегда было жаль сумасшедших – их головы, должно быть, так одурманены. И потом, когда их припрут, – это, должно быть, так ужасно. Но что еще остается делать? Раз они убивают людей. – Она от боли тихонько покачала головой. – Вы еще не поймали его? – спросила она.

– Нет, еще нет.

– Он, должно быть, в тот день слонялся здесь.

– Вокруг было столько прохожих, леди Кларк. Сейчас пора отпусков.

– Да... Я забыла... Но они держатся у пляжей, они не поднимаются к дому.

– Прохожие в тот день к дому не подходили.

– Кто так говорит? – неожиданно резко спросила леди Кларк.

Пуаро слегка опешил.

– Ваши слуги, – ответил он, – мисс Грей.

Леди Кларк произнесла очень отчетливо:

– Эта девушка – лгунья!

Я приподнялся со стула. Пуаро бросил на меня быстрый взгляд.

Леди Кларк продолжала, ее речь теперь звучала лихорадочно:

– Я не люблю ее. Она мне никогда не нравилась. Кар перевозносил ее. Постоянно говорил, что она одинокая сирота. Ну и что, что сирота? Говорил, что она храбра и такой хороший работник.

– Прошу, не распаляйте себя, дорогая, – вмешалась сестра Кэпстик, – вы не должны утомляться.

– Я сразу же отправила ее! Франклин имел наглость предположить, что она мне подойдет. Действительно, подошла! «Чем скорее от нее не останется следа, тем лучше», – вот что я сказала! Франклин – дурак! Я не желала, чтобы он связывался с ней. Он – мальчишка! Бестолковый! «Я выдам ей жалованье за три месяца, если ты хочешь, – сказала я. – Но она уйдет. Я не желаю, чтобы она оставалась в доме и дня!» Только болезнь

способна удержать мужчин от возражений. Он сделал так, как я сказала, и она ушла. Ушла как мученица, полагаю – с еще большей сердечностью и храбростью!

– Ну, не распаляйтесь, дорогая. Вам нельзя.

Леди Кларк отмахнулась от сестры Кэпстик.

– Вы были одурачены ею так же, как и все остальные.

– О! Леди Кларк, нельзя так говорить. Я полагала, что мисс Грей – замечательная девушка, такая романтическая на вид, словно героиня романа.

– Вы все выводите меня из себя, – немощно произнесла леди Кларк.

– Ну она же ушла. Ушла прочь.

Леди Кларк беспомощно покачала головой, но не ответила.

Пуаро спросил:

– Почему вы сказали, что мисс Грей – лгунья?

– Потому что так оно и есть. Она сказала вам, что к дому не подходили незнакомые люди, не так ли?

– Да.

– Очень хорошо. Я видела своими собственными глазами, из этого окна, как у переднего крыльца дома она разговаривала с совершенно незнакомым мужчиной.

– Как выглядел этот человек?

– Обыкновенный человек. Ничего особенного.

– Джентльмен или ремесленник?

– Не ремесленник. Убогого вида человек. Не могу вспомнить. – Внезапно по ее лицу пробежала гримаса боли. – Прошу вас... теперь... уйти... я немного устала... сестра...

Мы поняли и удалились.

– Странная история, – сказал я Пуаро, когда мы ехали обратно в Лондон, – про мисс Грей и незнакомца.

– Видите, Гастингс? Я вам говорил: *всегда что-то можно узнать*.

– Почему девушка солгала, сказав, что никого не видела?

– Думаю, на то есть семь разных причин, – одна из них наипростейшая.

– Нагоняй? – предположил я.

– Возможно, это и повод для вашей сообразительности, но нам нет смысла волноваться на этот счет. Проще всего узнать ответ, спросив ее саму.

– Предположим, она нам опять солжет.

– Вот это уже будет на самом деле интересно... и заставит думать.

– Это ужасно – предположить, что девушка может оказаться связанной с сумасшедшим.

– Верно... я не думаю, что это так.

Я размышлял еще несколько минут.

– Симпатичная девушка переживает тяжелые времена из-за всего этого, – наконец выговорил я со вздохом.

– Отнюдь нет. Выбросьте из головы эту мысль.

– Но это так, – настаивал я, – все против нее только из-за того, что она симпатичная.

– Вы говорите глупости, друг мой. Кто против нее в Комбесайде? Сэр Кармайл? Франклин? Сестра Кэпстик?

– Леди Кларк определенно настроена против нее.

– Друг мой, вы полны чувством сострадания к прекрасным молодым девушкам. А я чувствую сострадание к пожилым леди. Возможно, что леди Кларк имела ясный взгляд на вещи и людей, а ее муж, мистер Франклин Кларк и сестра Кэпстик были слепы, как летучие мыши... и капитан Гастингс тоже...

– У вас зуб на эту девушку, Пуаро.

К моему удивлению, он внезапно заморгал.

– Может, мне нравится ссаживать вас с вашего романтического конька, Гастингс. Вы всегда верный рыцарь – готовы прийти на помощь – дамам, разумеется.

– Как вы нелепы, Пуаро, – ответил я, не в силах удержаться от смеха.

– Ну хорошо, нельзя же быть трагиком все время. Мне все интересней и интересней наблюдать за развитием личностей в связи с трагедией. Мы имеем три семейные драмы. Первая в Андовере: трагическая жизнь миссис Ашер, ее борьба, ее поддержка мужа-немца, преданность племянницы. Одно это может составить целый роман. Потом в Бексхилле: счастливые, преуспевающие отец с матерью, две дочери, сильно отличающиеся друг от друга, – маленький пупсик и сильная, упорная Меган с ясным интеллектом и бесстрастным желанием правды. И еще один персонаж: уравновешенный, собранный молодой шотландец, но со своей страстной ревностью и поклонением умершей. Наконец, дом в Черстоне: умирающая жена, муж, поглощенный своей коллекцией, но с растущей симпатией и нежностью к красивой девушке, которая сочувствует и помогает ему; далее, младший брат – энергичный, привлекательный, интересный, очаровательно романтический после дальних странствий.

Поймите, Гастингс, при обычном ходе событий *эти три отдельные драмы никогда бы не соприкоснулись*. Перипетии жизни, Гастингс, – тут я

никогда не перестану удивляться.

– Вот и Паддингтон, – только и произнес я.

Как только мы добрались до Уайтхэйвн-Мэншенс, нам сообщили, что какой-то джентльмен ожидает Пуаро.

Я думал увидеть Франклина Кларка или, возможно, Джеппа, но, к моему удивлению, это оказался не кто иной, как Дональд Фрэзер. Он выглядел смущенным, и его косноязычие было заметно еще сильнее, чем обычно.

Пуаро не стал допытываться о цели его визита, а вместо этого предложил сандвичи и бокал вина. До появления сандвичей Пуаро монополизировал ход разговора, объясняя, где мы были и о чем говорили с больной женщиной. Мы еще не доели сандвичи и не пригубили вина, а он уже придал разговору личностный характер.

– Вы приехали из Бексхилла, мистер Фрэзер?

– Да.

– Есть ли успехи с Милли Хигли?

– Милли Хигли? Милли Хигли? – Фрэзер с удивлением повторил это имя несколько раз. – А, та девушка! Нет, я ничего там еще не предпринимал. Это...

Он остановился, заламывая руки.

– Я не знаю, зачем пришел к вам! – взорвался он.

– Я знаю, – сказал Пуаро.

– Вы не знаете. Откуда вам знать?

– Вы пришли ко мне потому, что вы кому-нибудь что-то должны сообщить. Вы оказались правы. Я тот самый человек. Говорите!

Уверенность Пуаро принесла результат. Фрэзер взглянул на него с чувством признательного послушания.

– Вы так думаете?

– Черт возьми! Я уверен в этом.

– Мсье Пуаро, вы знаете что-нибудь о снах?

Я был готов услышать от него что угодно, но только не это.

Пуаро, однако, не был озадачен.

– Знаю, – ответил он, – вам что-то приснилось?..

– Да. Я полагаю, вы скажете – это вполне естественно, что мне должно сниться... это. Но это не обычный сон.

– Нет?

– Мне снилось это три ночи подряд, сэр... Мне кажется, я схожу с ума...

– Расскажите мне...

Лицо Фрэзера стало мертвенно-бледным. Глаза его вылезли из орбит. Между прочим, он действительно выглядел сумасшедшим.

– Все время одно и то же. Я на пляже. Ищу Бетти. Она потерялась – просто потерялась, понимаете. Мне надо ее найти. Мне надо отдать ей ее пояс. Он у меня в руке. И потом...

– Да?

– Сон меняется... Я больше не ищу. Она там, передо мной, – сидит на пляже. Она не видит, как я приближаюсь... это – о, я не могу...

– Продолжайте. – Голос Пуаро звучал авторитетно, твердо.

– Я подхожу сзади нее... она не слышит меня... Я обвиваю поясом ее шею и затягиваю, о, затягиваю...

Агония в его голосе была страшной... Я стиснул ручки своего кресла... Так реально представлялись вещи.

– Она задыхается... она мертва. Я задушил ее – и вот ее голова откидывается назад, и я вижу ее лицо... и это *Меган*, не Бетти!

Он откинулся назад, весь бледный и дрожащий. Пуаро налил еще стакан вина и подал ему.

– Что означает этот сон, мсье Пуаро? Почему он приходит ко мне? Каждую ночь?..

– Выпейте вина, – приказал Пуаро.

Молодой человек выпил и спросил более спокойным голосом:

– Что это означает? Я... я не убивал ее, не так ли?

Что ответил Пуаро, я не знаю, потому что в эту минуту я услышал, как почтальон постучал в дверь, и автоматически вышел из комнаты.

То, что я вынул из почтового ящика, заставило меня забыть необычное откровение Дональда Фрэзера.

Я поспешил обратно в гостиную.

– Пуаро, – воскликнул я, – оно пришло! Четвертое письмо!

Он вскочил, выхватил его у меня из рук, достал свой нож для разрезания бумаг и вскрыл его. Он разложил письмо на столе.

Мы трое прочли его вместе.

«Опять безуспешно? Фи! Фи! Чем же вы и полиция заняты? Забавно, а? И куда мы отправимся за медом дальше?

Бедный мистер Пуаро. Мне вас так жаль.

Раз вам поначалу не удалось, пытайтесь, пытайтесь, пытайтесь снова.

Нам предстоит дальний путь.

Типперэри?^[16] Нет – это будет позже. На букву Т.

Следующий небольшой инцидент произойдет в Донкастере
11 сентября.

Пока.

ABC».

Глава 21

Описание убийцы

Пожалуй, в тот момент с картины снова стал исчезать элемент, называемый Пуаро человеческим фактором. Было такое впечатление, что для нас настал период нормальных человеческих интересов, так как мозг уже был не в состоянии выдерживать этот ненадуманный ужас. Каждый из нас чувствовал невозможность каких-либо действий до прихода четвертого письма, которое должно было открыть для нас сцену убийства. На смену атмосфере ожидания пришло ослабление напряжения.

Но теперь эти печатные буквы, насмехающиеся с белой твердой бумаги, заставляли возобновить охоту.

Инспектор Кроум прибыл из Ярда; зашли Франклин Кларк и Меган Барнард.

Девушка объяснила, что приехала из Бексхилла.

– Мне хотелось кое о чем спросить мистера Кларка.

Она очень старалась извиниться и объяснить свой поступок.

Я просто отметил этот факт, не придавая ему большого значения.

Больше всего остального меня волновало письмо.

Кроум, как мне кажется, тоже не был рад видеть этих участников драмы. Он стал чрезвычайно официален и необщителен.

– Я заберу письмо с собой, мсье Пуаро. Если хотите, можете оставить копию...

– Нет, нет, в этом нет необходимости.

– Каковы ваши планы, инспектор? – спросил Кларк.

– Весьма сложные, мистер Кларк.

– На этот раз нам надо настичь его, – сказал Кларк. – Могу сказать вам, что мы с этой целью образовали собственную ассоциацию. Легион заинтересованных сторон.

Инспектор Кроум выразился в своем духе:

– Неужели?

– Я так понял, что вы не высокого мнения о любителях.

– Вряд ли вы располагаете такими же средствами, не так ли, мистер Кларк?

– Мы заинтересованы лично, а это уже кое-что.

– Неужели?

– Мне представляется, ваша задача не из легких, инспектор. Действительно, похоже, что АВС провел вас снова.

Я заметил, что Кроум, когда другие методы не срабатывают, начинает говорить раздраженно.

– Я не считаю, что есть достаточно оснований критиковать нас, – сказал он. – До 11-го у нас достаточно времени для кампании по огласке в прессе. Донкастер будет весь предупрежден. Каждая душа, чье имя начинается с D, встанет на свою защиту. Мы стянем в город значительные силы полиции. Это организовано с общего согласия всех главных констеблей Англии. Весь Донкастер, полиция и жители, выйдут ловить одного человека, и мы должны взять его!

Кларк спокойно произнес:

– Сразу видно, что вы далеки от спорта, инспектор.

Кроум уставился на него:

– Что вы имеете в виду, мистер Кларк?

– Ну и ну! Неужели вы не знаете, что *в следующую среду в Донкастере пройдет «Сент-Леджер»*?^[17]

У инспектора отвисла челюсть. Впервые в жизни он не смог произнести свое «неужели?». Вместо этого он сказал:

– Действительно! Это усложняет дело...

– АВС не дурак, даже если сумасшедший.

Минуту-две мы молчали, представляли сложившуюся ситуацию. Толпа на ипподроме – страстная английская публика, обожающая спорт...

Пуаро произнес:

– Это остроумно. Так или иначе – это неплохо придумано.

– Я уверен, – сказал Кларк, – что убийство произойдет на ипподроме, возможно, прямо во время леджеровских скачек.

На мгновение его спортивный инстинкт возобладал, и он погрузился в приятные мысли...

Инспектор Кроум поднялся, забирая письмо с собой.

– «Сент-Леджер» – это затруднение, – признал он, – это досадно.

Он вышел. Мы услышали голоса в прихожей. Через минуту вошла Тора Грей.

Она сказала озабоченно:

– Инспектор сказал мне, что есть еще письмо. Где на этот раз?

На улице шел дождь. На мисс Грей было черное пальто, юбка и меха. На ее золотистой голове сбоку сидела маленькая черная шляпка.

Она обращалась именно к Франклину Кларку и, подойдя прямо к нему, положила свою руку на его. Она ожидала ответа.

– Донкастер – в день «Сент-Леджера».

Мы расселись для обсуждения.

Меня охватило чувство уныния. Что может небольшая группка из шести человек? Там будет бесчисленное множество полицейских, зорких и бдительных, следящих за всеми уголками. Что могут сделать еще шесть пар глаз?

Словно в ответ на мои мысли, раздался голос Пуаро. Он говорил как учитель или священник:

– Дети мои, мы не должны разбрасывать силы. Мы должны подойти к этому делу с ясностью и стройностью в мыслях. Мы должны заглянуть внутрь, а не вовне, ради поиска правды. Мы должны сказать себе – каждый из нас: «Что я знаю об убийце?» И таким образом мы должны составить портрет человека, которого мы собираемся искать.

– Мы ничего о нем не знаем, – беспомощно вздохнула Тора Грей.

– Нет, нет, мадемуазель. Это неправда. Каждый из нас что-то о нем знает – *если бы только мы знали, что именно. Я убежден, что знание есть, если только мы сможем добыть его.*

Кларк покачал головой:

– Нам ничего не известно: пожилой он или молодой, блондин или брюнет. Никто из нас никогда его не видел и не разговаривал с ним. Мы уже все перебрали, что знаем.

– Не все! Например, мисс Грей сказала нам, что она не видела и не разговаривала ни с какими незнакомцами в тот день, когда был убит сэр Кармайкл Кларк.

Тора Грей кивнула:

– Совершенно верно.

– Разве так? *Леди Кларк сказала нам, мадемуазель, что из своего окна она видела, как вы стояли у переднего крыльца и разговаривали с мужчиной.*

– Она видела меня разговаривающей с незнакомцем? – Девушка выглядела искренне удивленной. Конечно, этот чистый, ясный взгляд мог быть только неподдельным. Она покачала головой. – Леди Кларк, должно быть, ошиблась. Я никогда... О! – Воскликание неожиданно вырвалось у нее. Краска прилила к ее щекам. – Я вспомнила! Как глупо! Я все забыла. Но это было не важно. Просто один из тех людей, которые ходят и продают чулки, – вы знаете – бывшие военные. Они очень назойливы. Мне надо было избавиться от него. Я как раз шла через холл, когда он подошел. Он заговорил со мной вместо того, чтобы позвонить. Но он выглядел совершенно безобидно. Я и забыла про него.

Пуаро сновал туда-сюда, охватив голову руками. Он бормотал себе под нос с такой неистовостью, что никто не мог проронить ни слова.

– Чулки, – повторял он, – чулки... чулки... чулки... это подходит... чулки... чулки... это мотив – да... три месяца назад... и в тот день... и теперь. Боже мой, я понял!

Он сел и пронзил меня властным взглядом.

– Вы помните, Гастингс? Андовер. Магазин. Мы идем наверх. Спальня. На стуле. *Пара новых шелковых чулок*. Теперь я знаю, что привлекло мое внимание два дня назад. Это были вы, мадемуазель... – Он повернулся к Меган. – Вы говорили о своей матери, которая плакала *из-за того, что купила вашей сестре новые чулки как раз в день убийства*... – Он обвел нас взглядом. – Вы понимаете? Это тот же мотив, повторенный три раза. Это не может быть совпадением. Когда мадемуазель говорила, у меня было ощущение, что то, о чем она говорит, с чем-то связано. Теперь я знаю с чем. Слова, сказанные соседкой миссис Ашер – миссис Фаулер. О людях, которые все время пытались что-то *продать*, – и она упоминала чулки. Скажите мне, мадемуазель, правда это или нет, что ваша мать купила те чулки не в магазине, а у кого-то, кто подошел к двери?

– Да... да... так... Я вспомнила. Она что-то говорила об этих несчастных, которые слоняются и пытаются получить работу.

– Но какова связь? – воскликнул Франклин. – То, что человек ходит и продает чулки, ничего не доказывает!

– Говорю вам, мой друг, это *не может* быть совпадением. Три преступления – и всякий раз человек продает чулки и обследует место.

Пуаро повернулся к Торе:

– Вам слово! Опишите этого человека.

Она беспомощно посмотрела на него:

– Я не могу... Я не знаю как. Я вряд ли и смотрела на него. Он не из тех людей, кого замечают...

Пуаро могильным голосом произнес:

– Вы совершенно правы, мадемуазель. Весь секрет заключается в вашем описании убийцы, – а он, без сомнения, убийца! *Он не из тех людей, кого замечают*. Да – в этом нет сомнения... Вы описали убийцу!

Глава 22

(написана не от лица капитана Гастингса)

Мистер Александр Бонапарт Каст сидел неподвижно. Его завтрак лежал холодный и нетронутый. Газета была прислонена к заварному чайнику, и это была та самая газета, которую мистер Каст только что читал с жадным интересом.

Неожиданно он встал, прошелся взад-вперед и снова погрузился в кресло у окна, со сдавленным стоном охватив голову руками.

Он не услышал звука открывающейся двери. Его домовладелица, миссис Марбери, остановилась в дверном проеме.

– Я думала, мистер Каст, не захотите ли вы хорошего... как, что это? Вам плохо?

Мистер Каст оторвал руки от головы.

– Ничего. Ничего особенного, миссис Марбери. Я... неважно чувствую себя с утра.

Миссис Марбери осмотрела поднос с завтраком.

– Уж вижу. Вы не притронулись к завтраку. Опять голова вас беспокоит?

– Нет. То есть да... Я... я... мне немного нездоровится.

– Да, вы уж извините. Вы не собираетесь выходить сегодня?

Мистер Каст резко подскочил:

– Нет, нет. Я должен идти. Есть дело. Важное. Очень важное.

Его руки тряслись. Видя его возбуждение, миссис Марбери попыталась успокоить его.

– Ну, раз надо – так надо. Далеко едете на этот раз?

– Нет. Я еду в... – Он на минуту-другую заколебался. – В Челтенхэм.

Было что-то странное в неуверенном тоне, которым он произнес это слово, и миссис Марбери посмотрела на него с удивлением.

– Челтенхэм – милое местечко, – сказала она, чтобы поддержать разговор. – Я заезжала туда однажды из Бристоля. Там замечательные магазины.

– Полагаю, что так.

Миссис Марбери наклонилась, подняла с пола скомканную газету и быстро выпрямилась, поскольку сутулость не шла ее фигуре.

– В газетах теперь одни только дела, связанные с убийством, – сказала

она. – А завтра! Просто мурашки по коже, а? Если бы я жила в Донкастере и мое имя начиналось бы с D, я уехала бы первым же поездом, вот что. Я бы не рискнула. Что вы скажете, мистер Каст?

– Ничего, миссис Марбери, ничего.

– Эти скачки и все прочее. Без сомнения, он думает, что ему там повезет. Сотни полицейских, говорят, стягиваются и... Мистер Каст, вы так плохо выглядите. Не выпить ли вам что-нибудь? По правде, вам не стоит отправляться в путь сегодня.

Мистер Каст поднялся:

– Это необходимо, миссис Марбери. Я всегда был пунктуален в моих... обязательствах. Люди должны... должны быть уверены в вас! Когда мне поручено дело, я довожу его до конца. Это единственный способ преуспеть в... в бизнесе.

– Но если вы больны?

– Я не болен, миссис Марбери. Просто немного переволновался – всякие личные неурядицы. Я плохо спал. А вообще я в норме.

Его поведение было столь убедительным, что миссис Марбери собрала завтрак и неохотно покинула комнату.

Мистер Каст вытащил из-под кровати чемодан и начал его собирать. Пижама, туалетные принадлежности, чистый воротничок, кожаные тапочки. Затем, открыв шкаф, он переложил дюжину плоских картонных коробочек размером семь на десять дюймов с полки в чемодан.

Он заглянул в железнодорожный справочник, лежащий на столе, и вышел из комнаты, держа в руке чемодан.

Поставив его в холле, он надел шляпу и пальто. При этом он глубоко вздохнул, настолько глубоко, что девушка, выходящая из соседней комнаты, посмотрела на него озабоченно.

– Что-то случилось, мистер Каст?

– Ничего, мисс Лили.

– Вы так вздохнули!

Мистер Каст отрывисто произнес:

– У вас это вызывает предчувствия, мисс Лили?

– Я не знаю... Конечно, бывают дни, когда чувствуешь, что что-то не так, и такие дни, когда – что все идет как надо.

– Ясно, – сказал мистер Каст. Он снова вздохнул. – Ну, до свидания, мисс Лили. До свидания. Вы были всегда очень добры ко мне.

– Не говорите «до свидания» так, будто уходите насовсем, – засмеялась Лили.

– Нет, нет, конечно нет.

– До пятницы, – весело сказала девушка. – Куда вы едете на этот раз? Опять на побережье?

– Нет, нет... э-э... в Челтенхэм.

– О, там тоже хорошо. Но не так, как в Торки. Там, должно быть, здорово. Я хочу поехать туда на каникулы в следующем году. Между прочим, вы должны были находиться совсем рядом с тем местом, где случилось убийство – убийство по алфавиту. Оно произошло в то время, когда вы были там, не так ли?

– Э-э... да. Но Черстон в шести-семи милях оттуда.

– Все равно, это, наверное, было потрясающе! Ведь вы могли на улице пройти мимо убийцы! Могли быть совсем рядом с ним!

– Да, мог, конечно, – сказал мистер Каст с кривой улыбкой, на которую обратила внимание Лили Марбери.

– О, мистер Каст, вы *плохо* выглядите.

– Я в полном порядке, в полном порядке. До свидания, мисс Марбери.

Он неуклюже приподнял шляпу, подхватил чемодан и поспешно вышел в дверь.

– Забавный старик, – произнесла Лили Марбери, – но, по-моему, немного «того»...

Инспектор Кроум сказал своему подчиненному:

– Раздобудьте список всех фирм, выпускающих чулки, и размножьте его. Мне нужен список всех их агентов – вы поняли? – людей, которые торгуют по поручению и охотятся за заказами.

– Это связано с делом АВС, сэр?

– Да. Одна из идей мистера Эркюля Пуаро. – Тон инспектора был пренебрежителен. – Вероятно, ничего здесь и нет, но не следует упускать любую возможность, даже самую незначительную.

– Правильно, сэр. Мистер Пуаро в свое время сделал многое, но я думаю, что теперь он слегка впал в маразм, сэр.

– Он фигляр, – сказал инспектор Кроум, – все время воображает. Вводит в заблуждение некоторых. Но не *меня*. А теперь перейдем к мероприятиям в Донкастере...

Том Хартиган сказал Лили Марбери:

– Видел вашего отставного этим утром.

– Кого? Мистера Каста?

– Каста. У Юстона^[18]. Как всегда, был похож на потерявшуюся курицу. Я думаю, приятель полусумасшедший. За ним надо кому-то

присматривать. Сначала он выронил газету, а потом свой билет. Я подобрал – он и не подозревал, что потерял его. Он вдохновенно поблагодарил, но, думаю, не узнал меня.

– О, конечно, – сказала Лили, – он только видел, как ты проходил через холл, и то не часто.

Они протанцевали один круг.

– Ты здорово танцуешь, – сказал Том.

– Продолжим, – ответила Лили и, прогнувшись, оказалась еще ближе.

Они протанцевали еще круг.

– Ты сказал – Юстон или Паддингтон? – внезапно спросила Лили. – Где ты видел старину Каста, я имею в виду?

– Юстон.

– Ты уверен?

– Конечно, уверен. Ты что думаешь?

– Забавно. Я полагала, что в Челтенхэм едут с Паддингтона.

– Так и есть. Но старина Каст не собирался ехать в Челтенхэм. Он собирался в Донкастер.

– В Челтенхэм.

– В Донкастер. Я-то знаю, девочка моя! В конце концов, я подобрал его билет, не так ли?

– Но он же сказал мне, что едет в Челтенхэм. Я точно помню.

– Нет, ты ошибаешься. Он собирался в Донкастер, это точно. Некоторым везде везет. Я поставил на Светлячка в Леджере, и хотелось бы посмотреть на его бег.

– Не думаю, что мистер Каст отправится на скачки, он не похож на тех, кого они интересуют. О, Том, надеюсь, его не убьют. Ведь в Донкастере должно произойти убийство по алфавиту.

– С Кастом все будет в порядке. Его имя не начинается на D.

– Его могли убить в прошлый раз. Он был поблизости от Черстона в Торки, когда произошло убийство.

– Неужели? Какое совпадение, а?

Он рассмеялся.

– А раньше он не был в Бексхилле?

Лили сдвинула брови:

– Он уезжал... Да, я помню, его не было здесь... потому что он забыл свой купальный костюм, который чинила ему моя мать. И она сказала: «Мистер Каст отправился вчера без купального костюма», а я сказала: «О, какой там купальный костюм, когда произошло самое ужасное убийство. В Бексхилле задушена девушка».

– Но если ему понадобился купальный костюм, значит, он собирался на побережье. Слышишь, Лили, – он забавно скорчил лицо, – а что, если ваш отставник – сам убийца?

– Бедняга мистер Каст? Он и мухи не обидит, – засмеялась Лили.

Они продолжали танцевать: в их беззаботных умах не было ничего, кроме удовольствия от того, что они вместе.

Глава 23

11 сентября. Донкастер

Донкастер!

Мне кажется, что я буду помнить то 11 сентября всю свою жизнь.

В самом деле, всякий раз, когда упоминается «Сент-Леджер», мои мысли автоматически отправляются не к скачкам, а к убийству.

Когда я вспоминаю о своих ощущениях, чаще всего всплывает болезненное чувство неудовлетворенности. Вот мы там, на месте, – Пуаро, я сам, Кларк, Фрэзер, Меган Барнард, Тора Грей и Мэри Дроуэр. *Что каждый из нас мог?*

В нас теплилась слабая надежда узнать в толпе, среди тысяч людей, лицо или фигуру, которую нечетко видели при известных обстоятельствах два или три месяца назад.

Необычность была на самом деле еще большей. Из всех нас только Тора Грей могла бы определенно узнать того человека.

Из-за напряжения от ее безмятежности не осталось и следа. Ее спокойное, убедительное поведение куда-то исчезло. Она сидела, ломая руки, почти плача, бессвязно обращаясь к Пуаро:

– Да я ни разу не взглянула на него. Почему? Как же я сглупила. Вы от меня зависите, все вы... я и подведу вас. Потому что, даже если бы я увидела его снова, то не смогла бы узнать его. У меня плохая память на лица.

Пуаро ничего, кроме обходительности, не выказывал. Меня это поразило, но он не менее меня сочувствовал страдающей красоте. Даже нежно похлопал ее по плечу.

– Итак, крошка, без истерик. Нам сейчас не до этого. Если вам суждено увидеть этого человека, то вы его узнаете.

– Вы уверены? Но почему?

– О, полно всяких причин... скажем, потому, что красное сменяет черное.

– Что вы имеете в виду, Пуаро? – спросил я.

– Я говорю на языке игорного стола. При игре в рулетку долго может выпадать черное, но в конце концов должно появиться красное. Это закон вероятности.

– Вы подразумеваете, что придет удача?

– Совершенно верно, Гастингс. И именно здесь игроку (и убийце, ибо он, в конце концов, всего лишь высший представитель игрока, поскольку он рискует не деньгами, а жизнью) недостает часто здравого предчувствия. Из-за того, что он выиграл, ему кажется, что он будет продолжать выигрывать! Он не уйдет от стола с полным карманом в нужное время. Так и убийца, которому сопутствует удача, *не в состоянии постичь возможность неудачи!* Все заслуги в удачном проведении дел он относит на свой счет, но уверяю вас, друзья мои, как бы тщательно ни планировалось преступление, оно не достигнет успеха без везения!

– Не зашло ли это слишком далеко? – возразил Франклин Кларк.

Пуаро возбужденно всплеснул руками:

– Нет, нет. Шансы равны, если хотите, но должны перетянуть в нашу сторону. Судите сами! Могло случиться так, что кто-то вошел в лавку миссис Ашер как раз тогда, когда убийца выходил. Тот человек мог бы заглянуть за прилавок, увидеть мертвую женщину и либо сразу же задержать убийцу, либо дать точное описание полиции, после чего убийцу тотчас же арестовали бы.

– Да, разумеется, это возможно, – признал Кларк, – из этого следует, что убийца должен рисковать.

– Именно так. И, подобно многим игрокам, убийца зачастую не знает, когда остановиться. С каждым новым преступлением он укрепляется во мнении о своих способностях. Чувство меры изменяет ему. Он не говорит: «Я был умен и удачлив!» Нет, он говорит только: «Я был умен!» И его мнение о своей одаренности растет, но затем, друзья мои, шарик описывает круг и масть заканчивается: он останавливается на новом номере, и крупье объявляет: «красное».

– Вы считаете, что так произойдет в этом деле? – спросила Меган, сдвигая брови и хмурясь.

– Это рано или поздно *должно* произойти! До сих пор удача была на стороне преступника, – рано или поздно она должна повернуться к нам. Я уверен, что уже повернулась! Ниточка, связанная с чулками, – это только начало. Теперь все вместо того, чтобы помогать ему, будет против него! И он начнет совершать ошибки...

– Должен сказать, что вы ободряете нас, – проговорил Франклин Кларк, – нам всем нужна поддержка. С самого утра у меня было парализующее чувство беспомощности.

– Мне представляется весьма проблематичным, что мы можем достигнуть каких-нибудь практических результатов, – сказал Дональд Фрэзер.

Меган выпалила:

– Не будь капитулянтом, Дон.

Мэри Дроуэр, слегка покраснев, произнесла:

– Я хочу сказать, что никогда не знаешь, что тебя ждет... Этот злодей здесь, и мы тоже... В конце концов, иногда сталкиваешься с людьми самым неожиданным образом.

Я раздраженно сказал:

– Если бы только мы могли сделать что-то большее.

– Вы должны помнить, Гастингс, что полиция делает все возможное. Задействованы специальные констебли. У нашего инспектора Кроума, может, и несносный характер, но он способный офицер. И полковник Андерсон, главный констебль, – человек дела. Они приняли все меры по наблюдению и патрулированию города и ипподрома. Везде будут люди в штатском. Плюс кампания в прессе. Общественность полностью предупреждена.

Дональд Фрэзер покачал головой.

– Он ни за что не осмелится, я думаю, – сказал он с большей надеждой, – надо быть просто сумасшедшим!

– К сожалению, – сухо возразил Кларк, – он сумасшедший! Как вы думаете, мсье Пуаро? Он бросил это дело или попытается его повернуть?

– По-моему, степень одержимости такова, что он должен попытаться выполнить свое обещание! Отказ означал бы признание поражения, а такого ему большое самолюбие никогда не позволит. Это, могу сообщить, и мнение доктора Томпсона. Наша надежда на то, что он может быть пойман при попытке.

Дональд снова покачал головой:

– Он будет очень хитер.

Пуаро взглянул на часы. Мы поняли намек. По договоренности нам следовало заниматься своим делом, патрулируя утром как можно большее количество улиц, а потом занять самые разные места на ипподроме.

Я говорю «мы». Разумеется, от моего участия в патрулировании было мало пользы, поскольку я никогда в глаза не видел АВС. Тем не менее, поскольку в замысел входило разделить так, чтобы охватить территорию как можно шире, я предложил свои услуги в качестве эскорта одной из дам. Пуаро согласился, – боюсь, что он подмигнул при этом.

Девушки ушли надевать шляпки. Дональд Фрэзер стоял у окна и смотрел на улицу, по-видимому погруженный в раздумья.

Франклин Кларк взглянул на него и, несколько понизив голос, обратился к Пуаро:

– Послушайте, мсье, я знаю, вы ездили в Черстон и видели жену моего брата. Сказала ли она... намекнула... то есть... она вообще предположила?..

Он остановился в замешательстве.

Пуаро ответил. Лицо его выражало самую невинность, что возбудило во мне подозрение.

– То есть? Сказала ли жена вашего брата, намекнула или предположила – что?

Франклин Кларк покраснел.

– Возможно, вы считаете, что сейчас не время вмешиваться с личными делами...

– Отнюдь нет!

– Но мне кажется, что надо поставить вопрос прямо. – Кларк с трудом выдавил: – Жена моего брата очень милая женщина... Я всегда ее очень любил... но, конечно, она какое-то время была больна... и при этой болезни... ей давали наркотические средства и все такое... имеет тенденцию... в общем, воображать всякое в людях!

– А?

Теперь, без сомнения, глаза Пуаро заиграли.

Но Франклин Кларк, поглощенный своим дипломатическим заданием, не заметил этого.

– Это насчет Торы... мисс Грей, – сказал он.

– О, так это вы о Торе Грей? – В голосе Пуаро сквозило невинное удивление.

– Да. У леди Кларк в голове всякие идеи. Понимаете, Тора, мисс Грей, довольно симпатичная девушка...

– Наверное, да, – допустил Пуаро.

– А женщины, даже лучшие из них, немного злы на других женщин. Конечно, Тора была неоценима для моего брата – он всегда говорил, что она лучшая из всех секретарей, какие были у него, – и он очень любил ее. Но это выражалось весьма прямолинейно и чрезмерно. То есть Тора не из тех девиц...

– Нет? – пришел на помощь Пуаро.

– Но жена моего брата вбила себе в голову... это... ревность, не то чтобы она это когда-нибудь показала. Но после смерти Кара, когда возник вопрос о пребывании мисс Грей, Шарлотта возмутилась. Конечно, это отчасти из-за болезни, морфия и всего такого, – так сестра Кэпстик говорит, – мы не вправе осуждать Шарлотту за эти идеи в ее голове...

Он остановился.

– Да?

– Я хочу, чтобы вы вот что поняли, мсье Пуаро. В этом совсем ничего нет. Это просто болезненное воображение больной женщины. Посмотрите... – Он порылся в своем кармане. – Вот письмо, которое я получил от брата, когда был в Малайском государстве. Я хотел бы, чтобы вы прочитали его, так как оно точно указывает на степень отношений между ними.

Пуаро взял письмо. Франклин зашел сзади и, водя пальцем, вслух зачитал некоторые отрывки:

– «...дела здесь идут как обычно. Шарлотта в основном не чувствует боли. Хотелось бы, чтобы это был не предел. Ты, должно быть, помнишь Тору Грей? Она милая девушка, и не могу передать, какая для меня поддержка. Я не могу предположить, что бы я в эти тяжелые времена без нее делал. Ее сочувствие и интерес неизменны. У нее изысканный вкус, чутье к красивым вещам, и она разделяет мою страсть к китайскому искусству. Мне просто повезло с ней. Ни одна дочь не может быть более близким и сочувствующим собеседником. Жизнь ее была трудной и не всегда счастливой, и я с радостью ощущаю, что здесь ее дом и истинное призвание...»

– Вот видите, – сказал Франклин, – вот как мой брат относился к ней. Она была ему как дочь. Никто не вправе судить ее. Я решил показать вам это письмо. Мне не хотелось, чтобы вы получили о Торе неверное представление...

Пуаро вернул письмо.

– Могу заверить вас, – сказал он, улыбаясь, – что я никогда не позволяю себе получать неверное впечатление. Я формирую свое собственное...

– Хорошо, – сказал Кларк, – я рад, что так или иначе показал письмо вам. Сюда идут девушки.

Как только мы вышли из комнаты, Пуаро подозвал меня:

– Вы собираетесь сопровождать экспедицию, Гастингс?

– О да. Я бы чувствовал себя неуютно, если бы остался здесь и бездействовал.

– Наряду с работой тела существует работа ума, Гастингс.

– Да, но вы в этом сильнее меня, – ответил я.

– Я правильно полагаю, что вы намереваетесь стать кавалером одной из дам?

- Была такая мысль.
- И какую из дам вы предпочитаете удостоить своим вниманием?
- Я... э-э... еще не решил.
- Как насчет мисс Барнард?
- Она довольно независима, – засомневался я.
- Мисс Грей?
- Да, она предпочтительней.
- Я нахожу вас, Гастингс, откровенным мошенником! Всюду вы ищете повод провести день со своим ангелом – блондинкой!
- Ну, Пуаро, в самом деле!
- Мне очень жаль, что я расстраиваю ваши планы. Лицо, которое вы должны сопровождать, – Мэри Дроуэр, и я должен просить вас не оставлять ее.
- Но почему, Пуаро?
- Потому, дорогой друг, что ее имя начинается с D!!! Мы не должны рисковать.

Я отдал должное этому замечанию. Сначала оно показалось мне натянутым. Но потом я понял, что если АВС обладает фанатичной ненавистью к Пуаро, то он может быть очень хорошо осведомлен о всех его действиях. И в этом случае устранение Мэри Дроуэр может прийти к нему как способ нанести очень изящный четвертый удар.

Пообещав быть верным в своей опеке, я пошел к выходу, оставив Пуаро сидящим в кресле у окна. Перед ним стояла небольшая рулетка. Он крутанул ее, когда я проходил к двери, и бросил мне в спину:

– *Красное* – это хорошее предзнаменование, Гастингс. Удача поворачивается к нам!

Глава 24

(написана не от лица капитана Гастингса)

Мистер Лидбеттер раздраженно проворчал, когда сосед поднялся и неуклюже споткнулся возле него, уронив шляпу на переднее сиденье, после чего и перегнулся, чтобы подобрать ее. И все это в кульминационный момент фильма «Ни воробья...», той самой захватывающей драмы, наполненной пафосом и красотой, с участием всех звезд, той самой драмы, просмотра которой мистер Лидбеттер с нетерпением ожидал всю неделю.

Героиня с золотистыми волосами, которую играла Кэтрин Ройал (по мнению мистера Лидбеттера – ведущая киноактриса мира), только что дала выход чувствам, выразив своим хриплым криком предел негодования: «Никогда. Я бы предпочла умирать с голода. Но я не умру с голода. Помните те слова: *ни воробья не упадет...*»

Мистер Лидбеттер раздраженно повернул голову справа налево. Ну люди! И чего ради они не могут досидеть до *конца* фильма... а уходят в такой душесипательный момент.

О, так-то лучше. Несносный джентльмен прошел к выходу. Мистеру Лидбеттеру стало хорошо видно весь экран и Кэтрин Ройал, стоящую у окна особняка Вэн-Шрайнер в Нью-Йорке. А теперь она садится в поезд, на руках у нее ребенок... Какие чудные поезда у них там в Америке, совсем не похожи на английские.

О, опять Стив в своей лачуге в горах...

Фильм шел к своей волнующей религиозной развязке.

Когда зажегся свет, мистер Лидбеттер удовлетворенно вздохнул, медленно поднялся, слегка щурясь. Он никогда не уходил из кинотеатра сразу. Ему всегда требовалось какое-то время, чтобы вернуться к прозаической реальности жизни.

Он оглянулся вокруг. Не так уж много народу, в самом деле. Они все на скачках. Мистер Лидбеттер не одобрял ни скачки, ни игру в карты, ни выпивку, ни курение. Это оставляло ему больше энергии для наслаждения от походов в кино.

Все спешили к выходу. Мистер Лидбеттер приготовился сделать то же. Человек на месте перед ним спал, погрузившись глубоко в кресло. Мистер Лидбеттер вознегодовал от мысли, что кто-то может спать, когда идет такая драма, как «Ни воробья...».

Сердитый джентльмен сказал спящему, чьи ноги были вытянуты и загоразживали проход:

– Извините, сэр.

Мистер Лидбеттер дошел до выхода и оглянулся. Позади возникла какая-то сутолока... Возможно, тот человек был мертвецки пьян, а не спал.

Он поколебался, а затем вышел и тем самым пропустил сенсацию дня – сенсацию даже бо́льшую, чем победа Немалого на «Сент-Леджере» при ставке 85 к 1.

Швейцар говорил:

– Похоже, вы правы, сэр... Он болен... Что, в чем дело, сэр?

Другой, вскрикнув, отдернул руку и разглядывал красное липкое пятно.

– Кровь...

Швейцар издал сдавленное восклицание.

Его взгляд различил угол чего-то желтого, выступающий из-под сиденья.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнул он. – Это а... в... – «АВС»!

Глава 25

(написана не от лица капитана Гастингса)

Мистер Каст вышел из кинотеатра «Ригал Синема» и взглянул на небо. Замечательный вечер... Право, замечательный вечер...

В голову пришла цитата из Браунинга: «Есть Бог на небесах».

И все спокойно в мире.

Он всегда любил цитаты.

Он припустился рысью вдоль по улице, улыбаясь самому себе, пока не добрался до «Черного лебедя», постояльцем которого был.

Он вскарабкался по ступенькам к себе в номер – душную, крохотную комнатуху на третьем этаже с окном, выходящим на мощный внутренний двор и гараж.

Как только он вошел в комнату, его улыбка внезапно исчезла. На рукаве, около манжеты, было пятно. Он прикоснулся к нему – мокрое и красное, кровь...

Он запустил руку в карман и вытащил длинный тонкий нож. Лезвие ножа также было липким и красным.

Мистер Каст просидел долгое время.

Потом он быстро обвел комнату глазами загнанного зверя.

Лихорадочно облизал губы...

– Это не моя вина, – сказал мистер Каст.

Это выглядело так, будто он с кем-то спорит, как школьник оправдывается перед учителем.

Он снова облизал губы...

Снова изучил рукав пальто.

Взгляд его пересек комнату и остановился на умывальнике.

Спустя минуту он уже наполнял раковину водой из старомодного кувшина. Сняв пальто, прополоскал рукав, осторожно выжал его...

Ух! Вода стала красной...

Стук в дверь.

Он застыл в ледяной неподвижности, уставившись на дверь.

Дверь отворилась. Полная молодая женщина с кувшином в руках вошла в комнату.

– Простите, сэр. Ваша горячая вода, сэр.

Ему удалось произнести:

– Спасибо... Я умылся холодной...

Зачем он сказал это? Тотчас же ее глаза остановились на раковине.

Он ожесточенно бросил:

– Я... я порезал руку...

Повисла пауза – да, безусловно, очень длинная пауза, – прежде чем она сказала:

– Да, сэр.

Она вышла, хлопнув дверь.

Мистер Каст стоял, словно окаменев.

Пришло, наконец...

Он прислушался.

Слышны ли голоса, возгласы, шаги вверх по ступенькам? Он не слышал ничего, кроме ударов своего сердца... Внезапно от ледяной неподвижности он быстро перешел к действиям: влез в пальто, подкрался на цыпочках к двери и открыл ее. Никакого шума, кроме знакомого гомона, доносившегося из бара. Он сполз по лестнице... По-прежнему никого. Повезло. Он задержался на нижних ступенях. Куда теперь?

Он принял решение, стрелой вылетел по коридору через заднюю дверь во двор. Там двое шоферов возились с машинами и обсуждали победителей и проигравших.

Мистер Каст быстро пересек двор и оказался на улице.

После первого угла направо, затем налево, снова направо...

Осмелится ли он появиться на вокзале?

Да – там, должно быть, полно народу... специальные поезда... если удача будет на его стороне, у него получится.

Если только удача будет с ним...

Глава 26

(написана не от лица капитана Гастингса)

Инспектор Кроум слушал возбужденное изречение мистера Лидбеттера:

– Уверяю вас, инспектор, сердце перестает биться, когда я думаю об этом. Он ведь сидел сбоку от меня в течение всего сеанса!

Инспектор Кроум, совершенно равнодушный к поведению сердца мистера Лидбеттера, сказал:

– Позвольте мне прояснить кое-что? Этот человек вышел уже под конец картины... Он проходил мимо вас и при этом споткнулся...

– Он *притворился*, что споткнулся. Я теперь понимаю. Затем он перегнулся через сиденье переднего ряда, чтобы подобрать шляпу. Он, должно быть, заколол беднягу именно тогда.

– Вы ничего не слышали? Крик или стон?

Мистер Лидбеттер ничего не слышал, кроме громкого хриплого голоса Кэтрин Ройал, но в пылком своем воображении он изобрел стон.

Инспектор Кроум поверил ему на слово и велел продолжать.

– А потом он вышел...

– Вы можете описать его?

– Он был очень большой. По меньшей мере шесть футов. Гигант.

– Блондин или брюнет?

– Я... ну... не вполне уверен. Мне кажется, что он был лысый. Такого зловещего вида парень.

– Он не прихрамывал, а? – спросил инспектор Кроум.

– Да-да, сейчас, когда вы сказали об этом, мне кажется, что он хромал. Очень темно, он, должно быть, принадлежал к смешанной расе.

– Он сидел на месте, когда последний раз зажигался свет?

– Нет. Он вошел уже после начала основной картины.

Инспектор Кроум кивнул, передал мистеру Лидбеттеру протокол для подписания и избавился от него.

– Наверное, это самый плохой свидетель, какого только можно найти, – пессимистично заметил он. – Он скажет все, что угодно, если его немного направлять. Совершенно ясно, что у него нет ни малейшего представления о внешности этого человека. Давайте снова швейцара.

Швейцар, очень подтянутый, военной выправки человек, вошел и

остановился, весь во внимании, его глаза остановились на полковнике Андерсоне.

– Ну что ж, Джеймсон, давайте послушаем вас.

Джеймсон отдал честь.

– Да, сэр. Конец сеанса, сэр. Мне сказали, что есть заболевший джентльмен, сэр. Джентльмен сидел, погруженный в кресло за два шиллинга и четыре пенса. Другие джентльмены стояли вокруг. Мне показалось, что с джентльменом неладное, сэр. Один из джентльменов, стоящих рядом, прикоснулся рукой к пальто больного джентльмена и привлек мое внимание. Кровь, сэр. Было ясно, что джентльмен мертв – заколот, сэр. Мое внимание привлек железнодорожный справочник «АВС», сэр, под сиденьем. Желая действовать как полагается, я не трогал упомянутого, а сообщил немедленно полиции, что произошла трагедия.

– Очень хорошо, Джеймсон, вы действовали очень грамотно.

– Благодарю вас, сэр.

– Вы заметили человека, покидающего место за два шиллинга и четыре пенса пятью минутами ранее?

– Их было несколько, сэр.

– Вы можете их описать?

– Боюсь, нет, сэр. Одним был мистер Джеффри Парнелл. И был молодой парень, Сэм Бэйкер, со своей молодой леди. Больше я никого особенно не заметил.

– Жаль. Этого достаточно, Джеймсон.

– Да, сэр.

Швейцар козырнул и удалился.

– У нас есть медицинское заключение, – сказал полковник Андерсон, – но следующим нам лучше послушать парня, который обнаружил его.

Вошел полицейский констебль и козырнул.

– Мистер Эркюль Пуаро здесь, сэр, и другой джентльмен.

Инспектор Кроум нахмурился.

– Ну ладно, – сказал он, – пусть лучше войдут, я полагаю.

Глава 27

Донкастерское убийство

Входя и наступая Пуаро на пятки, я только уловил конец фразы инспектора Кроума. Он и главный констебль выглядели озабоченными и подавленными.

Полковник Андерсон кивком поприветствовал нас.

– Рад, что вы пришли, мсье Пуаро, – вежливо произнес он. Думаю, что полковник догадывался, что слова Кроума достигли наших ушей. – Мы снова по горло в этом, понимаете?

– Еще одно убийство по алфавиту?

– Да. Дерзкая до безумия работа. Человек перегибается и закалывает другого в спину.

– На этот раз заколот?

– Да, несколько варьирует свои методы, не так ли? Удар по голове, удушение, теперь нож. Разносторонний, дьявол... Вот медицинское заключение, если хотите, ознакомьтесь.

Он пододвинул бумаги Пуаро.

– Справочник «АВС» на полу, между ног мертвого, – добавил он.

– Опознан ли мертвый? – спросил Пуаро.

– Да. АВС на этот раз совершил ошибку, – если такое объяснение может нас как-то удовлетворить. Покойного зовут Эрлсфилд – Джордж Эрлсфилд^[19]. По профессии – парикмахер.

– Любопытно, – прокомментировал Пуаро.

– Может, перескочил на другую букву? – предположил полковник.

Мой друг с сомнением покачал головой.

– Попросим следующего свидетеля? – спросил Кроум. – Ему очень надо домой.

– Да-да, давайте продолжим.

Джентльмена средних лет, очень напоминавшего лягушку-лакея из «Алисы в Стране чудес», ввели к нам. Он был сильно возбужден, и голос его был пронзителен и эмоционален.

– Самое сильное потрясение на моем веку, – пропищал он. – У меня слабое сердце, сэр, очень слабое сердце, я мог сам умереть.

– Ваша фамилия, пожалуйста, – сказал инспектор.

– Даунз. Роджер Эммануэль Даунз.

– Профессия?

– Я учитель в школе Хайфилд для мальчиков.

– Теперь, мистер Даунз, расскажите, что произошло.

– Я могу рассказать лишь вкратце, джентльмены. По окончании сеанса я встал со своего места. Место слева от меня было пустым, но на следующем за ним сидел человек, по-видимому спящий. Я не мог пройти мимо него к выходу, так как ноги его торчали в проходе. Я попросил его разрешить мне пройти. Так как он не пошевелился, я повторил свою просьбу... э-э... немного громче. Он по-прежнему не отвечал. Тогда я тронул его за плечо, чтобы разбудить. Его тело откинулось еще дальше, и до меня дошло, что он либо без сознания, либо серьезно болен. Я крикнул: «Этот джентльмен заболел. Позовите швейцара». Подошел швейцар. Когда я убрал руку с плеча этого человека, то обнаружил, что она стала мокрой и красной. Я понял, что человек заколот. В тот самый момент швейцар заметил железнодорожный справочник «АВС»... Уверяю вас, джентльмены, потрясение было страшным! Всякое могло произойти! Многие годы я страдаю сердечной недостаточностью...

Полковник Андерсон смотрел на мистера Даунза с весьма забавным выражением лица.

– Можете считать, что вы счастливчик, мистер Даунз.

– Конечно так, сэр. Ни сердцебиения даже!

– Вы не вполне поняли значение моих слов, мистер Даунз. Вы сидели через два места, вы сказали?

– В действительности я сидел поначалу на месте, следующем после убитого... потом я передвинулся, с тем чтобы сидеть позади свободного места.

– Вы примерно того же роста и телосложения, что и покойный, не так ли? И у вас вокруг шеи был шерстяной шарф, как и у него?

– Я не заметил... – твердо начал мистер Даунз.

– Говорю вам – вот где пришла ваша удача. Так или иначе, когда убийца следил за вами, он перепутал. *Он выбрал не ту спину.* Готов съесть собственную шляпу, мистер Даунз, если этот нож предназначался не для вас!

Как бы хорошо ни выдерживало сердце мистера Даунза предыдущие испытания, оно не в состоянии было вынести этого. Он опустился в кресло, задыхаясь, лицо его побагровело.

– Воды, – задыхался он, – воды...

Ему принесли стакан. Он пил маленькими глотками, и по мере этого его состояние приходило в норму.

– Меня? – произнес он. – Почему *меня*?

– Похоже на это, – сказал Кроум, – действительно, это единственное объяснение.

– Вы хотите сказать, что этот человек... этот дьявол во плоти... этот кровожадный сумасшедший выслеживал меня, поджидая удобный случай?

– Должен сказать, что, похоже, так и было.

– Но, бога ради, почему *меня*? – настаивал оскорбленный школьный учитель.

Инспектор Кроум поборол искушение ответить: «Почему бы и нет?» – и вместо этого сказал:

– Не стоит ожидать от лунатика объяснения его действий.

– Господи, благослови душу мою, – произнес мистер Даунз шепотом. Он встал. – Если я вам больше не нужен, джентльмены, то, пожалуй, я пойду домой. Я... я неважно себя чувствую.

– Конечно, мистер Даунз. Я пошлю с вами констебля, чтобы проконтролировать ваше самочувствие.

– О, нет-нет, спасибо. В этом нет необходимости.

– Может, и есть, – прохрипел полковник Андерсон.

Его взгляд скользнул в сторону, незаметно спрашивая инспектора. Последний ответил таким же незаметным кивком.

Мистер Даунз, трясясь, вышел.

– Он так и не понял, – сказал полковник Андерсон. – Их будет двое, а?

– Да, сэр. Ваш инспектор Райс все организовал. За домом будет установлено наблюдение.

– Вы полагаете, – спросил Пуаро, – что, когда АВС обнаружит свою ошибку, он может попытаться снова?

Андерсон кивнул.

– Такая возможность допускается, – сказал он, – этот АВС похож на методичного типа. Раз дела продвигаются не в соответствии с программой – это расстроит его.

Пуаро задумчиво кивнул.

– Хотелось бы получить описание приятеля, – раздраженно сказал полковник Андерсон, – мы, как и раньше, находимся в потемках.

– Оно может появиться, – сказал Пуаро.

– Вы так думаете? Да, это возможно. Черт их всех подери, есть ли у кого глаза на голове?

– Имейте терпение, – сказал Пуаро.

– В вас видна уверенность, мсье Пуаро. Есть ли у вас основания для подобного оптимизма?

– Да, полковник Андерсон. До сих пор убийца не делал ошибок. Вскоре он вынужден будет ее сделать.

– Если это все, то продолжайте, – фыркнул было главный констебль, но его прервали:

– Мистер Болл из «Черного лебедя» здесь с молодой женщиной, сэр. Уверяет, у него есть то, что может вам помочь.

– Проводите их. Нам надо иметь хоть что-то полезное...

Мистер Болл из «Черного лебедя» был большой, тугодумный, малоподвижный мужчина. От него крепко разило пивом. С ним была полная молодая женщина с круглыми глазами, ясно выражающими состояние возбуждения.

– Надеюсь, я не навязываюсь и не отнимаю время, – сказал мистер Болл медленным вязким голосом, – но эта вот молодуха, Мэри, уверяет, что у нее есть что вам сообщить.

Мэри нерешительно хихикнула.

– Ну, дитя мое, что там? – спросил полковник Андерсон. – Как тебя зовут?

– Мэри, сэр, Мэри Страуд.

– Ну, Мэри, давай выкладывай.

Мэри перевела взгляд круглых глаз на своего хозяина.

– В ее обязанности входит приносить горячую воду в номера мужчин, – сказал мистер Болл, приходя на помощь. – Около полудюжины джентльменов остановилось сейчас у нас.

– Да, да, – нетерпеливо произнес Андерсон.

– Продолжай, девчонка, – сказал мистер Болл, – рассказывай свою историю. Нечего бояться...

Мэри тяжело вздохнула и застрочила, не переводя дыхания:

– Я постучала в дверь, но не было ответа, а то я бы не вошла, если только джентльмен не сказал «войдите», и раз он не сказал ничего, я вошла, и он там мыл руки.

Она сделала паузу и тяжело вздохнула.

– Продолжай, дитя мое, – сказал Андерсон.

Мэри искоса посмотрела на своего хозяина и, словно получив вдохновение от его медленного кивка, снова перешла к повествованию.

– «Ваша горячая вода, сэр», – сказала я, – я ведь постучалась. «Я умылся холодной», – сказал он, и поэтому, естественно, я поглядела в раковину, – о боже, помоги мне! – *она была вся красной!*

– Красной? – резко спросил Андерсон.

Болл встрял в разговор:

– Девчонка сказала мне, что на нем пальто не было надето, а он держал его за рукав, и рукав весь был мокрым – так ведь, девчонка, а?

– Да, сэр, это так, сэр.

Она продолжала дальше:

– А лицо его, сэр, оно выглядело странным, страшно подозрительным оно выглядело. Прямо перевернуло меня.

– Когда это было? – резко спросил Андерсон.

– Около четверти шестого, где-то так, насколько я могу полагать.

– Более трех часов назад, – оборвал Андерсон. – Почему вы сразу не пришли?

– Не сразу услышал об этом, – сказал Болл, – только после того, как пришла весть о совершенном новом убийстве. А потом девчонка эта заорала, дескать, это могла быть кровь в раковине, и я спросил ее, что она имеет в виду, и она рассказала. Ну, это мне показалось подозрительным, и я сам пошел наверх. В комнате никого. Я задал несколько вопросов, и один из ребят во дворе сказал, что видел какого-то малого, выскользнувшего на улицу, и, по его описанию, это был тот самый. Поэтому я сказал жене, что Мэри лучше пойти в полицию. Мэри не понравилась эта мысль, и я сказал, что пойду вместе с ней.

Инспектор Кроум протянул ему листок бумаги.

– Опишите этого человека, – сказал он, – как можно быстрее. Нельзя терять времени.

– Средних размеров он был, – сказала Мэри, – и сутулился, и носил очки.

– Его одежда?

– Темный костюм и затасканная шляпа «хомбург».

Кроум выудил еще и то, что человек, пробравшийся через двор, был без сумки или чемодана...

– Тогда есть шанс, – сказал он.

Двоих направили в «Черный лебедь». Мистер Болл, полный гордости и важности, и Мэри, слегка заплаканная, сопровождали их.

Сержант вернулся через десять минут.

– Я принес журнал регистрации, сэр, – сказал он, – вот подпись.

Мы столпились вокруг стола. Почерк был мелким и сжатым, прочитать нелегко.

– А.Б. Кэйс – или же Кэш? – сказал главный констебль.

– АВС, – заметил Кроум со значением.

– Что с багажом? – спросил Андерсон.

– Один солидного размера чемодан, сэр. Полный картонных коробок.

– Коробок? Что в них?

– Чулки, сэр. Шелковые чулки.

Кроум повернулся к Пуаро.

– Поздравляю, – сказал он. – Ваши подозрения подтвердились.

Глава 28

(написана не от лица капитана Гастингса)

Инспектор Кроум сидел в своем офисе в Скотленд-Ярде. Телефон на его столе издал прерывистое треньканье, и он поднял трубку.

– Джейкобс говорит, сэр. Тут молодой парень пришел, его, мне кажется, вам надо послушать.

Инспектор Кроум вздохнул. Ежедневно в среднем человек двадцать появлялись по делу АВС. Некоторые были безобидными лунатиками, некоторые – здравомыслящими людьми, но все они искренне верили, что их информация чего-то стоит. В обязанности сержанта Джейкобса входило служить человеческим ситом.

– Очень хорошо, Джейкобс, – сказал Кроум, – проведите его.

Несколькими минутами позже в дверь инспектора постучали, и появился сержант Джейкобс, который ввел высокого, сравнительно симпатичного молодого человека.

– Это Том Хартиган, сэр. У него есть что сообщить нам, что, возможно, касается дела АВС.

Инспектор вежливо поднялся и пожал руку.

– Доброе утро, мистер Хартиган. Присаживайтесь. Курите? Сигарету, а?

Том Хартиган неуклюже уселся и с некоторым страхом посмотрел на того, кого про себя называл одной из важных персон. Внешность инспектора как-то разочаровала его. Он выглядел совсем как обыкновенный человек!

Инспектор Кроум произнес:

– Ну, так, значит, у вас есть сведения, которые, по-вашему, относятся к делу? Выкладывайте!

Том нервно начал:

– Конечно, это может быть совсем ничего. Просто, может, моя собственная идея. Возможно, я только отнимаю у вас время.

Инспектор Кроум незаметно вздохнул.

Сколько же нужно потратить времени, чтобы ободрить людей!

– Нам лучше об этом судить. Изложите факты, мистер Хартиган.

– В общем, так, сэр. У меня есть девушка, понимаете, а ее мать сдает комнаты. По направлению в Кэмдентаун. Часть третьего этажа, выходящего

во двор, они уже больше года сдают человеку по имени Каст.

– Каст, да?

– Именно так, сэр. Такой средних лет парень, довольно безликий и мягкий. И немного чудаковатый, скажем так. Из того сорта людей, что мухи не обижают, и я никогда бы не подумал ничего дурного, если бы не довольно странные обстоятельства.

В несколько смущенной манере и раз-другой повторяясь, Том описал свою неожиданную встречу с мистером Кастом на вокзале Юстон и инцидент с оброненным билетом.

– Понимаете, сэр, относитесь к этому как пожелаете, но это выглядело смешно. Лили – это моя девушка, сэр, – она совершенно убеждена, что он сказал именно Челтенхэм, и ее мать говорит то же самое, – говорит, что помнит отчетливо разговор об этом в то утро, когда он ушел. Конечно, в то время я не придавал этому большого значения. Лили, моя девушка, сказала, что очень надеется на то, что он не нарвется на человека – АВС, собирающегося в Донкастер, а затем она сказала, что он был в районе Черстона во время прошлого преступления. Смеха ради я спросил ее, был ли он в Бексхилле в позапрошлый раз. Она ответила, что не знает, где он был, но то, что он уезжал на побережье, – это точно. А потом я сказал ей, что было бы забавным, если бы он сам был АВС, а она ответила, что бедный мистер Каст и мухи не обидит. Тогда на этом все и кончилось. Мы больше об этом не думали. По крайней мере, я, сэр, – только подсознательно. Меня стал интересовать этот тип Каст, и я стал размышлять о том, что, в конце концов, безобидный на вид, он мог быть немного гулякой.

Том перевел дыхание и продолжал. На этот раз инспектор Кроум уже слушал внимательно.

– А затем, после донкастерского убийства, сэр, во всех газетах было написано, что требуется информация относительно местопребывания некоего А.Б. Кейса, или Кэша, и давалось описание, которое вполне подходило. В первый же свободный вечер я отправился к Лили и спросил, каковы инициалы мистера Каста. Она сначала не могла вспомнить, но мать ее вспомнила. Она сказала, что определенно А.Б. Затем мы попытались вычислить, был ли Каст в отъезде в момент первого убийства в Андовере. Как вы знаете, сэр, нелегко вспомнить то, что было три месяца назад. Мы здорово потрудились и наконец выяснили, потому что у миссис Марбери есть брат, который приезжал навестить ее из Канады 21 июня. Он приехал в общем-то неожиданно, и она захотела предоставить ему ночлег. Лили предложила, что раз мистер Каст в отъезде, то Берт Смит может

воспользоваться его кроватью. Но миссис Марбери не согласилась, так как она сказала, что это нехорошо по отношению к ее жильцу и что она всегда предпочитает действовать честно и по справедливости. Но мы четко установили дату, потому что пароход мистера Берта Смита прибыл в тот день в Саутгемптон.

Инспектор Кроум очень внимательно все выслушал, делая время от времени краткие пометки.

– Все? – спросил он.

– Все, сэр. Я надеюсь, вы не думаете, что я делаю много шума из ничего, – слегка вспыхнул Том.

– Вовсе нет. Вы правильно поступили, что пришли. Конечно, это очень небольшая улика: эти даты могли быть простым совпадением, и похожесть имен тоже. Но у меня есть все основания поговорить с вашим мистером Кастом. Он сейчас дома?

– Да, сэр.

– Когда он вернулся?

– Вечером того дня, когда было совершено донкастерское убийство, сэр.

– Чем он занимается с тех пор?

– В основном сидит дома, сэр. И выглядит он весьма необычно. Покупает газеты. Выходит рано и приносит утренние, а потом, с наступлением темноты, он снова выходит и приносит вечерние. Миссис Марбери также говорит, что он много разговаривает сам с собой. Она считает, что он становится все более странным.

– Какой адрес у этой миссис Марбери?

Том дал ему адрес.

– Благодарю вас. Я, вероятно, заскочу в течение дня. Вряд ли мне следует предупреждать вас об осторожности в поведении при встрече с этим Кастом. – Он поднялся и пожал руку. – Вы можете быть вполне удовлетворены тем, что поступили правильно, придя к нам. До свидания, мистер Хартиган.

– Ну как, сэр? – спросил Джейкобс, снова входя в кабинет несколькими минутами позже. – Полагаете, стоящее?

– Обещающее, – сказал инспектор Кроум, – то есть, если факты соответствуют изложенному парнем. У нас не выяснилось еще ничего про изготовителя чулок. Что-то у нас уже было как-то. Кстати, дайте мне папку с черстонским делом.

Он потратил несколько минут, разыскивая то, что ему было нужно.

– А, вот оно. Это среди заявлений в полицию города Торки. Молодой

человек по имени Хилл. Дает показания, что, выходя из кинотеатра «Торки Палладиум» после фильма «Ни воробья...», заметил странно ведущего себя человека: тот разговаривал сам с собой. Хилл услышал, как он сказал: «Это идея». «Ни воробья...» – это тот самый фильм, что был в «Ригал Синема» в Донкастере?

– Да, сэр.

– В этом что-то может быть. Пока рано говорить, но возможно, что мысль о характере действия при следующем убийстве пришла нашему подопечному именно там. У вас есть, как я вижу, имя Хилла и его адрес. Описание им внешности человека довольно туманно, но неплохо соотносится с описанием, данным Мэри Страуд и этим Томом Хартиганом...

Он задумчиво кивнул.

– Ну что ж, стало теплее, – сказал инспектор Кроум весьма неосторожно, так как он сам был всегда немного прохладен.

– Какие будут инструкции, сэр?

– Поставьте двух человек наблюдать в Кэмдентауне, но я не хочу, чтобы нашу птичку спугнули. Я должен переговорить с помощником комиссара. Затем, я думаю, неплохо было бы привести этого Каста сюда и спросить, не хочет ли он сделать заявление. Все говорит о том, что он вполне созрел, чтобы расколоться.

На улице Том Хартиган присоединился к ждавшей его на набережной Лили Марбери.

– Все в порядке, Том?

Том кивнул.

– Я виделся с самим инспектором Кроумом.

– И какой он из себя?

– Довольно спокойный и манерный – отличается от моего представления о детективах.

– Новый лорд Тренчард, – с уважением сказала Лили, – некоторые из них такие гранды. Что он сказал?

Том коротко изложил ей содержание беседы.

– Так они и в самом деле думают на него?

– Считают, что есть вероятность. Так или иначе, зайдут и зададут ему пару вопросов.

– Бедный мистер Каст.

– Нехорошо говорить «бедный» про мистера Каста. Если он АВС, то на его счету четыре страшных убийства.

Лили вздохнула и покачала головой.

– Это ужасно, – заключила она.

– Ладно, ты не хочешь сейчас пойти перекусить, девочка моя? Ты только подумай, если мы окажемся правы, то, наверное, мое имя будет в газетах!

– О, Том, в самом деле?

– А что? И твое тоже. И твоей мамы. И, кто знает, может, и фотографию поместят.

– О, Том! – В экстазе Лили сжала его руку.

– А пока что ты скажешь насчет того, чтобы перекусить в Корнер-Хаус?

Лили сжала его руку еще сильнее.

– Ну пойдем!

– Хорошо... полминутки. Мне только надо с вокзала позвонить.

– Кому?

– Подружке, с которой собиралась встретиться.

Она перебежала дорогу и вернулась к нему через три минуты немного покрасневшейся.

– Ну что, Том. – Она взяла его под руку. – Расскажи мне еще про Скотленд-Ярд. Ты не видел там еще одного?

– Кого еще?

– Бельгийского джентльмена. Того самого, которому АВС писал все время.

– Нет, его там не было.

– Хорошо, расскажи мне все об этом. Что было, когда ты попал внутрь? С кем ты разговаривал и что им сказал?

Мистер Каст аккуратно опустил телефонную трубку на рычаг.

Он повернулся лицом к миссис Марбери, которая стояла в дверном проеме комнаты и всем видом выражала любопытство.

– Нечасто вам звонят, мистер Каст?

– Нет... э-э... нет, миссис Марбери. Нечасто.

– Надеюсь, не плохие новости?

– Нет-нет. – Как назойлива эта женщина. Взгляд его поймал название рубрики в газете, которая была у него в руках. «Рождения – Бракосочетания – Некрологи...» – У моей сестры только что родился мальчик, – выпалил он.

Он – у которого никогда не было сестры!

– О! Да... ведь это же племянник. («И ни разу не упомянул за все это время о сестре, – подумала она про себя, – как это похоже на мужчин!»)

Вот это сюрприз, скажу вам. Ни за что бы не подумала, когда леди попросила мистера Каста. Сначала мне просто показалось, что это голос моей Лили, – он был похож на ее, но был более высокомерным. Вы понимаете, что я имею в виду, – такой высоко звучащий. Да, мистер Каст, мои поздравления. Это первый или у вас уже есть маленькие племянники и племянницы?

– Это единственный, – сказал мистер Каст. – Единственный, кого я когда-либо имел или мог иметь, и... э-э... мне кажется, что мне надо немедленно идти. Они... они хотят, чтобы я приехал. Я думаю, я как раз могу успеть на поезд, если потороплюсь.

– Вас долго не будет, мистер Каст? – спросила вдогонку миссис Марбери, когда он побежал вверх по лестнице.

– О нет... два или три дня... и все.

Он исчез в своей комнате. Миссис Марбери вернулась на кухню, сентиментально представляя себе «милого крошку».

Она почувствовала внезапное угрызение совести. Прошлым вечером Том и Лили все копались в датах! Пытались выяснить, мог ли мистер Каст быть тем самым отвратительным монстром АВС. Всего-то из-за его инициалов и нескольких совпадений.

«Вряд ли они думали об этом всерьез, – умиротворенно размышляла она, – и теперь, надеюсь, им станет стыдно за себя».

Она сама не смогла бы объяснить, каким это непонятным образом заявление мистера Каста о том, что его сестра родила ребенка, эффективно устранило все сомнения по поводу ее жилья. «Надеюсь, что она перенесла это нормально, бедняжка», – думала миссис Марбери, проверяя утюг щекой перед тем, как начать гладить шелковую комбинацию Лили.

Мысль ее уютно скользила по проторенной акушерской теме.

Мистер Каст тихо спустился по лестнице, держа в руке баул. Его глаза на минуту задержались на телефоне, и в памяти всплыл тот короткий разговор:

– Это вы, мистер Каст? Думаю, вам было бы небезынтересно знать, что вас, может быть, посетит инспектор из Скотленд-Ярда...

Что он ответил? Он не мог припомнить.

– Благодарю вас... благодарю вас... очень любезно с вашей стороны...

Что-то вроде того.

Почему она позвонила ему? Могла ли она как-то догадаться? Или, может, она просто хотела убедиться, что он останется дома до прихода инспектора?

А ее голос – она изменила голос перед своей матерью...

Похоже... похоже, будто она *знала*.

Но, несомненно, если бы она знала, то не стала бы...

Хотя, она могла. Женщины всегда были очень странными. Непредсказуемо жестоки и непредсказуемо добры. Однажды он видел, как Лили выпускала мышь из мышеловки.

Добрая девушка...

Добрая, симпатичная девушка.

Он задержался в холле у вешалки, нагруженной зонтиками и пальто.

Стоит ему?..

Легкий шум с кухни заставил его решиться.

Нет, времени не было.

Может выйти миссис Марбери.

Он открыл парадную дверь, вышел и закрыл ее за собой...

Куда?

Глава 29

В Скотленд-Ярде

Снова совещание.

Помощник комиссара, инспектор Кроум, Пуаро и я.

Помощник комиссара говорил:

– Хорош ваш намек, мсье Пуаро, относительно проверки большого сбыта чулок.

Пуаро вытянул руки.

– На это все указывало. Тот человек не мог быть штатным агентом. Он продавал напрямую, а не связывался с заказами.

– Пока все ясно, инспектор?

– Думаю, что да, сэр. – Кроум заглянул в папку с делом. – Мне пройти по местам и датам?

– Да, пожалуйста.

– Я проверил Черстон, Пейнтон и Торки. Получил список людей, где он ходил и предлагал чулки. Должен сказать, что он все продумывал тщательно. Остановился в «Питте», маленькой гостинице около вокзала Торр. В вечер убийства вернулся в гостиницу в 10.30. Мог воспользоваться поездом из Черстона в 9.57, который прибывает в Торр в 10.20. Никто в поезде или на вокзале не опознал его по описанию. Но в ту пятницу была дартмутская регата и обратные поезда из Кингсвера были набиты битком.

С Бексхиллом почти то же самое. Остановился в «Глобусе» под собственным именем. Предлагал чулки местам в десяти, включая миссис Барнард и «Рыжую кошку». Съехал из гостиницы ранним вечером. Прибыл обратно в Лондон на следующее утро около 11.30. Что касается Андовера, то процедура та же. Остановился в «Перьях». Предлагал чулки миссис Фаулер – соседке миссис Ашер – и полудюжине других людей на той улице. Пару миссис Ашер я получил от ее племянницы (по фамилии Дроуэр) – они идентичны с партией Каста.

– Пока хорошо, – сказал помощник комиссара.

– Действуя в соответствии с полученной информацией, я пришел по адресу, который дал мне Хартиган, но обнаружил, что Каст покинул дом получасом ранее. Мне сказали, что ему звонили по телефону. Это случилось впервые – так мне сказала хозяйка.

– Соучастник? – предположил помощник комиссара.

– Вряд ли, – сказал Пуаро, – странно, хотя...

Мы все посмотрели на него, и он замолчал.

Инспектор продолжил:

– Я произвел тщательный обыск комнаты, которую он занимал. Обыск развеял последние сомнения. Я нашел блок бумаги для записей, похожей на ту, на которой были написаны письма; большое количество чулочных изделий и – в глубине шкафчика, где хранились чулочные изделия, – сверток такой же формы и размера, но в котором оказались не чулки, а *восемь новеньких железнодорожных справочников «АВС»!*

– Доказательство явное, – сказал помощник комиссара.

– Я также нашел еще кое-что, – сказал инспектор. Голос его внезапно сделался торжественно-официальным. – Нашел только этим утром, сэр. Еще не успел доложить. В его комнате не было ножа...

– Он поступил бы как последний чудака, принеся его с собой обратно, – заметил Пуаро.

– В конце концов, он же не здравомыслящий человек, – ответил инспектор. – Так или иначе, мне представилось, что он мог бы просто принести его обратно в дом, а потом осознать опасность сокрытия его (как отметил мсье Пуаро) в своей комнате и подыскать какое-нибудь другое место. Какое место в доме он вероятнее всего бы выбрал? Я нашел его сразу. *Вешалка в холле*: никому не придет в голову двигать вешалку в холле. Мне с большим трудом удалось отодвинуть ее от стены – и он был там!

– Нож?

– Нож. В этом нет сомнения. На нем до сих пор осталась запекшаяся кровь.

– Хорошая работа, Кроум, – одобрительно сказал помощник комиссара. – Нам теперь нужна только одна вещь.

– Какая?

– Сам человек.

– Мы схватим его, сэр. Не бойтесь.

Тон инспектора был убедительным.

– Что вы скажете, мсье Пуаро?

Пуаро очнулся от грез:

– Прошу прощения?

– Мы говорим, что схватить преступника – это только дело времени. Вы согласны?

– А, это... да. Без сомнения.

Он произнес это так задумчиво, что все посмотрели на него с удивлением.

– Вас что-то беспокоит, мсье?

– Кое-что беспокоит очень сильно. Мотив...

– Но, дорогой мой, этот АВС – помешанный, – сказал помощник комиссара полиции.

– Я понимаю, что имеет в виду мсье Пуаро, – сказал Кроум, снисходительно приходя на помощь. – Он совершенно прав. Должна существовать навязчивая идея. Я полагаю, что мы увидим корень зла в обостренном комплексе неполноценности. Возможна также мания преследования, а раз так, то он вполне мог ассоциировать с этим мсье Пуаро. У него могла быть иллюзия, что мсье Пуаро – детектив, нанятый с целью выследить его.

– Гм-гм, – произнес помощник комиссара. – В мои годы, если человек был сумасшедшим – он был сумасшедшим, и мы не выискивали тут научных терминов. Наверное, современный доктор предложил бы помещать людей, подобных АВС, в приют и рассказывать им о том, какими славными ребятами они были в течение последних сорока пяти дней, а потом выпускать их как полноправных, ответственных членов общества.

Пуаро улыбнулся, но не ответил.

Совещание подошло к концу.

Помощник комиссара сказал:

– Хорошо, как вы говорите, Кроум, арестовать его – это всего-навсего дело времени.

– Он уже был бы у нас в руках, – ответил инспектор, – если бы не выглядел столь ordinarily.

– Интересно, где он находится в эту минуту, – сказал помощник комиссара.

Глава 30

(написана не от лица капитана Гастингса)

Мистер Каст остановился у лавки зеленщика. Бросил взгляд через дорогу.

Да, это она.

Миссис Ашер. Продавец газет и табачных изделий...

В пустом окне знак.

Сдается.

Пусто...

Безжизненно...

– Простите, сэр.

Жена зеленщика пытается дотянуться до лимонов.

Он извинился, отошел в сторону.

Медленно зашагал обратно, по направлению к главной улице города.

Было нелегко. Очень нелегко. Теперь, когда у него не осталось денег...

Отсутствие чего-либо съестного на протяжении всего дня довело его до странных и легкомысленных чувств...

Он посмотрел на плакат снаружи газетной лавки.

«ДЕЛО АВС. УБИЙЦА ЕЩЕ НА СВОБОДЕ.
ИНТЕРВЬЮ С МСЬЕ ЭРКЮЛЕМ ПУАРО».

Мистер Каст сказал самому себе:

– Эркюль Пуаро... Интересно, знает ли *он?*..

И зашагал дальше.

Негоже стоять и глазеть на плакат...

Он подумал:

– Я не могу продолжать так дальше...

Нога перед ногой... что за странная вещь – походка...

Нога перед ногой – нелепо.

В высшей степени нелепо.

Но ведь человек – это нелепое животное...

И он, Александр Бонапарт Каст, в частности, был нелепым.

Он всегда был...

Люди всегда смеялись над ним...

Куда он идет? Он не знал. Он подошел к концу.
Он уже больше ни на что не смотрит, кроме своих ног.
Нога перед ногой.
Он поднял глаза. Перед ним огни. И буквы...
Полицейский участок.
– Забавно, – сказал мистер Каст. Он едва заметно ухмыльнулся.
Затем ступил внутрь. Внезапно при этом он закачался и рухнул
ничком.

Глава 31

Эркюль Пуаро задает вопросы

Стоял ясный ноябрьский день. Доктор Томпсон и инспектор Джепп зашли, чтобы ознакомить Пуаро с результатами слушаний в полицейском суде по делу «Король против Александра Бонапарта Каста»^[20]. Ведь Пуаро из-за бронхиальной простуды не смог на них присутствовать.

– Передано в суд, – сказал Джепп.

– Разве это не необычно, – спросил я, – что защита предоставляется на данной стадии? Я считал, что заключенные всегда откладывают защиту.

– Обычный ход, – сказал Джепп, – я полагаю, молодой Лукас рассчитал, что сможет повернуть это. Умопомешательство – его единственная зацепка.

Пуаро пожал плечами:

– При помощи умопомешательства добиться свободы? Тюремное заключение, «пока это будет угодно его величеству», вряд ли предпочтительнее смерти.

– Я полагаю, Лукас считает, что есть шанс, – сказал Джепп. – С первоклассным алиби относительно бексхиллского убийства все дело может ослабнуть. Я не думаю, что он представляет, насколько сильны наши позиции. Так или иначе, Лукас оригинальничает: он молод и хочет проявить себя в глазах общественности.

Пуаро повернулся к Томпсону:

– Каково ваше мнение, доктор?

– О Касте? Клянусь, не знаю, что и сказать. Он замечательно играет нормального человека. Он эпилептик, конечно.

– Какая удивительная развязка получилась, – сказал я.

– То, что он ввалился в припадке в полицейский участок Андовера? Да, это подходящий театральный занавес для драмы. АВС всегда хорошо рассчитывал свои эффекты.

– Возможно ли совершить преступление и не знать об этом? – спросил я. – Его отрицания, похоже, звучат правдиво.

Доктор Томпсон едва заметно улыбнулся:

– Вас не должна вводить в заблуждение театральная поза типа «Клянусь богом!». По-моему, *Каст прекрасно знает, что это он совершил убийства*. Что касается вашего вопроса, – продолжал Томпсон, –

представляется вполне возможным эпилептическому субъекту в состоянии сомнамбулизма совершать действия и абсолютно ничего не знать о проделанном. Но подобные действия не должны противоречить желанию личности в пробудившемся состоянии! – Он продолжал рассуждать по этому вопросу, безнадежно сбив меня с толку, как часто случается, когда ученая личность садится на своего конька. – Однако я против теории, что Каст совершил эти преступления, не зная об этом. Вы могли бы выдвигать эту теорию, если бы не письма. Письма разбивают эту теорию в пух и прах. Они указывают на преднамеренность и тщательное планирование преступления.

– И по поводу писем у нас по-прежнему нет объяснений, – сказал Пуаро.

– Это интересует вас?

– Естественно, раз они были написаны мне. И по поводу писем Каст упорно молчит. До тех пор пока я не пойму, почему те письма были написаны мне, у меня не будет ощущения, что дело завершено.

– Да, я могу понять это с вашей точки зрения. Похоже, нет никаких оснований полагать, что этот человек где-то что-то против вас имел?

– Нет, ни в коей мере.

– Я могу сделать предположение. Ваше имя!

– Мое имя?

– Да. Каст обременен – по-видимому, капризом его матери – двумя чрезвычайно напыщенными именами: Александр и Бонапарт. Вы улавливаете смысл? Александр – считающийся непобедимым, тосковал о новых землях. Бонапарт – великий император Франции. Ему хочется соперника – соперника, можно сказать, его класса. Ну, вот вы и есть Геракл могучий^[21].

– Ваши слова заставляют задуматься, доктор. Они способствуют возникновению мыслей...

– О, это только предположение. Ну, мне пора.

Доктор Томпсон вышел. Джепп остался.

– Вас в самом деле беспокоит это алиби? – спросил Пуаро.

– Немного, – признал инспектор. – Впрочем, это пустяки, я не верю в него, потому что я знаю, что оно ложно. Но придется попотеть, чтобы разбить его. Этот человек, Стрейндж, с твердым характером.

– Опишите мне его.

– Ему лет сорок. Твердый, уверенный, упрямый горный инженер. По-моему, это он настоял на том, чтобы его показания были заслушаны теперь. Он хочет отправиться в Чили.

– Он один из самых самоуверенных людей, каких я когда-нибудь видел, – сказал я.

– Тип человека, который не хотел бы признавать, что ошибся, – задумчиво произнес Пуаро.

– Он упорствует в своем рассказе и не из тех, кого можно забросать вопросами. Он всем на свете клянется, что познакомился с Кастом в отеле «Белый крест» в Истборне вечером 24 июля. Тот был одинок, и ему хотелось поговорить с кем-нибудь. Насколько я понимаю, Каст получил идеального слушателя. Он не прерывал его. После ужина они с Кастом играли в домино. Оказывается, Стрейндж – знаток домино, и, к его удивлению, Каст тоже первоклассно играл. Странная игра домино. Люди с ума сходят по ней. Готовы играть часами. Что, по-видимому, и делали Каст со Стрейнджем. Каст хотел пойти спать, но Стрейндж и слышать об этом не желал – требовал, чтобы они продолжили хотя бы до полуночи. Что они и сделали. Они разошлись в десять минут первого. А раз Каст был в отеле «Белый крест» в Истборне в десять минут первого ночи, то он не мог преспокойно задушить Бетти Барнард на пляже Бексхилла между полуночью и часом.

– Задача, похоже, непреодолима, – задумчиво сказал Пуаро.

– Она заставляет Кроума призадуматься, – сказал Джепп.

– Этот человек, Стрейндж, очень самоуверенный?

– Да. Он упрямый дьявол. И трудно понять, где у него изъян. Допустим, Стрейндж ошибается, и тот человек был не Каст, – с какой стати ему потребовалось говорить, что его имя Каст? И почерк в книге регистрации в отеле точно его. Нельзя сказать, что он сообщник, – у убийц-лунатиков не бывает сообщников! Умерла ли девушка позднее? Доктор совершенно тверд в своих показаниях, да так или иначе Касту потребовалось бы какое-то время, чтобы выйти из отеля в Истборне незамеченным и добраться до Бексхилла: за четырнадцать миль...

– Да, проблема, – сказал Пуаро.

– Конечно, строго говоря, это не столь важно. Мы взяли Каста на донкастерском убийстве: запачканное кровью пальто, нож – здесь уже не найдешь лазейки. Любой суд присяжных не оправдает его – никто не осмелится утверждать обратное. Но это портит красивое дело. Он совершил черстонское убийство. Он совершил андоверское. Тогда, черт возьми, он *должен* был совершить бексхиллское. Но я не вижу как!

Джепп покачал головой и поднялся.

– Теперь ваш шанс, мсье Пуаро, – сказал он. – Кроум в тумане. Напрягите свои мозговые клетки, о которых мне приходилось столько

слышать. Покажите нам, как он это сделал.

Джепп удалился.

– Ну как, Пуаро? – спросил я. – Как ваше серое вещество? Соответствует масштабам задачи?

Пуаро ответил на мой вопрос вопросом:

– Скажите, Гастингс, а вы считаете дело законченным?

– Практически да. У нас есть человек. И доказательства. Остается только доработка.

Пуаро покачал головой:

– Дело закончено! Дело! Дело – это *человек*, Гастингс. Пока мы не знаем о человеке все, тайна остается столь же глубокой. То, что мы посадили его на скамью подсудимых, – это еще не победа!

– Мы знаем довольно много о нем.

– Мы совершенно ничего не знаем! Мы знаем, где он родился. Мы знаем, что он воевал и получил ранение в голову и что он был уволен из армии из-за эпилепсии. Мы знаем, что он квартировал у миссис Марбери в течение почти двух лет. Мы знаем, что он был тихим и застенчивым – людей такого типа никто не замечает. Мы знаем, что он изобрел и воплотил впечатляюще умную схему систематизированного убийства. Мы знаем, что он совершил определенные грубые ошибки. Мы знаем, что он убивал жестоко и без сожаления. Мы знаем также, что он был весьма любезен, не позволив обвинить в совершенных им преступлениях кого-нибудь другого. Разве вы не видите, Гастингс, что этот человек – скопище противоречий? Глупый и изобретательный, безжалостный и великодушный, – *и должен найтись некий доминирующий фактор, который согласовал бы две его натуры.*

– Конечно, если вы рассматриваете его как психологический экспонат... – начал я.

– Чем еще привлекало это дело с самого начала? Все время я шел ощупью, пытаясь *прийти к выводу, кто убийца!* И теперь я понял, Гастингс, что я не знаю его вообще, я в тупике.

– Это страсть к власти...

– Да, это может объяснить многое... Но не все. Я хочу знать следующее. Почему он совершил эти убийства? Почему он выбрал именно тех людей?..

– По алфавиту...

– Разве Бетти Барнард единственная в Бексхилле, чье имя начинается с В? Бетти Барнард – у меня есть мысль... Она должна быть верной, она обязательно должна быть верной. И если так...

Он немного помолчал. Мне не хотелось его прерывать. Видимо, я задремал.

Я проснулся от прикосновения руки Пуаро к моему плечу.

– Мой дорогой Гастингс, – нежно сказал он. – Мой добрый гений.

Я был совершенно смущен этим неожиданным знаком уважения.

– Это так, – настаивал Пуаро. – Всегда, всегда вы мне помогаете... вы приносите мне удачу. Вы вдохновляете меня.

– Каким образом я вдохновил вас на этот раз? – спросил я.

– Задавая себе конкретные вопросы, я вспомнил одну вашу ремарку – ремарку, ясную как божий день. Разве я не говорил вам как-то, у вас талант констатации очевидного? Именно очевидным я пренебрег.

– Так что это за блестящая ремарка? – спросил я.

– Она сделала все прозрачным, как кристалл. Я вижу ответы на все свои вопросы. Почему миссис Ашер, почему сэр Кармайкл Кларк, зачем донкастерское убийство и, наконец, что исключительно важно, *почему Эркюль Пуаро?*

– Не будете ли вы любезны объяснить? – спросил я.

– Не сейчас. Сперва мне необходима дополнительная информация. Ее я могу получить в нашем «Специальном легионе». А потом – потом, *когда я буду иметь ответ на один вопрос, я схожу навестить АВС*. Мы наконец встретимся с глазу на глаз: АВС и Эркюль Пуаро – соперники.

– А потом? – спросил я.

– А потом, – сказал Пуаро, – мы поговорим! Уверяю вас, Гастингс, *для тех, кому есть что скрывать*, нет ничего страшнее разговора! Речь, как однажды сказал мне один старый французский мудрец, – это изобретение человека для избавления его от мыслей. Она является также непревзойденным средством для обнаружения того, что он хочет скрыть. Человек, Гастингс, не может устоять против возможности, которую ему дает беседа, без того чтобы не раскрыть себя и не выразить свою индивидуальность. Каждый раз он себя выдает.

– Что, вы ожидаете, вам расскажет Каст?

Эркюль Пуаро улыбнулся.

– Ложь, – сказал он. – А по ней я установлю истину!

Глава 32

Лису словить

В течение нескольких следующих дней Пуаро был очень занят. Он таинственно исчезал, разговаривал мало, хмурился и упорно отказывался удовлетворить мое естественное любопытство относительно того блеска, который я, по его мнению, недавно произвел.

Я не был приглашен сопровождать его в таинственных походах – факт, который в некоторой степени возмутил меня.

К концу недели, однако, он объявил о своем намерении посетить Бексхилл и его окрестности и предложил мне отправиться с ним. Нечего и говорить, я с готовностью принял это предложение.

Приглашение, как я выяснил, распространялось не только на меня, но и на членов нашего «Специального легиона».

Пуаро заинтриговал их так же, как и меня. Так или иначе, к концу дня я во всяком случае представлял направление, в котором работали мысли Пуаро.

Первым делом он посетил мистера и миссис Барнард и получил от них точные сведения относительно часа, в котором заходил мистер Каст, и что точно он сказал. Далее он отправился в отель, в котором останавливался мистер Каст, и выудил подробное описание отъезда этого джентльмена. Насколько я мог судить, новых фактов с помощью этих вопросов извлечь не удалось, но Пуаро, похоже, был вполне удовлетворен.

Потом мы отправились на пляж – на то место, где было обнаружено тело Бетти Барнард. Там он ходил кругами, в течение нескольких минут внимательно изучая гальку. В этом, по-моему, было мало смысла, поскольку приливы покрывали это место дважды в день.

Однако к этому времени я уже знал, что действия Пуаро, какими бы бессмысленными они ни казались, обычно бывают продиктованы идеей.

Далее он прошел от пляжа до ближайшего места, где могла бы припарковаться машина. Оттуда он снова пошел к тому месту, где истбурнские автобусы ждут, пока не отправятся из Бексхилла. И наконец, он повел нас всех в кафе «Рыжая кошка», где мы попили поданный пухлой официанткой Милли Хигли довольно несвежий чай.

Ей он отпустил комплимент в пышном галльском стиле:

– Лодыжки англичанок всегда очень тонки! Но у вас, мадемуазель, они

превосходны.

Милли Хигли хихикнула и попросила его не продолжать в том же духе. Она знала французских джентльменов, какие они из себя.

Пуаро и не потрудился возразить на ее ошибку относительно его национальности. Он строил ей глазки с такой откровенностью, что я был убит наповал.

– Так, – сказал Пуаро, – я закончил в Бексхилле. Теперь я еду в Истборн. Небольшое расследование там – и все. Вам необязательно сопровождать меня. А пока заедем обратно в отель и угостимся коктейлем. Этот карлтонский чай, он отвратителен!

Пока мы потягивали свои коктейли, Франклин Кларк странно произнес:

– Я полагаю, мы можем догадаться, что вы преследуете. Вы здесь, чтобы разрушить алиби. Но я не понимаю, чем вы так обрадованы. Вы не получили никаких новых фактов.

– Это правда!

– Ну и что тогда?

– Спокойствие. Все со временем образуется.

– Тем не менее вы, похоже, вполне удовлетворены собой.

– Пока ничего не противоречит моей маленькой мысли – вот почему. – Лицо его стало серьезным. – Мой друг Гастингс рассказал мне однажды, как, еще в молодости, он играл в игру под названием «Правда». В этой игре каждому по очереди задаются три вопроса, на два из которых должен быть правдивый ответ. Третий можно обойти. Вопросы же были самые что ни на есть нескромные. Но с самого начала каждый должен был поклясться, что он на самом деле будет говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Он сделал паузу.

– Ну? – сказала Меган.

– Я хочу сыграть в эту игру. Только необязательно задавать три вопроса. Одного будет достаточно. Один вопрос каждому из вас.

– Конечно, – нетерпеливо сказал Кларк, – мы ответим на все, что угодно.

– О, но я хочу, чтобы это было еще серьезнее. Готовы ли вы поклясться говорить правду?

Он так торжественно произнес это, что остальные поклялись, как он и хотел.

– Хорошо, – оживленно сказал Пуаро, – начнем...

– Я готова, – сказала Тора Грей.

– Принцип «леди в первую очередь» на этот раз был бы невежливым. Мы начнем с кого-нибудь другого. – Он повернулся к Франклину Кларку: – Что, мой дорогой Кларк, вы думаете о шляпках, которые носят леди в этом году в Аскоте?^[22]

Франклин Кларк уставился на него:

– Это шутка?

– Нет, конечно.

– Это в самом деле ваш вопрос?

– Да!

– Ну, мсье Пуаро, я, собственно, не посещаю Аскот, но, насколько я могу судить по тому, в чем проезжают на автомобилях, женские шляпы для Аскота еще нелепее, чем те, которые носят обычно.

– Эксцентричные?

– Довольно эксцентричные.

Пуаро улыбнулся и повернулся к Дональду Фрэзеру:

– Когда в этом году вы брали отпуск, мсье?

Теперь настала очередь Фрэзера застыть.

– Мой отпуск? Две первые недели августа.

Лицо его внезапно задрожало. Я догадался, что вопрос напомнил ему о потере девушки.

Однако Пуаро, похоже, не обратил особого внимания на ответ. Он повернулся к Торе Грей, и я услышал, как слегка изменился его голос. Он стал твердым. Его вопрос прозвучал остро и отчетливо:

– Мадемуазель, в случае смерти леди Кларк вышли бы вы замуж за сэра Кармайкла, если бы он вас попросил об этом?

Девушка вскочила как пружина:

– Как вы смеете задавать подобные вопросы! Это... это оскорбительно!

– Возможно. Но вы поклялись говорить правду. Ладно, «да» или «нет»?

– Сэр Кармайкл был удивительно добр. Он относился ко мне почти как к дочери. И я к нему питаю нежность и благодарность.

– Извините меня, но это не ответ. «Да» или «нет», мадемуазель?

Она заколебалась.

– Ответ – конечно, нет!

Пуаро оставил это без внимания.

– Спасибо, мадемуазель.

Он обратился к Меган Барнард. Лицо девушки было очень бледным. Она тяжело дышала, будто собиралась с силами для божьего суда.

Голос Пуаро прозвучал как удар хлыстом:

– Мадемуазель, какими вы надеетесь видеть результаты моего расследования? Хотите вы, чтобы я отыскал истину, или нет?

Голова ее гордо откинулась назад. Я был совершенно уверен в ее ответе. Я знал, что у Меган фанатичная страсть к правде.

Ответ ее прозвучал ясно... и ошеломил меня:

– Нет!

Мы все вскочили. Пуаро наклонился вперед, изучая ее лицо.

– Мадемуазель Меган, – сказал он, – вы можете не желать правды, но, клянусь честью, вам дано говорить ее!

Он направился к двери, но вернулся и подошел к Мэри Дроуэр.

– Скажите, дитя мое, у вас есть молодой человек?

Мэри выглядела испуганной и покраснела от страха.

– О, мистер Пуаро. Я... я... я не уверена.

Пуаро улыбнулся:

– Тогда это хорошо, дитя мое.

Он оглянулся на меня:

– Пойдемте, Гастингс, нам надо отправляться в Истборн.

Машина ждала, и вскоре мы уже ехали вдоль побережья по дороге, ведущей через Певенси в Истборн.

– Стоит ли вас сейчас спрашивать о чем-то, Пуаро?

– Не сейчас. Сосредоточьте внимание на том, что я делаю.

Я умолк.

Пуаро, который, по-видимому, был доволен собой, мурлыкал мотивчик. Когда мы проезжали Певенси, он предложил остановиться и осмотреть замок.

Возвращаясь к машине, мы на минутку задержались посмотреть на группу детей – десятилетних девочек-скаутов, судя по стилю их одежды. Пронзительными голосами они, фальшивя, пели песенку...

– Что это они там поют, Гастингс? Не могу разобрать.

Я прислушался, пока не уловил один припев:

...Лису словить,
И в ящик засадить,
И не давать сбежать...

– Лису словить, и в ящик засадить, и не давать сбежать! – повторил Пуаро. Внезапно его лицо помрачнело, стало суровым. – Это ужасно,

Гастингс. – Он с минуту помолчал. – Вы охотитесь на лис?

– Я – нет. У меня никогда не было возможности позволить себе охотиться. И я не думаю, чтобы в этом уголке была хорошая охота.

– Я имел в виду охоту в Англии вообще. Странный вид спорта. Ожидание в лесной чаще... затем они кричат «ату!», не так ли?.. И начинается преследование... через всю страну... через завал и канавы... а лиса бежит... и порой делает петли, запутывает след... но собаки...

– Гончие!

– ...гончие держат след и, наконец, хватают ее, и она погибает: быстро и ужасно.

– Я полагаю, что это и впрямь звучит жестоко, но, в самом деле...

– Лиса получает удовольствие? Не говорите, что это глупости, друг мой. Все-таки лучше так: быстрая, жестокая смерть, чем то, о чем пели те дети... Быть заключенным... в ящик... навсегда... Нет, это не хорошо, так вот. – Он покачал головой. Затем сказал изменившимся тоном: – Завтра я навещу мистера Каста, – и добавил, обращаясь к шоферу: – Обрато в Лондон.

– Разве вы не собираетесь в Истборн? – воскликнул я.

– С какой стати? Я знаю... вполне достаточно для своих целей.

Глава 33

Александр Бонапарт Каст

Я не присутствовал на беседе Пуаро с тем странным человеком – Александром Бонапартом Кастом. Благодаря связям в полиции и своеобразным обстоятельствам этого дела у Пуаро не было сложностей с получением ордера министерства внутренних дел, но этот ордер не распространялся на меня. В любом случае, по мнению Пуаро, было важно, чтобы беседа носила абсолютно частный характер: два человека с глазу на глаз.

Он предоставил мне, однако, настолько подробный отчет о том, что произошло между ними, что я поместил его с той же уверенностью, как если бы сам присутствовал там.

Мистер Каст, похоже, избегал общества. Его сутулость стала еще заметнее.

Некоторое время, как я понял, Пуаро молчал.

Он смотрел на человека, сидящего напротив.

Очевидно, то был драматический момент. На месте Пуаро я бы почувствовал волнение. Пуаро, однако, был поглощен лишь тем, чтобы произвести определенный эффект.

Наконец он мягко произнес:

– Вы знаете, кто я такой?

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет... нет... Не могу сказать, что знаю. Если только вы не мистера Лукаса... как это называется?.. младший. Или, возможно, вы пришли от мистера Мэйнарда? («Мэйнард и Коул» были поверенными защиты.)

Он говорил вежливо, но не очень заинтересованно. Похоже, он был охвачен какой-то внутренней рассеянностью.

– Я – Эркюль Пуаро...

Пуаро произнес слова очень мягко... и наблюдал за произведенным эффектом.

Мистер Каст немного приподнял голову:

– Неужели?

Он произнес это так же естественно, как мог бы произнести инспектор Кроум, но без высокомерия. Он поднял голову и посмотрел на Пуаро.

Эркюль Пуаро поймал его взгляд и кивнул один-два раза.

– Да, – сказал он, – я тот человек, которому вы писали письма.

Сразу же контакт был нарушен. Мистер Каст опустил глаза и заговорил раздраженным голосом:

– Я никогда вам не писал. Те письма были написаны не мной. Я устал это повторять.

– Я знаю, – сказал Пуаро, – но раз их писали не вы, то кто?

– Враг. У меня должен быть враг. Они все против меня. Полиция... каждый... все против меня. Это гигантский заговор.

Пуаро не ответил.

Мистер Каст сказал:

– Всегда чья-нибудь рука против меня.

– Даже когда вы были ребенком?

Мистер Каст задумался.

– Нет... нет... не совсем. Моя мама очень любила меня. Но она была очень честолюбива. Вот почему она дала мне эти нелепые имена. У нее была некая абсурдная идея, что я смогу стать известной личностью. Она всегда призывала меня отстаивать свои права, говорила мне о силе воли... Она говорила, что я смогу сделать все, что угодно! – Он на минуту умолк. – Она сильно ошиблась, конечно. Я понял это очень скоро. Я был не из тех людей, кто чего-то добивается в жизни. Я всегда делал глупости, становясь нелепым. И я стал очень робок, боялся людей. В школе для меня были тяжелые времена... мальчишки узнали мои имена... они постоянно дразнили меня по этому поводу... Все шло плохо в школе: в играх, в занятиях и во всем. – Он покачал головой. – Вдобавок умерла бедная мама. Даже когда я был в коммерческом колледже, мне требовалось больше времени, чем кому-либо, чтобы изучить машинопись и стенографию. И я еще не чувствовал, что я глуп, – если вы понимаете, что я имею в виду.

Он бросил неожиданно призывающий взгляд на собеседника.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – сказал Пуаро, – продолжайте.

– Это было просто ощущением, будто все *думают*, что я глупый. Очень парализующее действие. То же самое было и в офисе.

– А позднее – и на войне? – подсказал Пуаро.

Лицо мистера Каста внезапно просияло.

– Вы знаете, – сказал он, – я наслаждался войной. То есть тем, что я имел от нее. Поначалу я ощущал себя наравне со всеми. Мы все были в одной упряжке. Я был таким же, как любой другой. – Его улыбка исчезла. – А потом я получил то самое ранение в голову. Очень легкое. Они обнаружили у меня припадки... Конечно, были случаи, когда я не был вполне уверен в том, что я делал. Провалы, знаете ли. И конечно, однажды

или дважды я падал. Но я не считаю, что меня должны были из-за этого демобилизовать.

– А потом? – спросил Пуаро.

– Я получил место клерка. Конечно, я мог получать впоследствии хорошие деньги. И у меня не так плохо получалось после войны. Конечно, меньшее жалование... Я не был достаточно энергичным. Меня всегда обходили повышением. Рост был очень трудным, действительно очень трудным... Особенно когда наступил кризис. По правде говоря, я с трудом сохранял душевное равновесие. Потом это предложение относительно работы с чулками... Жалование и комиссионные!

Пуаро спокойно сказал:

– Но вы в курсе, не так ли, что фирма, которая, как вы говорите, наняла вас, отрицает этот факт?

Мистер Каст снова стал возбужденным.

– Это потому, что они в заговоре, они должны быть в заговоре. – Он продолжал: – У меня есть письменные доказательства. У меня есть их инструкции, в какое место направляться, и списки людей, к которым заходить.

– Не *письменные* доказательства, если быть точным, а *напечатанные* доказательства.

– Это то же самое. В самом деле, крупная фирма по оптовой торговле печатает свои письма.

– Разве вы не знаете, мистер Каст, что пишущую машинку можно идентифицировать? Все эти письма были напечатаны на одной машинке.

– Ну и что из этого?

– И эта машинка ваша собственная – та, что была найдена в вашей комнате.

– Она была прислана мне фирмой в начале работы.

– Да, но те письма были получены *после*. Поэтому это выглядит, будто бы вы *печатали их сами и отправляли самому себе*.

– Нет, нет! Это все часть замысла против меня! – Он неожиданно добавил: – Кроме того, их письма *могли быть* напечатаны на машинке того же типа.

– Того же типа, но не на той же самой.

Мистер Каст упрямо повторил:

– Это заговор!

– И справочники «АВС», которые были найдены в шкафу?

– Я ничего не знаю о них. Я думал, что все это чулки.

– Почему вы пометили галочкой фамилию миссис Ашер в том первом

списке людей в Андовере?

– Потому что я решил начать с нее. С кого-то надо начинать.

– Да, это так. *С кого-то надо начинать.*

– Я не это имел в виду! – сказал мистер Каст. – Не то, что вы!..

– *Но вы знаете, что я имел в виду?*

Мистер Каст ничего не ответил. Он дрожал.

– Я не делал этого! – сказал он. – Я совершенно невиновен! Это все ошибка. Вот, посмотрите на то второе преступление – то, в Бексхилле. Я играл в домино в Истборне. Вы должны признать это!

Его голос звучал торжествующе.

– Да, – сказал Пуаро. Его голос звучал размеренно, вкрадчиво. – Но это очень просто, не так ли, ошибиться на один день? И если вы настойчивый, самоуверенный человек, подобно мистеру Стрейнджу, то никогда не примете во внимание возможность быть неправым. Вы сказали, что будете настаивать... Он такого же склада. И в книге регистрации в отеле очень просто перепутать и написать неправильную дату, когда расписываетесь, – вероятно, никто сразу не заметит этого.

– Я в тот вечер играл в домино!

– Вы, наверное, очень хорошо играете в домино.

Мистер Каст немного оживился.

– Я... я... да, думаю, хорошо.

– Это очень затягивающая игра, не так ли, и требует большого умения?

– О, в ней столько вариантов, столько вариантов! Нам приходилось много играть в Сити, в обеденный перерыв. Вас бы поразило то, как совершенно незнакомые люди сходятся за игрой в домино. – Он усмехнулся. – Я помню одного человека, – я всегда помнил его, потому что он кое-что мне рассказал, – мы просто разговаривали за чашкой кофе и начали играть в домино. Да, спустя двадцать минут я почувствовал, что знаю этого человека всю жизнь.

– А что он вам рассказал?

Лицо мистера Каста помрачнело.

– Во мне все изменилось, отвратительно изменилось. Он предсказывал судьбу по рисунку на руке. И он показал мне свою руку и те линии, которые говорили, что он дважды будет тонуть, а он действительно дважды чуть не утонул. А затем он посмотрел на мою и предсказал мне удивительные вещи: что мне предстоит стать одним из самых знаменитых людей в Англии еще до того, как я умру. Сказал, что обо мне будет говорить вся страна. Но он сказал... он сказал....

Мистер Каст замолк, запнувшись...

– Да?

От пристального взгляда Пуаро исходил магнетизм. Мистер Каст посмотрел на него, оглянулся, потом еще раз оглянулся, словно зачарованный кролик.

– Он сказал... он сказал... похоже на то, что я могу умереть насильственной смертью, потом засмеялся и сказал, что это было просто шуткой с его стороны... – Он неожиданно замолчал. Глаза его уже не смотрели на Пуаро, а бегали по сторонам... – Моя голова... Я очень сильно страдаю от головной боли... Иногда боли бывают очень жестокими. А потом наступает пора, когда я не знаю... когда я не знаю...

Он замолк.

Пуаро наклонился вперед. Он говорил спокойно, но очень уверенно:

– *Но вы знаете, не так ли, что вы совершили убийства?*

Мистер Каст поднял глаза. Взгляд его был вполне спокоен и прям. Силы противодействия оставили его. Он выглядел странным в этом спокойствии.

– Да, – сказал он. – Я знаю.

– Но я прав, не так ли, – вы не знаете, почему прикончили их?

Мистер Каст покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Не знаю.

Глава 34

Пуаро объясняет

Мы сидели в напряжении и внимательно слушали заключительное объяснение Пуаро по этому делу.

– На всем протяжении этого дела, – говорил он, – меня беспокоил вопрос: *почему?* Гастингс сказал мне как-то, что дело закончено. Я ответил ему, что дело заключается в человеке! Эта тайна заключалась не в *тайне убийств*, а в *тайне АВС*. Почему он считал, что необходимо было совершать эти убийства? Почему он выбрал *меня* в качестве соперника?

Это не ответ, что человек был сумасшедшим. Сказать, что человек совершает безумство, потому что он безумен, – это просто невежественно и глупо. Сумасшедший так же логичен и рассудителен в своих действиях, как и нормальный человек: *привержен своей индивидуальной, пристрастной точке зрения*. Например, если человек настаивает на том, чтобы выйти и сесть на корточки в одной только набедренной повязке, то его поведение будет выглядеть крайне эксцентрично. Но стоит вам только узнать, что сам человек твердо убежден, что он Махатма Ганди, как его поведение становится совершенно приемлемым и логичным.

Что было важно в этом деле, так это представить ум, устроенный так, чтобы для него было логично и приемлемо совершить четыре или более убийств и заявить о них заранее письмами, адресованными Эркюлю Пуаро!

Мой друг Гастингс подтвердит вам, что с того момента, как я получил первое письмо, я был расстроен и обеспокоен. Мне сразу же показалось, что с этим письмом что-то не так.

– Вы были совершенно правы, – сухо произнес Франклин Кларк.

– Да. Но тогда, в самом начале, я совершил ошибку. Я позволил своим предчувствиям, моим очень сильным предчувствиям остаться на уровне простого впечатления. Я относился к ним, как будто это была интуиция. У уравновешенного, здравомыслящего ума не бывает такой вещи, как интуиция – вдохновенная догадка! Вы, конечно, можете догадываться – и догадка будет либо верная, либо ложная. Если она верна, то вы называете это интуицией. Если она ложная, то вы обычно больше не упоминаете о ней. Но то, что часто называют интуицией, на самом деле является впечатлением, основанным на логической дедукции или на опыте. Когда

знаток чувствует, что что-то не так с картиной, или элементом мебели, или с подписью на чеке, он на самом деле основывает свое ощущение на множестве признаков и деталей. Ему нет необходимости вникать в них подробно, – его опыт избавляет его от этого, а результатом является *определенное впечатление, что что-то не так*. Но это не догадка – это *впечатление, основанное на опыте*.

Ну ладно, я признаю, что не оценил должным образом письмо. Оно встревожило меня. Я был убежден, что, как и утверждалось, убийство в Андовере произойдет. Я не ошибся. Не было никаких оснований и средств узнать, *кто* был тем *человеком*, который это совершил. Единственной возможностью было попытаться понять, *что за человек* это совершил.

У меня были определенные отправные точки: письмо, стиль преступления, жертва. Необходимо было выяснить мотив преступления, мотив написания письма.

– Огласка, – предположил Кларк.

– Разумеется, комплекс неполноценности это объясняет, – добавила Тора Грей.

– Конечно, это очевидная линия, по которой следует мысль. Но почему *мне!* Почему Эркюлю Пуаро? Большую огласку можно было обеспечить, послав письма в Скотленд-Ярд. Большую, опять же, послав их в газету. Газета могла не напечатать первое письмо, но к моменту второго преступления АВС мог быть уверен в самой широкой огласке, на какую только способна пресса. Тогда почему Эркюлю Пуаро? По каким-то *личным* причинам? В письме было заметно легкое предупреждение против иностранцев, но этого объяснения было недостаточно, чтобы удовлетворить меня.

Далее пришло второе письмо, после чего последовало убийство Бетти Барнард в Бексхилле. Тогда стало ясно (хотя я об этом уже подозревал), что убийства продолжаются в алфавитном порядке. Но этот факт, который казался окончательным для большинства людей, для меня оставался вопросом. Почему АВС *нужно* совершать эти убийства?

Меган Барнард поерзала в кресле.

– Разве это не жажда крови?.. – сказала она.

Пуаро повернулся к ней:

– Вы совершенно правы, мадемуазель, – жажда убивать. Но это не вполне соотносится с фактами. Маньяк-убийца, который хочет убивать, обычно хочет убить *как можно больше жертв*. Это часто повторяющееся страстное желание. Главная мысль такого убийцы – замести следы, а *не рекламировать их*. Когда мы внимательнее посмотрим на выбранные

жертвы, пойдем, что он мог покончить с ними, не навлекая на себя подозрений. Франц Ашер, Дональд Фрэзер или Меган Барнард, возможно, мистер Кларк – это те люди, которых подозревала бы полиция, даже если бы не располагала прямыми уликами. О неизвестном маньяке-убийце и не подумали бы! Почему тогда убийца почувствовал, что необходимо привлечь к себе внимание? Была ли необходимость оставлять у каждого тела экземпляр железнодорожного справочника «АВС»? Было ли это принуждением? Существовал ли какой-то комплекс, связанный с *железнодорожным справочником*?

Представив себя на месте убийцы, я счел это невыносимым. Не великодушные же это? Страх перед ответственностью за преступление, приписанное невиновному?

Хотя я не мог ответить на главный вопрос, но я чувствовал, что узнаю об убийце определенные вещи.

– Какие, например? – спросил Фрэзер.

– Начнем с того, что он обладал табличным умом. Его преступления были составлены в алфавитном порядке, – это, безусловно, было для него важно. С другой стороны, он был довольно неразборчив в жертвах: миссис Ашер, Бетти Барнард, сэр Кармайкл Кларк – все они сильно отличаются друг от друга. Это не был ни сексуальный комплекс, ни определенный возрастной комплекс, и этот факт показался мне очень любопытным. Если человек убивает неразборчиво, то это обычно оттого, что он устраняет всякого, кто стоит у него на пути или раздражает его. Но *алфавитный порядок показывает*, что это не тот случай. Убийца другого типа обычно выбирает *определенный тип жертв* – почти всегда противоположного пола. Что-то было случайное в образе действий АВС и, как мне показалось, противоречило алфавитному отбору.

Я позволил себе сделать одно небольшое умозаключение. Свой образ, который АВС предложил мне, я мог бы назвать *железнодорожным* человеком. Это более присуще мужчинам, нежели женщинам. Мальчики любят поезда больше, чем девочки. Это мог бы быть также признак в некотором роде недоразвитого ума. Мотив «мальчика» еще преобладал.

Смерть Бетти Барнард и ее характер дали мне другие конкретные направления. Характер ее смерти вызывал определенные мысли (да простит меня мистер Фрэзер). Начнем с того, что она была задушена собственным поясом, следовательно, она почти наверняка была убита кем-то, с кем она была в дружеских или любовных отношениях. Когда я узнал кое-что о ее характере, у меня в голове сложилась картина.

Бетти Барнард была кокетка. Она любила, когда на нее обращали

внимание красивые мужчины. Следовательно, для того, чтобы уговорить ее пройти вместе, АВС необходимо было иметь определенную *привлекательность* – сексуальную притягательность! Он должен уметь, как вы, англичане, говорите, «откалывать всякое». Он должен был произвести впечатление, иметь успех! Я мысленно представляю себе сцену на пляже таковой: человек восхищается поясом. Она снимает его. Он играючи обвивает его вокруг ее шеи, говорит, возможно: «Я сейчас тебя задушу». Все очень игриво. Она хихикает – и он затягивает...

Дональд Фрэзер вскочил, побагровев.

– Мсье Пуаро, ради бога!

Пуаро жестом остановил его:

– Все. Я больше ничего не скажу. Закончили. Мы переходим к следующему убийству – сэра Кармайкла Кларка. Здесь убийца возвращается к своему первому способу – удару по голове. Тот же самый алфавитный комплекс, но один факт немного беспокоит меня. Чтобы быть последовательным, убийца должен был бы выбирать города в строгом порядке.

Если Андовер стоит на сто пятьдесят пятом месте буквой А, то город на В должен быть тоже на сто пятьдесят пятом или же на сто пятьдесят шестом, а С – на сто пятьдесят седьмом... Здесь опять же получается, что города выбраны довольно беспорядочным образом.

– Не оттого ли это, что вы слегка заикнулись на этом предмете, Пуаро? – предположил я. – Вы сами обычно методичны и аккуратны. Это у вас почти болезнь!

– Нет, это *не* болезнь! Какая мысль! Но я допускаю, что могу здесь перегибать. Продолжим. Убийство в Черстоне мало помогло мне. Нам с ним не повезло, так как письмо, объявляющее его, заплутало. Следовательно, невозможно было подготовиться.

Но ко времени, когда было объявлено убийство D, была развернута очень грозная система защиты. Стало очевидным, что АВС не мог более надеяться выйти сухим из воды.

Более того, именно в этот момент у меня в руках оказалась ниточка – чулки. Было совершенно ясно, что наличие индивидуальной продажи чулок вблизи сцены каждого преступления не могло быть совпадением. Следовательно, продавец чулок и может быть убийцей. Должен сказать, что описание его внешности, данное мне мисс Грей, не вполне соответствовало моему представлению о человеке, который задушил Бетти Барнард.

Следующий этап я пройду быстро. Было совершено четвертое убийство – убийство человека по имени Джордж Эрлсфилд, –

предположительно по ошибке, вместо человека по имени Даунз, который был примерно того же телосложения и сидел в кинотеатре рядом.

Теперь, наконец, прилив поворачивает обратно. События играют против АВС, вместо того чтобы быть у него в руках. Он замечен, выслежен и, наконец, арестован.

Дело, как говорит Гастингс, завершено!

Ровно настолько, насколько заинтересована общественность. Человек в тюрьме и, без сомнения, вскоре отправится в Бродмур. Больше не будет убийств. Выходит! Конец! RIP! [\[23\]](#)

Но не для меня! Я ничего не знаю – совершенно ничего! Ни *почему*, ни *по какой причине*.

И плюс еще один досадный факт. У этого Каста есть алиби относительно ночи, когда произошло убийство в Бексхилле.

– Это меня все время беспокоит, – сказал Франклин Кларк.

– Да. Это беспокоило и меня. Поскольку алиби смахивает на подлинное. Но оно не может быть подлинным, если... вот мы и подходим к двум очень интересным теориям.

Допустим, друзья мои, что в то время, как Каст совершил три преступления: преступления А, С и D, – он *не совершал преступления В*.

– Мсье Пуаро. Это не...

Пуаро своим взглядом заставил замолчать Меган Барнард.

– Спокойно, мадемуазель. Я за правду! Да! Я вытерпел много лжи. Допустим, говорю я, что АВС *не совершал второго* преступления. Оно произошло, помните, в первые часы 25-го – в день, когда он прибыл для совершения преступления. Допустим, что кто-то опередил его, а? Что ему оставалось делать при этих обстоятельствах? Совершить *второе* убийство или залечь и *принять этот своего рода подарок?*

– Мсье Пуаро! – сказала Меган. – Это фантастическая мысль! Все убийства *должны* были быть совершены одним лицом!

Пуаро не обратил на нее внимания и спокойно продолжал:

– Подобная гипотеза имеет достоинство в том, что объясняет один факт: *противоречие между личностью Александра Бонапарта Каста* (который ни за что бы не смог понравиться девушке) *и личностью убийцы Бетти Барнард*. Давно уже известно, что предполагаемые убийцы используют преступления, совершенные другими людьми. Например, не все преступления Джека Потрошителя были совершены самим Джеком Потрошителем. Пока все хорошо.

Но тогда я упираюсь в известную трудность.

До убийства Барнард *не были преданы огласке факты, касающиеся*

АВС. Андоверское убийство не вызвало большой интерес. Инцидент с раскрытым железнодорожным справочником даже не был упомянут в прессе. Из этого следует, что, кто бы ни убил Бетти Барнард, он *должен был иметь доступ к фактам, известным только определенному кругу лиц:* мне, полиции, а также родственникам и соседям миссис Ашер.

Это направление расследования, похоже, привело меня в тупик.

Мы были озадачены.

Дональд Фрэзер задумчиво произнес:

– Полиция, в конце концов, тоже состоит из людей. И они симпатичные люди...

Он остановился, вопросительно глядя на Пуаро.

Пуаро мягко покачал головой:

– Нет, все гораздо проще. Я вам говорил, что есть вторая теория.

Допустим, что Каст не ответствен за убийство Бетти Барнард. Допустим, что *кто-то* другой убил ее. Может ли тогда тот, другой быть ответственным также и за другие убийства?

– Но в этом нет смысла! – воскликнул Кларк.

– Разве? Я тогда проделал то, *что обязан был проделать с самого начала.* Я с разных сторон исследовал полученные письма и сразу почувствовал, что с ними что-то не так, – подобно тому, как эксперт по живописи осознает, что картина поддельная... Я предположил, не вдаваясь в размышления, что этим «не тем» был *тот факт, что они были написаны здравомыслящим человеком!*

– Что? – воскликнул я.

– Вот именно – в точности так! Они были поддельными, как бывают поддельными картины, *потому что являлись самой настоящей фальшивкой!* Они претендовали на письма сумасшедшего лунатика-убийцы, а на самом деле ничего общего с таковым не имели.

– В этом нет смысла, – повторил Франклин Кларк.

– Вот именно! Всему должна быть причина. Что может быть целью написания подобных писем? Сконцентрировать внимание на авторе, привлечь внимание к убийствам! На первый взгляд это не имеет смысла. Но потом я прозрел. Это делалось для того, чтобы сконцентрировать внимание на нескольких убийствах – *на группе убийств...* Не у вашего ли великого Шекспира сказано: «За деревьями леса не видеть».

Я не стал исправлять литературные реминисценции Пуаро. Я старался понять его. Он продолжал:

– Когда вы менее всего замечаете булавку? Когда она воткнута, как и все, в подушечку! Когда вы менее всего замечаете отдельное убийство?

Когда оно является одним из *серии связанных убийств*.

Мне пришлось иметь дело с чрезвычайно умным, находчивым убийцей – до мозга костей отчаянным, дерзким игроком. Не с мистером Кастом! Он ни за что бы не совершил этих убийств! Нет, мне пришлось иметь дело с человеком совсем другого склада – человеком с мальчишеским темпераментом (свидетельством тому письма, словно написанные школьником, и железнодорожный справочник), человеком, привлекательным для женщин, человеком, обладающим безжалостным пренебрежением к человеческой жизни, человеком, который непременно фигурировал в одном из этих преступлений!

Смотрите: когда убивают мужчину или женщину, какие вопросы задает полиция? Предоставленная возможность. Где все находились в момент убийства? Мотив. Кому была выгодна смерть покойного? Если и мотив, и удобный случай совершенно очевидны, что делает мнимый убийца? Фабрикует алиби, то есть каким-то образом манипулирует со временем. Но это всегда было рискованным предприятием. Наш убийца додумался до более причудливой защиты. Создал маньяка-убийцу!

Мне оставалось только пройти по различным преступлениям и найти возможного виновника. Андоверское убийство? Наиболее вероятным подозреваемым был Франц Ашер, но я не мог представить, что Ашер изобрел и внедрил столь выверенную схему, как вообще то, что он запланировал преднамеренное убийство. Дональд Фрэзер имел возможность это сделать. Он умный и способный, его уму присуща методичность. Но мотивом убийства своей возлюбленной может быть только ревность, а ревность не имеет склонности к преднамеренности. Я узнал также, что у него был отпуск в *начале* августа, что делает маловероятным то, что он как-то связан с убийством в Черстоне. Мы подходим теперь к черстонскому убийству – и сразу же оказываемся на почве, которая безгранично благодатнее.

Сэр Кармайл Кларк был очень богат. Кто наследует деньги? Его жена, которая умирает, а потом все переходит к *его брату Франклину*. – Пуаро не спеша повернулся, пока глаза его не встретились с глазами Франклина Кларка. – И тогда у меня не осталось сомнений. Человек, который долгое время был известен мне подсознательно, *соединился с человеком, которого я знал лично. АВС и Франклин Кларк были одним и тем же лицом!* Дерзкий, предприимчивый характер, жизнь кочевника, пристрастие к Англии, очень незаметно проявившееся в насмешке над иностранцами. Легкие, свободные и привлекательные манеры: для него нет ничего легче, чем познакомиться с девушкой в кафе. Методичный, табличный ум – однажды он составил

список, выделив начала: АВС. И наконец, мальчишеский образ мыслей, упомянутый леди Кларк, который даже проглядывается в его любви к фантастике. Я выяснил, что в его библиотеке есть книга Э. Несбита под названием «Дети железной дороги». У меня не оставалось больше сомнений: АВС, человек, который написал те письма и совершил преступления, – это *Франклин Кларк*.

Внезапно Кларк расхохотался:

– Очень остроумно! А как насчет нашего друга Каста, пойманного с окровавленными руками? Как насчет крови на его пальто? И ножа, который он прятал в своем жилище? Он может сколько угодно отрицать, что совершил преступления...

Пуаро прервал его:

– Вы совершенно не правы. Он признает этот факт.

– Что? – Кларк был в самом деле поражен.

– О да, – мягко сказал Пуаро, – я поговорил с ним не раньше, чем убедился, что Каст *верит в свою виновность*.

– И даже это не удовлетворило мсье Пуаро? – спросил Кларк.

– Нет. Потому что, как только я увидел его, я сразу *понял, что он не может быть виновен!* У него нет ни крепких нервов, ни решительности, ни, смею добавить, ума для того, чтобы составить план! На всем протяжении я убеждался в раздвоении личности убийцы. Теперь я вижу, в чем она состояла. Были замешаны двое: настоящий убийца – хитрый, находчивый, смелый, и псевдоубийца – глупый, нерешительный и поддающийся внушению.

Поддающийся внушению – именно в этих словах заключается тайна мистера Каста! Для вас не было достаточно, мистер Кларк, изобрести план для отвлечения внимания от единичного убийства. Вам понадобился еще и козел отпущения.

Думаю, впервые эта идея пришла к вам после случайной встречи в городской кофейне со странным человеком, носящим напыщенные имена. Тогда вы проворачивали в голове различные планы убийства своего брата.

– В самом деле? А зачем?

– Потому что вы были серьезно обеспокоены будущим. Не знаю, осознали вы это, мистер Кларк, или нет, но вы сыграли мне на руку, когда показали письмо, написанное вам вашим братом. В нем он четко выказывал свою привязанность и увлечение мисс Торой Грей. Его отношение, может быть, было отеческим, или же он так предпочитал об этом думать. Тем не менее существовала реальная опасность, что после смерти своей жены он мог, принимая во внимание его одиночество, повернуться в поисках

сочувствия и поддержки к этой прекрасной девушке, что могло кончиться, как это часто случается с пожилыми мужчинами, женитьбой на ней. Ваши опасения выросли из-за мисс Грей. Вы, мне представляется, превосходный, в некоторой степени циничный знаток характеров. Вы сделали вывод, не знаю, правильный или нет, что мисс Грей из того типа женщин, которые «себе на уме». У вас не было сомнений, что она не упустит случая стать леди Кларк. Ваш брат был чрезвычайно богатым и бодрым человеком. Могли появиться дети, и тогда ваши шансы на унаследование состояния брата испарились бы.

Вы, мне представляется, были, в сущности, человеком, разочарованным своей жизнью. Про таких, как вы, говорят: «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет». Вы горько завидовали состоянию вашего брата.

Возвращаясь к тому, как вы прокручивали в голове различные схемы и как встреча с мистером Кастом навела вас на мысль. Его напыщенные имена, его эпилептические припадки и головные боли, его полная замкнутость и принижение себя – все это осенило вас: вот подходящее вам оружие. Весь алфавитный план возник в вашей голове: инициалы Каста, тот факт, что имя вашего брата начинается с английской С, и то, что он живет в Черстоне, были стержнем схемы. Вы даже дошли до того, что намекнули Касту на его возможный конец, хотя вряд ли надеялись, что ваше внушение принесет такие богатые плоды!

Ваши приготовления были превосходны. От имени Каста вы выписали большую партию чулочных изделий. Сами вы послали несколько справочников «АВС», которые выглядели как схожая посылка. Вы послали ему запечатанное письмо якобы от той же фирмы, предложив ему хорошее жалование и комиссионные. Ваши планы так хорошо были заранее проработаны, что вы напечатали сразу все письма, которые впоследствии разослали, и *затем преподнесли машинку, на которой печатали, ему в подарок.*

Теперь вам надо было выбрать две жертвы, чьи имена начинались соответственно с А и В и которые жили в местах, начинающихся с тех же букв.

Вы нашли Андовер вполне подходящим местом, и ваша предварительная рекогносцировка привела к выбору лавки миссис Ашер в качестве места первого преступления. Ее имя было четко написано над дверью, и вы путем эксперимента выяснили, что обычно она бывала в лавке одна. Для убийства ее нужны были нервы, решительность и немного везения.

Что касается буквы В, то вам пришлось изменить тактику. Одиноких женщин в лавках могли предупредить. Могу представить, сколько вы обошли кафе и чайных, веселясь и отпуская шутки с девушками, выискивая тех, чьи имена начинаются с нужной буквы и которые подошли бы для ваших целей.

В Бетти Барнард вы нашли то, что искали. Вы пару раз пригласили ее куда-нибудь, объяснив, что вы женаты и, следовательно, прогулки должны проходить тайно.

Итак, ваши приготовления были закончены, и вы принялись за работу! Вы послали Касту список андоверских клиентов, приказав ему отправиться туда в определенный день, и послали первое письмо от АВС мне.

В назначенный день вы поехали в Андовер и убили миссис Ашер – при этом ничто не помешало вашим планам осуществиться.

Убийство номер 1 было успешно выполнено.

Что касается второго убийства, то вы приняли меры предосторожности и на самом деле совершили его *на день раньше*. Я совершенно уверен, что Бетти Барнард была убита до полуночи 24 июля.

Теперь мы подходим к убийству номер 3 – самому важному, *настоящему* убийству, с вашей точки зрения.

И вот здесь надо отдать должное Гастингсу, сделавшему простое и очевидное замечание, на которое мы не обратили внимания.

Он предположил, что третье письмо заплутало умышленно!

И он был прав!..

В этом одном простом факте лежит ответ на вопрос, который все это время мучил меня. Почему эти три письма были в первую очередь адресованы Эркюлю Пуаро, частному детективу, а не полиции?

Ошибочно я предполагал некую личную причину.

Вовсе нет! Письма были посланы мне, потому что стержнем вашего плана было то, что одно из них *должно было быть адресовано неправильно и заплутать*. Но вы не могли устроить так, чтобы письмо, адресованное отделу по расследованию уголовных преступлений Скотленд-Ярда, вдруг заплутало! Необходимо было иметь частный адрес. Вы выбрали меня как личность, хорошо известную, и личность, которая, несомненно, отнесет письма в полицию; а также в своем довольно островном сознании вы наслаждались победой над иностранцем.

Вы очень сообразительно надписали конверт: Уайтхэйвн – Уайтхорс – очень достоверная описка. Только Гастингс был достаточно проницательным, чтобы не пройти мимо уловки и направиться прямо к очевидному!

Конечно, письму было *предназначено* заплутать! Полиции надо было позволить напасть на след *только после того, как убийство успешно совершится*. Удобным случаем для вас послужили вечерние прогулки вашего брата. А террор АВС настолько успешно овладел сознанием общественности, что возможность вашей вины никому и в голову не пришла.

После смерти вашего брата, конечно, цель была достигнута. У вас не было желания еще совершать убийства. С другой стороны, если бы убийства прекратились без причины, то кто-нибудь мог заподозрить правду.

Ваш козел отпущения, мистер Каст, так удачно воплотился в роль невидимки, поскольку был малоприметным; и никто не заметил, что один и тот же человек мелькал вблизи сцены трех убийств! К вашему разочарованию, даже его визит в Комбесайд не был упомянут. Это дело полностью вылетело из головы мисс Грей.

Будучи всегда решительны, вы сочли, что должно произойти еще одно убийство, но на этот раз путь должен быть проложен очень тщательно.

Местом действия вы выбрали Донкастер.

План ваш был очень прост. Сами вы будете на месте по разумеющимся обстоятельствам. Мистера Каста направит в Донкастер фирма. Вашим намерением было следовать за ним повсюду и ждать удобного случая. Все вышло замечательно. Мистер Каст отправился в кино. Это упростило вашу задачу. Вы сели рядом через несколько мест от него. Когда он встал, чтобы уйти, вы сделали то же самое. Вы притворились, что споткнулись, наклонились и закололи человека, дремавшего на переднем ряду. Опустили ему на колени «АВС» и удачно столкнулись в темном дверном проеме с мистером Кастом, вытерев при этом нож о его рукав и опустив его ему в карман.

Вас ничуть не трогало, что надо выбрать жертву с именем на букву D. Можно любого! Вы посчитали – и совершенно верно, – что это будет расценено как ошибка. Там неподалеку наверняка должен был оказаться кто-то на букву D. И все посчитали бы, что он-то и предназначался в жертву.

А теперь, друзья мои, давайте рассмотрим это дело с точки зрения ложного АВС – с точки зрения мистера Каста.

Андоверское убийство ничего для него не означало. Он был поражен и удивлен бексхиллским: почему он сам оказался там в это время? Потом случилось убийство в Черстоне, и запестрели заголовки в газетах. Преступление АВС в Андовере, когда он там был, преступление АВС в Бексхилле, и вот теперь еще одно рядом... Три преступления, *и он был на*

месте каждого из них. Люди, страдающие эпилепсией, часто не могут вспомнить, что они делали... Помните, что Каст был нервным, очень невротическим субъектом и легко поддающимся внушению.

Потом он получает указание ехать в Донкастер.

Донкастер! И следующее преступление АВС должно быть в Донкастере. Он, должно быть, почувствовал, что это судьба. У него сдают нервы, он воображает, что его хозяйка посматривает на него подозрительно, и говорит, что едет в Челтенхэм.

Он едет в Донкастер, потому что это его обязанность. Днем он идет в кино. Возможно, он на одну-две минуты задремал. Представьте его чувства, когда по возвращении в свою гостиницу он обнаруживает *кровь на рукаве пальто, а в кармане – запачканный кровью нож*. Все его смутные дурные предчувствия превращаются в уверенность.

Он – он сам – убийца! Он вспоминает свои головные боли, свои провалы в памяти. Он совершенно уверен в истине: *он, Александр Бонапарт Каст, – лунатик-убийца.*

Его поведение впоследствии – это поведение преследуемого животного. Он возвращается в свое жилище в Лондоне. Он там в безопасности. Они думают, что он был в Челтенхэме. Нож все еще у него – совершенно глупо так поступать, конечно. Он прячет его за вешалкой в холле.

Потом, в один прекрасный день, его предупреждают, что придет полиция. Это конец! *Они знают!*

Преследуемое животное делает последний рывок...

Я не знаю, почему он поехал в Андовер, – патологическое желание, мне кажется, пойти и посмотреть на то место, где было совершено преступление, которое совершил *он*, хотя ничего об этом не может вспомнить.

У него не осталось денег, он изможден... Ноги добровольно несут его к полицейскому участку.

Но даже загнанный в угол зверь продолжает бороться. Мистер Каст полностью верит в то, что он совершил убийства, но упорно настаивает на своей невиновности. И он хватается за алиби при втором убийстве. По крайней мере, его нельзя в этом обвинить.

Как я уже сказал, когда я увидел его, то сразу понял, что он не убийца и что мое имя ему *ни о чем не говорит*. Я также знал, что он *считает* себя убийцей!

После того как он *признался мне* в своей виновности, я более чем когда-либо убедился в правоте моей теории.

– Ваша теория, – сказал Франклин Кларк, – это абсурд!

Пуаро отрицательно покачал головой:

– Нет, мистер Кларк. Вы были в безопасности до тех пор, *пока вас никто не подозревал*. Как только вы *стали* подозреваться, раздобыть доказательства оказалось легко.

– Доказательства?

– Да. Я нашел в шкафу в Комбесайде трость, которой вы пользовались при совершении убийств в Андовере и Черстоне. Обыкновенная трость с тяжелым набалдашником. Часть дерева была удалена и залита расплавленным свинцом. Вашу фотографию выбрали из полдюжины других двое людей, которые видели, как вы выходили из кинотеатра в то время, когда предполагалось, что вы находитесь на донкастерском ипподроме. В Бексхилле вас опознали Милли Хигли и девушка из «Скарлет Раннер Роудхаус», куда вы приводили ужинать Бетти Барнард в тот фатальный для нее вечер. И наконец, наиболее непростительное из всех – вы пренебрегли *самыми элементарными мерами предосторожности*. Вы оставили отпечатки пальцев на машинке Каста – той самой машинке, которую, если вы невиновны, вы никогда не могли держать в руках.

Кларк с минуту сидел спокойно и затем произнес:

– Красное, нечет, мимо!^[24] Вы выиграли, мсье Пуаро! Но ведь стоило рискнуть!

Невероятно быстрым движением он выхватил из кармана небольшой пистолет и приставил к своему виску.

Я вскрикнул и невольно вздрогнул, ожидая выстрела. Но боек щелкнул вхолостую.

Кларк застыл в изумлении и издал проклятия.

– Нет, мистер Кларк, – сказал Пуаро, – вы, должно быть, заметили, что сегодня у меня новый слуга, мой друг, искусный вор-карманник. Он вытащил ваш пистолет из кармана, разрядил его и вернул на прежнее место, да так, что вы об этом и не узнали.

– Вы – неописуемый, жалкий выскочка-иностранец! – выпалил Кларк, багровый от гнева.

– Да, да, это по-вашему. Нет, мистер Кларк, не видать вам легкой смерти. Вы сказали мистеру Касту, что чуть было не утонули. Вы знаете, что это значит: то, что вас ждет иная судьба.

– Вы...

Лицо его было мертвенно-бледным. Кулаки угрожающе сжались.

Два детектива из Скотленд-Ярда появились из соседней комнаты. Одним из них был Кроум. Он прошел вперед и произнес свойственную

данному моменту фразу:

– Я предупреждаю вас, что все, что вы скажете, может быть использовано как свидетельство.

– Он сказал уже достаточно, – произнес Пуаро и добавил, обращаясь к Кларку: – Вы слишком переполнены чувством островного превосходства, но я лично считаю ваше преступление совсем не английским, не спортивным...

Глава 35

Финал

Печально сознавать, но, когда дверь за Франклином Кларком закрылась, я истерически захохотал.

Пуаро взглянул на меня с легким удивлением.

– Вы ему сказали, что преступление не спортивно, – задыхался я.

– Это правда. Оно отвратительно – не столько убийством брата, сколько жестокостью, с которой к смерти заживо был приговорен несчастный человек. *Лису словить, и в ящик засадить, и не давать сбежать!* Это не спортивно!

Меган Барнард тяжело вздохнула:

– Не могу поверить... не могу. Это правда?

– Да, мадемуазель. Кошмар окончен.

Она взглянула на него, и ее румянец стал ярче.

Пуаро повернулся к Фрэзеру:

– Мадемуазель Меган все время преследовал страх, что это вы совершили второе преступление.

Дональд Фрэзер спокойно ответил:

– Я сам представил себе это однажды.

– Из-за вашего сна? – Он придвинулся ближе к молодому человеку и доверительно понизил голос: – Ваш сон имеет очень естественное объяснение. Вы признали, что образ одной сестры уже исчез из вашей памяти и его место заняла другая сестра. Мадемуазель Меган заменила в вашем сердце свою сестру, но, поскольку вы не допускали мысли, что стали неверным мертвой так скоро, вы старались подавить эти мысли, убить их! Вот и объяснение вашему сну.

Глаза Фрэзера остановились на Меган.

– Не бойтесь забыть, – мягко произнес Пуаро, – она не слишком достойна воспоминаний. В лице мадемуазель Меган вы имеете одну из ста – у нее *великолепное* сердце!

Глаза Фрэзера просияли.

– Думаю, вы правы.

Мы все окружили Пуаро, задавая вопросы, проясняя тот или иной факт.

– Те вопросы, Пуаро, которые вы задавали каждому? Был в них какой-

нибудь смысл?

– Некоторые из них были просто чепухой. Но я выяснил одну вещь, которую хотел знать, – *что Франклин Кларк был в Лондоне в момент отправления первого письма.* А также я хотел посмотреть на его реакцию, когда задавал вопросы мадемуазель Торе. Он был застигнут врасплох. В его глазах я увидел злобу и гнев.

– Нельзя сказать, что вы пощадили мои чувства, – сказала Тора Грей.

– Я и не воображал, что вы дадите мне правдивый ответ, мадемуазель, – сухо произнес Пуаро. – Теперь и вторая ваша надежда не сбывается. Франклин Кларк не унаследует деньги брата.

Она вскинула голову.

– Должна ли я оставаться здесь и выслушивать оскорбления?

– Ни в коей мере, – ответил Пуаро и вежливо распахнул перед ней дверь.

– Те отпечатки пальцев окончательно решили дело, Пуаро, – произнес я задумчиво. – Он совсем сдался, когда вы упомянули об этом.

– Да, от них есть польза – от отпечатков. – Он многозначительно добавил: – Я вставил это, чтобы порадовать вас, друг мой.

– Но, Пуаро! – воскликнул я. – Разве это не правда?

– Ни в малейшей степени, друг мой, – сказал Эркюль Пуаро.

Необходимо упомянуть и о визите, который несколькими днями позже нанес нам мистер Александр Бонапарт Каст. Он усердно пожал руку Пуаро и приложил старания, чтобы очень несвязно и безуспешно отблагодарить его. Мистер Каст пришел в себя и сказал:

– Вы знаете, ведь газеты предложили мне сотню фунтов – сотню фунтов за короткий рассказ о моей жизни и этой истории. Я... я просто не знаю, что с этим делать.

– Я бы не принял сотню, – сказал Пуаро, – будьте непреклонны. Скажите, что ваша цена – пять сотен. И не ограничивайтесь одной газетой.

– Вы и в самом деле думаете... что я мог бы...

– Вы должны усвоить, – сказал Пуаро, улыбаясь, – что вы сегодня самый известный человек в Англии.

Мистер Каст воспрянул еще больше. Лицо его засияло.

– Вы знаете, я думаю, вы правы! Известный! Во всех газетах. Я воспользуюсь вашим советом, мсье Пуаро. Деньги очень приемлемые, очень приемлемые. Я возьму небольшой отпуск... А потом я хочу преподнести красивый свадебный подарок Лили Марбери... милой девушке... очень милой девушке, мсье Пуаро!

Пуаро ободряюще похлопал его по плечу:

– Вы совершенно правы. Живите в свое удовольствие. И... на два слова... как насчет визита к окулисту? Эти головные боли... вероятно, это от того, что вам нужны новые очки.

– Вы думаете, что они от этого?

– Я думаю.

Мистер Каст горячо пожал ему руку:

– Вы великий человек, мсье Пуаро!

Пуаро, как обычно, не пренебрег комплиментом. Ему даже не удалось изобразить скромника.

Когда мистер Каст с достоинством вышел, мой старый друг улыбнулся:

– Итак, Гастингс, мы снова хорошо поохотились, не так ли? Да здравствует спорт!

notes

Примечания

Фешенебельный отель с рестораном в Лондоне. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Alexander Bonaparte Cust.

Тюрьма в графстве Беркшир, где содержат и лечат психически больных.

Churston.

Carmichael Clarke.

Намек на солдатскую песню, популярную во время Первой мировой войны: «Дальний путь в Типперэри...»

«Сент-Леджер» – ежегодные скачки для кобыл-трехлеток в г. Донкастере, графство Йоркшир. Впервые были проведены в 1776 г. и названы по имени первого организатора – полковника Сент-Леджера (St. Leger).

Вокзал в Лондоне.

George Earlsfield.

Традиционная формула британского судопроизводства.

Эркюль (Hercule) – французский вариант имени Геракл, Геркулес (Hercules).

Аскот – ипподром близ Виндзора, где в июне в течение четырех дней проходят ежегодные призовые скачки; впервые были проведены в 1711 году.

RIP! – Requiescat in pace! (*лат.*) – Да почует с миром!

Термины игры в рулетку.